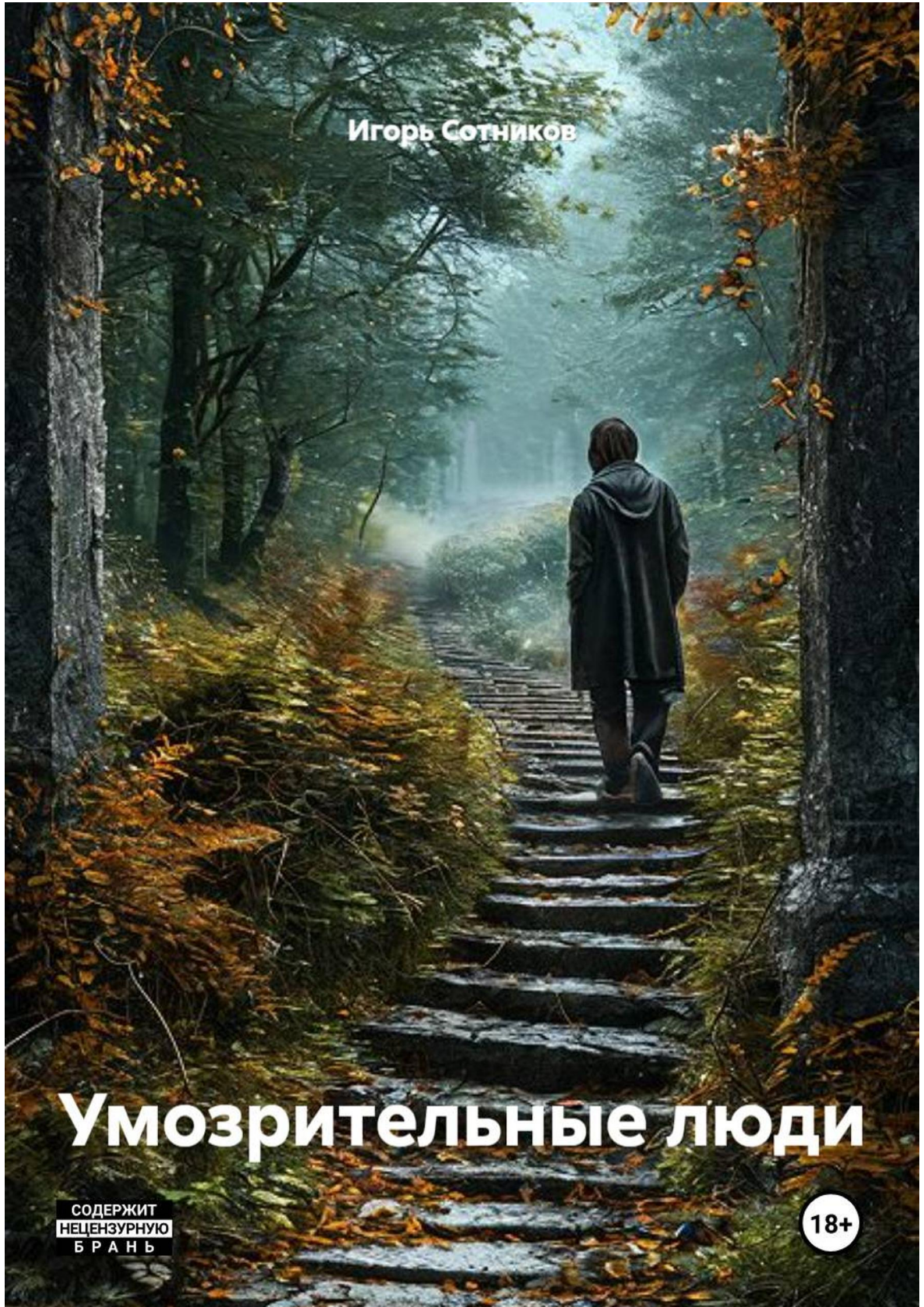

Игорь Сотников

Умозрительные люди

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Сотников

Умозрительные люди

«Автор»

2026

Сотников И.

Умозрительные люди / И. Сотников — «Автор», 2026

Хочешь что-то спрятать, положи это на самое видное место, и никто эту вещь не заметит. И человек зачастую не видит и просто слеп к лежащим на поверхности вещам. В том числе и к самому себе. О ком казалось бы он всё-всё знает, но только до того самого момента, когда...А вот когда это когда настаёт, в этом изложении от первого лица и будет рассказано.

© Сотников И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Игорь Сотников

Умозрительные люди

Глава 1

Первая часть начальной трилогии. Предпосылки к пониманию одного своего жизненного кредо, где без частного случая никак не обошлось

«Клянусь говорить правду и только правду», – так бы и сказал я в своё оправдание, а если точнее, то в своё объяснение, но я всё-таки сейчас нахожусь не в суде, не перед лицом правосудия в лице какой-нибудь вашей чести, обязательно шибко принципиальной при исполнении своих должностных обязанностей и на этом своём судейском месте – с первого взгляда на вас мне за вас стало всё ясно, вы особого рода противник правосудия, со своим этим утверждением: «Не суди, да не судим будешь», и не пойми откуда вами взятом – где была бы её воля, а у меня не было бы адвоката и свидетельских показаний о моём алиби, то получил бы я по своим заслугам в фокусе определения вашей честью подсудности моего поступка, а так как пока что (от суммы и от тюрьмы, как говорят знающие и бывалые люди, не зарекаются) не создались такие условия и обстоятельства их выполнения для препровождения меня под суд, и я даже не в курсе решения судьбы в эту сторону на мой счёт (предпосылки не в счёт), то у меня есть все основания не волноваться за себя, и спокойно отдыхать на террасе уличного кафе и пить кофе, дыша полной грудью в сторону мимо проходящих красот.

Что между тем не отменяет во мне, не только желание, а чуть ли необходимость быть честным, – это не так уж плохо, – и не скрывать, говоря вам в лицо, всё как есть, то есть правду (а вот это, как оказалось не так просто и легко по своим последствиям сделать, являясь предпосылкой к приведению к ответу в зале суда перед вашей честью; всё-таки странно слышать такое выражение, как будто ты отдал во временное пользование свою честь на вот такое разбирательство), какой бы она не была горькой. И как бы меня не корили и временами не делали попытки кулаком закрыть мне рот за вот такую свою сволотную оценочность чьих-то поступков и поведения, и главное влезание туда, куда тебя не просят, я буду правдив, прежде всего, перед самим собой.

Ну а каковы причины вот такой моей принципиальной тяги к правде (всё имеет своё начало в лице причины), то... Они, конечно, есть. Но я ещё не готов их озвучить, находясь в самом начале пути в виде тоннеля, ведущего меня к двери отпирания той двери во мне, не дающей полной грудью вдохнуть воздуха свободы, и мне до головокружения тошно на пути к этой итоговой точке своего похода. Но как только я достигну этого пункта назначения своего устремления, и открою эту дверь, то тогда я полностью откроюсь. А пока... Прошу прощения, мне нужно ответить на телефонный звонок.

– Да, я слушаю. – Почему бы мне не ответить этому неизвестному мне абоненту, если у него есть такая надобность поговорить с первым набранным им номером из какого-нибудь потенциального списка (он утёк в даркнет не в самых благовидных целях) сильно доверчивых и идущих на поводу чужого мнения людей, кому можно, что хочешь втюхать и на этом, так сказать, улучшить своё благосостояние и личную самооценку. И я пока что не буду делать поспешных и предвзятых выводов о позвонившем мне и желающим оставить в моей жизни след от встречи с собой абоненте. Тем более у неё, а это она, очень приятный и вызывающий сладкие настроения голос. Который только за одно это послушать можно.

– Вы такой-то такой? – с вот таким философским подтекстом, нисколько меня не ограничивая, давая мне самые широкие возможности для своей значимости и интерпретации спрашивает меня этот милый абонент. И, конечно, я не мог не оценить такое к себе отношение

этого милого абонента, с таким уважением к потенциалу моей личности отнёсшийся ко мне, но всё-таки по факту обратившейся ко мне по имени и отчеству, как всё-таки приличествует обращаться к собеседнику, ну а то, что я прочитал в её обращении к себе такой широкий и внутренний подтекст, то, что тут поделаться, когда голос весеннего благоденствия на всё это наводит и предполагает думать и размышлять.

Между тем я, человек с критическим мышлением, в том числе и в свою сторону, не поддаюсь на уловку лестности, а я верно и целостно себя оцениваю, и мне всё-таки нужны более существенные причины для того, чтобы принять в свою сторону вот такую лестную оценку – кто-то во мне испытывает крайнюю необходимость, а иначе зачем мне кому-то, кто меня совершенно не знает, звонить и поди что ещё с предложением оказать мне безвозмездную помощь. Так что я просто обязан быть даже с этой милой абоненткой крайне внимательным и осторожным, и само собой не жертвуя своими принципами.

– Могу ли я услышать Варфоломея Леонтьевича? – а вот так в натуре и детализировано обращается ко мне по моему публичному представлению это милое создание. И меня умиляет и располагает к разговору умение правильно произнести моё именование и выразить уважение, а не удивление такому моему взгляду со стороны и на себя. В общем, я считаю, что это звучит мило.

А раз так это милое создание умеет создать рабочий фон для беседы, то я иду ей навстречу.

– Могёте. – Всегда отзывчив я к людям, испытывающим ко мне уважение, не коверкающих усмешкой моё имя.

– Я оператор по общественным связям, Алиса. – А вот здесь что-то меня покорило в её представлении, и я получил внутренний толчок в сторону подозрения в её честности, что отвлекло меня, и я пропустил мимо ушей её дальнейшую болтовню. Тем более это было не сложно сделать, так она затараторила.

Правда в один момент это жужжание в ухе мне надоело, и теперь я решил перебить Алису, неведомо мне, куда меня ведущую.

– Алиса, это точно ваше имя? – задаюсь вопросом я.

И на такой вопрос, эта, под подозрением в своей не полной честности Алиса, в некоторой степени растерялась, не ожидав от меня такого рода направленности интереса.

– Моё. – С проскальзывающей в интонации неуверенностью даёт ответ она, как я почувствовал по её сдавленному дыханию, то напрягшейся там из-за вот такой моей непредсказуемости поведения.

И я в этом плане, быть для неё непредсказуемым, не подведу.

– А чем докажете. – Делаю такое обращение я.

А Алиса к такому роду вопросов не была готова, и она находится в растерянности и непонимании, чего этому козлу(то есть мне) ещё от неё надо. Она вроде бы всё говорила согласно прописанному в методичке по охмурению клиентов, а тут такая непредвиденность и предвзятость, как будто она телефонная мошенница. Сперва докажете, а затем судите. Вот так!

– Не знаю. – Даёт ответ она, и значит, мне на себя брать бразды ведения этой беседы.

– Тогда скажите мне номер вашего телефона, по которому вы мне сейчас звоните. – И опять какая-то странность и загадка для Алисы звучит с моей стороны. Но на этот мой вопрос у неё всё-таки есть заготовленный ответ.

– Мне запрещает это делать регламент. – Отбивает слова Алиса.

Что мне сильно непонятно, когда её номер прямо сейчас вижу на экране своего телефона, и в чём тут тайна и конфиденциальность информации. О чём я её так и спрашиваю.

На что мне следует в прежнем, запретительном ключе ответ.

Что ж, мы оказываемся в тупике, выход из которого я вижу в перезагрузке нашего разговора.

– Ладно, я вас понял. – Как бы отмахиваясь я от такой регламентированной принципиальности моей собеседницы. – Давайте начнём всё с начала. А то я не сильно усидчив, и на ходу забываю имена, и какие цели преследует эти имена.

И у моей собеседницы, вроде бы как Алисы, нет другого выхода, как начать наш разговор и знакомство друг с другом с самого начала. Где она, как усидчивая ученица, с тех же самых слов делает ко мне обращение, и ожидаемо мной, а ею только в части моего злобного понимания, что я человек для неё непредсказуемый, едкий и от меня можно ожидать всякого фокуса, я даю совсем другой ответ.

– Смотря кто спрашивает. – Даю ответ и заявку на построение логической цепочки я. Чья принципиальность строится на совсем лёгкой схеме: Вы меня не знаете – тогда и я вас знать не хочу, вы меня знаете – тогда этого хватит, чтобы сразу закончить без последствий этот разговор.

Ну а моя милая собеседница не так проста, и она делает расширение первого, мной предполагаемого варианта.

– Я, – чуть ли не облизывая трубку своего телефона, таким сладостным голосом она (надо отдать ей должное, она быстро умеет перестраиваться и подстраиваться по новые условия разговора, очень ловко избежав своего представления в именном качестве; а это значит, что мои подозрения насчёт её выдуманного имени были не беспочвенны) говорит, что у меня самопроизвольно, на рефлексивной основе выделились желудочные соки, конечно, обогатившие моё сознание разными впечатляющими мыслями, но при этом я-то знаю, как обманчив вот такой сладостный и навевающий мечты голос, и я пока послушаю, что он мне всё-таки предложит. – Я, – приходится повториться для полного понимания этого момента заложения основ в площадку моего расположения к моей собеседнице, говорит она, – из центра содействия гражданам. (Хм. Уже интересно) Мы проводим опрос. – А вот этот момент вызвал у меня разочарование в том плане, что меня принимают не за личность, а за среднестатистический объект опроса. А такое своё усреднение до статистического звена жизни, я не допущу, кем бы вы, милое создание, не были.

И во мне возникло раздражение и желание не отвечать желаемому этой милочки, а скорей наоборот, я буду с ней предельно нежелательным клиентом (то есть не среднестатистической личностью).

– И я значит, – с долей грубости отвечаю я, – с ваших слов должен во всё вами сказанное поверить.

– Да. – С растерянностью и как же может быть иначе, на основе такого инфантилизма даёт ответ она, к этому ещё вот такую свою простосердечность добавляя. – А как иначе.

А как иначе я этой наивной дурочке поясню (ничего меня так сильно из себя выводит и не раздражает, когда меня хотят подвести под свой общий знаменатель).

– Исходя из ваших слов, я должен в вас первым уверовать. – Вот такое закидываю в ум этого уже под сомнением милейшего создания, в котором есть какая-то червоточина, и её я сейчас буду выявлять.

– Я не понимаю. – Само собой очень искренна в ответ эта милая мошенница на моём доверии.

– Так вы проповедница? – ставлю в тупик этим своим утверждением свою собеседницу.

– Да нет. – Вообще перестаёт понимать, о чём идёт речь моя собеседница, сглатывая там в себе что-то, скорей выпускаемые слюни.

– Но если разговор зашёл за веру в вас, где вы мне предлагаете вам довериться, поверив в ваше слово, то я не понимаю этого вашего отказа. – Вообще сбиваю мысленный темп со своей собеседницы я, решившей видимо сильно подумать над моими словами, и бросившей трубку.

– Видимо час проповеди для неё не настал и она решила к этому моменту более лучше подготовиться. – Отложив в сторону телефон, пришёл к вот такому решению я, будучи при

этом уверенным в том, что вот такие люди слова, несущие в мир свою проповедь, меня ещё ни один раз потревожат в желании донести до меня свою проповедь: Всё в нашем мире тленно. И тогда какой смысл держаться за материальное. С ним нужно легко расставаться.

И действительно, как им не поверить, и тут же не расстаться с этим объектом тленности в руках, телефоном и самим носителем нового слова, кто тут же пропал в эфире, стоило мне только выключить телефон. Который я, как ещё не достигший просветления, не смог выбросить, искушаемый мыслью и желанием слышать голоса проповедников нового слова, кто меня уму-разуму научит и с мотивирует меня жить не по лжи, а с праведной точки зрения.

Но всё-таки, что такое правда для меня и какая такая необходимость ей следовать? И уж точно не навязанное и напускное. Ведь правда – это такой экстракт человеческого сознания, рождённый в муках общественного договора, руководствующегося в своих действиях необходимостью выживания и созидания, который не всегда считается с самим собой, а только при соблюдении определённых условий, таких как время, место и обстоятельств применения.

И собственно правда, ещё называемая точкой зрения, не может реализовываться вне общественного дискурса и сознания. Вот и приходится искать свою правду во вне, в местах так называемого ореола обитания общественной дискуссии, ведь своей правды не всегда достаточно, чтобы стать полновесной правдой для всех участников событий в этой правде жизни. Нужны и другие значения и доказательства правды.

И в поисках какой-то, скорее всего, на свой счёт правды, возможно, что ещё и привлечённый личным любопытством, я оказался на мероприятии называемом быстрые свидания, где ваше друг друга не знание и в первый раз вижу знакомство, даёт самые широкие возможности для раскрытия в вас потенциала широты души и вы можете быть, наконец-то, честным. О чём мною предполагалось, а в рекламном релизе, обнаруженном мной на одном из информационных сайтов, а может где-то ещё, мне так же предлагалась непринуждённая атмосфера общения (мне это подходит), приятные собеседники (а это уже спорно, всех под одну, хоть и приятную гребёнку не подгонишь), которые, вот же неожиданность, заинтересованы в общении с вами, то есть со мной. Хм. И откуда они меня все знают, чтобы быть заинтересованы в общении со мной? Моя личность вроде бы не так сильно распространена в информационном пространстве, чтобы быть заинтересованным в общении с ней.

Так что я был подкуплен этими обещаниями и решил посетить столь внимательное к моей личности место, в одном из заведений кафешного типа, арендованного организаторами этого мероприятия под эти цели.

И, конечно, не всё так гладко на практике получается, как это указывают в своих пресс-релизах организаторы этих мероприятий. И прежде чем я буду допущен для участия в этом мероприятии, я должен был пройти опрос на так сказать совместимость моего выбора, где, вы должны понимать, есть и другая сторона вашего выбора, которая на себя берёт ответственность за выбор вас.

Здесь я хотел немедленно и с раздражением перебить этого модератора сего мероприятия, всего лишь поинтересовавшись: «Назовите мне, будьте так любезны, кто решил так себя грубо и не воспитано по отношению ко мне себя вести, решив не согласиться с самой верной точкой зрения на меня, с моей собственной?». Но что-то во мне меня остановило, и я, решив, что такую информацию мне по телефону никто не скажет, а если я хочу добыть для себя эту информацию, то я должен лично на это мероприятие прийти. А пока что, я так уж и быть, отвечу на эти наводящие меня на самые странные мысли вопросы.

Ну а этот модератор участников этих свидания, явно почувствовав мою от неё зависимость и моё сильное до нетерпения желание в нём поучаствовать, не смотря на многое, что меня коробит и не нравится, берёт стерва и начинает использовать это моё зависимое от неё положение.

– Скажите ваш возраст? – вот так прямо мне в ухо задаётся собой и этим вопросом эта стерва модератор Алла. Вызывая у меня нетерпеливость желания с ней немедленно познакомиться и посмотреть в её накрашенное и на помаженное своей наглостью лицо типа физиономии.

– А зачем это вам? – интересуюсь я.

– Это по большому счёту нужно не мне (на вас мне наплевать, читаю я между строк), а тем участницам нашего вечера, с кем вам будет предопределено судьбой встретиться. – С какой-то прямо не скрываемой язвительной ядовитостью это говорит модератор Алла, от чего у меня всё желание о себе заявить на этом вечере пропало. И вообще, для судьбы совсем не важно, какой у меня возраст, чтобы меня лоб в лоб столкнуть со своей судьбой.

Но об этом я не буду говорить Алле, той ещё дуре, относящейся к своей работе формально и без романтики в словах (одна только расчётливость).

– Значит, у вас есть какие-то возрастные рамки для участия? – спрашиваю я.

– Особых рамок нет. – Спешит меня успокоить Алла, так открыто завираясь. – Мы всего лишь добиваемся культурного равновесия, без возрастных перегибов в наших участниках, когда присутствует явный дисбаланс между знакомящимися собеседниками. – Вон сколько воды налила в уши мне Алла, пытаюсь скрыть правду. Чего я не терплю и прямо-таки ставлю её перед лицом правды в себе.

– Мне шестьдесят пять лет. – В один момент постарев в своём до хрипоты старческом голосе, говорю я. Вызывая судорогу и спазмы горла и лица Аллы, начавшей заикаться и першить в горле в ответ.

– Вы это, шутите? – пытаюсь как-то отбиться от факта такой реальности в моём лице, с надеждой на моё отличное настроение и чувство юмора так себе, вопрошает Алла.

– А разве любви не все возрасты покорны? – с долей удивления интересуюсь я.

– Всё так... – и дальше от Аллы стоило ожидать какую-то фальшь. Чего, как уже не раз мной говорилось, я терпеть слышать не могу, и поэтому я превентивно её пресекаю, успокаивая Аллу своим новым заявлением. – И как с моим чувством юмора? – перебиваю Аллу я этим своим вопросом.

– Пойдёт. – Алла хватается за предоставленную мной соломинку. Ну а дальше она не хочет меня больше ни о чём спрашивать (и слышать), хотя есть масса вопросов, которые нужно обсудить, рассчитывая на чудо и на моё здравомыслие и честность насчёт своего чувства юмора.

И Алле со мной в этом плане сильно повезло, у меня было настоящее чувство юмора, которое имеет свой самый цинус, когда во время подаётся. И когда я прибыл на место организации этого мероприятия, в достаточно уютное кафе, то я сразу узнал Аллу по её нервному тиканью в лице, дёрганному в носу поиску и ожиданию появления представляемого мной того циничного и со своим сарказмом гада, по чьей причине она потеряла аппетит и покой, принявшись склоняться после нашего с ней разговора к версии своего мной обмана. Где я ей так ловко заговорил уши насчёт своего умения так шутить насчёт своего преклонного возраста, что она мне поверила и... как ей теперь придётся выкручиваться, когда на быстрые свидания заявится сам дед Мазай, о котором она по причине своей большой растроенности и растерянности во время телефонного со мной разговора, вообще ничего, даже имени не выяснила, и теперь любой человек может оказаться на моём месте.

А вычеркнуть меня из списка сегодняшних гостей и участников этого мероприятия (меня она там галочкой отметила, и этого оказалось с неё хватит), а для кого-то может и судьбоносного события, она никак не может, сильно опасаясь меня, подозреваемого ею в самом склочном, скандальном и беспардонном характере поведения. Где я точно не потерплю вот такого дискриминационного по возрасту подхода и закачу на всё кафе скандал с битьём, если не

посуды, то чьих-то голов. И на это у такого как я, склочного и нервного человека, сил точно хватит.

Вот она и не находит себе места, во все стороны крутя головой, вздрагивая каждый раз, как открывались двери кафе, в которые она смотрела со страхом в преддверии сердечного приступа. Что я ещё с улицы, при подходе к дверям кафе заметил, решив, правда не точно, что модератор Алла и сама, как сапожник без сапог, испытывает на себе муки одиночества. А вот по какой причине, то тут вот так просто не ответишь, видя то, что она внешне из себя представляет – вполне себе ничего даму.

А вот делать скоропалительные выводы о том, что тогда все её проблемы лежат в области внутреннего, то я этого делать не буду до знакомства с Аллой. Что не представляет никакой для меня и для кого другого трудности, когда Алла находится сейчас на посту свахи. В чьи обязанности входит не только организационные вопросы, но и философский вопрос разъяснения нам, людям, находящимся в поиске для себя ответов насчёт структуризации и проектирования будущего своей жизни, для чего всё это нам нужно, имея за своей спиной большой опыт вот таких близких отношений, где имело своё место, не сходство характеров, вынос личных вещей, продуктов твоего личного формирования и мозга, предательство, ну и главное, разочарование. И если нет любви, как принялись смотреть на жизнь под таким принципиальным углом все эти люди, то с каких расчётливых позиций предлагает Алла смотреть на все эти будущие, с возможностью пролонгации отношения.

И как уже можно догадаться, то с такими вопросами чуть ли не откровенности и мне нечего тут скрывать, я буду предельно с вами честен, к Алле подошёл я. Сперва, конечно, войдя внутрь кафе, затем раздевшись в гардеробе, сняв с себя куртку, быстро осмотрелся по сторонам, удовлетворившись внутренним интерьером кафе, а вот насчёт представительниц женского пола, с кем мне предстояло через некоторое время знакомиться и беседовать, то тут не всё так однозначно, как модно сейчас выражаться. И надо будет ещё раз внимательно и ближе в их сторону посмотреть (они с группировались в одной части кафе, тогда как прибывающая сюда мужская половина, что удивительно, то приходящая не заранее, а чуть ли не к самому назначенному времени – теперь становится ясно, кто боится опоздать и потерять время – расположилась на самом входе), чтобы сразу для себя определиться со своим выбором – что поделать, верю я в чистоту и верность первого взгляда – а пока у меня есть дело до модератора Аллы, с улыбкой гостеприимства и некоторой надежды на меня смотрящей в мою сторону.

– И кто тут у нас? – с налётом лёгкого флирта встречает она меня, держа в руках планшет со списком сегодняшних участников, который она также держит в уме.

Ну а стоило мне только ей представиться: «Варфоломей Леонтьевич», так Аллу в лице перекосило и в ногах так же подкосило. Но при этом Алла в себе, невозмутимой и уравновешенной крепко держится, при этом не скисая от этой, подавшей ей под дых новости о моём всё-таки прибытии, тогда как она уже была уверена в моём не приходе.

Впрочем, главная с моей стороны опасность во мне (моя огромная жизненная опытность) как бы отсутствовала, и я вполне вписывался в число участников этого мероприятия.

При этом, хоть я и не обманул ожидания Аллы в плане наличия в себе чувства юмора, пусть даже столь специфического, эта Алла, видимо расслабившись и посчитав, что ей теперь с моей стороны ничего не угрожает, начинает в себе демонстрировать такое свойство своего характера, которое, по моему рассуждению, и стало причиной её нахождения в статусе одиночества.

– Варфоломей Леонтьевич, если это и в самом деле ваше имя, – с вот такой самонадеянностью и дерзостью обращается ко мне эта Алла, – мы все здесь собрались в непринуждённой и лёгкой обстановке провести вечер, а вот такая ваша официальность своего представления не будет способствовать нахождению общего языка с вашими собеседницами.

– Вы так думаете? – взявшись в задумчивости за подбородок, задался вопросом я.

– Могу со всей своей ответственностью заверить вас в этом. – Отвечает Алла.

– Но раз так, то я готов. – Соглашаюсь я. Вот только у меня есть в этом вопросе затруднения. – А как же тогда мне зваться?

– Ну ты, бл*ь, и достал. – С вот таким посылом меня подальше посмотрела на меня Алла, ещё раз убедившаяся в верности своего жизненного выбора, быть лучше одной, чем с кем попало, в особой частности с вот таким придурковатым типом.

– Да как хотите. – Озвучивает вслух мне такой ответ Алла, как бы давая мне карт-бланш на сегодняшний вечер. Можете врать напропалую насчёт себя – мол, я человек не стяжательный, и готов это в вашу сторону показать, если вы пойдёте навстречу моим желаниям, или же я секретный агент и ищу из массы простого народа для себя партнёршу для проворачивания шпионских дел, где мы должны пройти тест на личную совместимость – я ничего не имею против, и даже того больше, посодействую вам и прикрою свои глаза на ваши выходки.

– Тогда я назовусь Варрой. Сокращённо от Варфоломея. – Делаю логический вывод я, и судя по искривившемуся и ставшим кислым лицу Аллы, до чего же ко мне предвзятой и придирчивой, то опять всё не так и её что-то не устраивает. О чём я так её и спрашиваю. – Что опять не так?

– Всё может итак, – опять начинает эта Алла увиливать от прямого ответа, – но как я вам уже говорила (это когда?), то простота своего представления и общения облегчает нахождение коммуникации между людьми (а сама-то, что за сложные выражения применяет).

– Тогда назовусь Варей. – Новое имя даю на суд Аллы я. И опять час от часу не легче, как это читается по Алле, я тут её слух морожу.

– Что? – уже я начинаю раздражаться в сторону вот такой умозрительной придирчивости Аллы.

– Но это ведь женское имя. – Чуть ли недоумевает в мою не самую ею понимаемую, если мягко сказать, а так-то в дурную сторону Алла.

– Ладно, пусть меня зовут Вася. – Первое, что приходит на ум говорю я, и на этом всё, остановились.

– А теперь прошу пройти к вашей группе. – Со вздохом облечения говорит Алла, прикрепляя на лацкане моего пиджака порядковый номер и вручая мне так называемую карту симпатий, на которой мне предлагается оценивать каждую из своих собеседниц. Что для меня лишне, когда я уже для себя заприметил ту, с кем я хочу для начала весь сегодняшний вечер провести, и мне никто другой не нужен. И я врать никому и особенно всем этим девушкам не намерен во время этих запланированных на общение пятиминуток, когда я всеми мыслями буду за столиком отмеченной в моём уме и сердце девушки, а именно за столиком номер пять, весь в себе тяготясь этими разговорами для меня ни о чём, с нетерпением ожидая его окончания и наступления времени моей встречи с выбранной мной девушкой, обязательно с каким-нибудь удивительным на слух в звучании её бархатного голоса именем и в сопровождении мимики её милейшей улыбки. Которая несёт в себе частичку вопросительности ко мне: Ну и как я вам себя представила? Есть о чём подумать вашему сердцу?

А как по мне, то эти вопросы для неё лишне, тогда итак по мне всё видно. Впрочем, я не против всего этого и такой ко мне подход в чём-то интригует и интересен.

В общем, я не стал следовать всем установленным здесь, для меня лишним правилам, и как только прозвенел звонок для начала первого раунда данного мероприятия, предполагающего мужской части пройти за столики с девушками за ними строго по регламенту (каждому из нас также вручили карточку с номером столика, с которого мы должны начать своё знакомство), то я прямиком направился к столику с выбранной моим сердцем девушкой. А она, надо отдать ей должное, несмотря на некоторое столпотворение во время нашего захода в общий зал, сразу же меня заметила, и возможно, что это я придумал, много чего на её счёт надумав, замерев в себе от предчувствия чего-то в её жизни никогда не случавшегося и необычного,

задержав заодно дыхание, принялась не сводить с меня своего пронизательного и ждущего чуда взгляда, и ждать, что же такого я ей принесу с собой – счастье или же только сердечный переполох и сумятицу личного толка (последнее всегда сильно вероятно).

И вот я уже нахожусь у её стола вместе с ней, здесь я не оригинальничаю и сперва здороваюсь: «Здрасти», и затем уже спрашиваю её: «Не будете против, если я к вам присоединюсь».

И она, сразу видно по ней, не будет против хотя бы по той причине, что я заинтриговал её своим к ней подходом с этим своим здрасти, а уж затем по причине объективных обстоятельств: регламент данного мероприятия всё это предполагает.

– Присоединяйтесь. – Кивает на стул напротив Рита, как вскоре мной выяснится из короткого даже по местным меркам (для этого будут свои причины, о которых будет изложено вскоре), ознакомительного разговора с ней.

Я занимаю стул за её столиком и сразу тяну к ней руку для своего представления. – Вроде бы никаких запретов нет насчёт рукопожатий, – предупредительно говорю я, не сводя с Риты своего внимательного взгляда. С чем она не может не согласиться, и сама не слышав такого рода запретов. Правда, это моё действие должно быть подкреплено какой-то, хотя бы формальной необходимостью. И она следует.

– Вася. – Представляюсь я.

– Правда? – почему-то смешится Рита.

Ну а зная моё отношение к правде, не трудно догадаться, как ей отвечу. – Субъективная. – С долей хмурой серьёзности даю ответ я.

– Тогда я Рита. – А вот так уже она представляется, создавая для меня столько загадок насчёт её настоящего имени, которое идёт в комплексе с моим именем, от которого оно отталкивается.

Но да ладно. Сейчас для меня всё это сопутствующие нахождению общих точек соприкосновения с Ритой факторы (правда, один уже нашёлся, её умение быть сообразительной).

Ну а теперь, я не собираюсь ходить вокруг до около того, что меня сюда к ней привело, и прямо и в лицо ей выкладываю это.

– Рита, – глядя глаза в глаза ей, делаю обращение к ней я, – буду предельно честен с вами.

– Во как! – перебивает меня отчасти Рита, показушно удивляясь, – это меня ко многому обязывает. И даже несколько в себе робею насчёт самой себя. Чем я всего этого заслужила?

– Заслужила. – Кивком успокаиваю я её и продолжаю. – И можете не беспокоиться, всё в пределах корректности (фу, успокоили, – не может Рита не прокомментировать). Вы самый интересный для меня здесь человек. – А вот это было мной сказано на одном выдохе. И мне нужно отдышаться в нервном ожидании ответа Риты, смотрящей теперь на меня без этой своей защиты в виде насмешки над всем со мной связанным и происходящим. И в её взгляде теперь проскальзывают проблески надежды и задумчивости размышлений на счёт моего, так структурированного предложения.

И видимо всё-таки в Рите берёт вверх её характерность, и она вот что мне заявляет.

– Что и говорить, дерзко и самонадеянно с вашей стороны заявлять о себе, как о приоритете выбора для меня, как я вас поняла. – Делает вот такое утверждение Рита, а сама при этом в противовес собой сказанному смотрит с надеждой на меня, мол, если всё так, то я готова принять эту вашу позицию в мою сторону, но только вы постарайтесь найти убедительные для этого аргументы и слова.

И я бы их обязательно нашёл, не вмешайся в суть и ход нашего разговора какой-то нетерпеливый и навязчивый тип, очень так вызывающе и наводящий на самые разные мысли одетый – он был облечён в костюм в клеточку, где центральное место занимала жёлтая бабочка, на его назойливой в своей насупливости и надутости в щеках физиономии присутствовала борода, которую стильно дополняли бакенбарды. И его взгляд претензии сразу напрашивался его отрядить куда подальше, а сам он на имя Элвис. Кто достал меня уже тем, что давит на одну только

заунывную ноту, вгоняя меня в уныние и деспотизм взглядов, с которыми я ему хотел заметить, что мол, хорош, быть таким нытиком и давай рок-н-ролл.

Но всё это пока что находится в процессе своего рассмотрения и формирования, а сейчас этот недоделанный Элвис принялся иступленно и истерично утверждать, что у него есть приоритетное право находиться за этим столиком, и вот номер от этого столика при нём. А причём здесь этот номер, когда мы с Ритой нашли друг для друга. Но нет, этот тип ничего слышать не хочет, для него мои разумные аргументы ничто, и он усиливает на меня давление тем, что принялся на весь зал ныть и канючить, заявляя, что его права на знакомство первым с Ритой нарушены, и он этого не потерпит, написав в спортлото, туда, куда я его послал уже в мыслях.

Ну а вслух я держу себя в руках и в культуре воспитания, по факту поинтересовавшись у этого настырного до чужих радостей типа: «С каких это шей?!».

А этот дотошливый тип, видимо никаких слов вообще не понимает, начиная в мою сторону тыкать бумажкой с номером столика с Ритой, считая, наверное, что этого вполне достаточно, чтобы утвердить свою правоту и быть для Риты первым парнем на этих свиданиях.

С чем я категорически не согласен, обозначая эту свою позицию через вопрос. – И что? – Как что? – недоумевает этот маменькин сынок.

Ну а раз ему нужны объяснения, то на, получай. – Я вот так всё это дело вижу. – С расстановкой слов и акцентов, в сопровождении хмурости и недовольства на своём взгляде на эту истеричку, делаю я пояснение своей позиции на сложившуюся ситуацию, где имеет место конфликт интересов, если юридическим языком изгаляться. – Этот номерок в ваших руках, – себе соблаговолую я кивнуть в сторону этого малосущественного доказательства своей правоты Элвиса, – есть результат случайности в купе с вероятностью. Тогда как я всегда полагаюсь только на себя, беря судьбу в свои крепкие руки (здесь мне для убеждения Элвиса в своей неправоте пришлось поиграть ручной мускулатурой). И как я сейчас вижу, сидя на этом месте, тогда как ты стоишь в умоляющей и просящей позе, что это не твоё, а моё место. И Рита, на чьё внимание, прежде всего, и непонятно даже вам на каких таких основаниях вы претендуете и поди что про себя решили набиваться на нечто большее, если вы откинете свой снобизм и у неё поинтересуетесь, то имеет своё мнение и точку зрения на всё вами сейчас здесь затеянное.

А вот после этих слов, заставивших Риту в себе напрячься, а нас с Элвисом перевести свои взгляды в сторону её итогового решения насчёт нас, этот хлюпик Элвис, в одном только верно соображающий – в понимании того, что ему тут ничего не светит, пустился в ещё большую истерику, потребовав для своего спасения модератора вечера Аллу: Алла!!!

Ну а Алла чего-то подобного с моей стороны давно уже ожидала, и когда возник на ровном месте этот наш конфликт интересов в сторону приоритетного внимания к своей личности Риты, с этим брызганием слюнями и выкриками Элвиса, то Алла с упавшим сердцем в один момент сообразила, кто есть изначальная причина этого инцидента. Конечно же, это я. К кому у Аллы выработалось устойчивая неприязнь и предвзятость.

И совсем не трудно было мне догадаться, чью сторону в этом конфликте займёт модератор Алла, усилившая свою позицию распорядителя вечера людьми из числа охраны. И тут нет никакого смысла ей и уж тем более Элвису доказывать и приводить аргументы быть мне вместе с Ритой, с кем у меня наладилась ментальная связь и вообще тут имеет счастливый случай встречи двух разделённых временем и пространством половинок, Алла сильно ко мне негативно настроена и она, как та Алиса из телефонной трубки, кто утверждала, что она работает в агентстве по связям с общественностью, твердит только одно: У нас существует строгий порядок, и вы обязаны его придерживаться.

А вот меня подкупать и тем самым спроваживать от Риты, моей может точно половинки, предлагая мне в первый раз вижу, что за девушку, кто по заверениям Аллы, сидит и ждёт именно меня за столиком указанным в моей карточке, то это какая-то прямо провокация. И я даже смотреть в её сторону не буду, будучи с Ритой предельно честен в своём только её выборе.

И я никогда не соглашусь на синицу в руке, ту девушку за другим моим, первым по очереди столиком, а мне нужен только журавль в небе: Рита.

Но сейчас обстоятельства так складываются, что мне без скандала и силового препирательства никак здесь нельзя остаться, и я принимаю наиболее благоразумное решение, покинуть этот столик и само кафе. Но при этом последнее слово останется за мной.

– Хорошо, я уйду. – Обращаюсь я к Алле. Затем поднимаюсь из-за стола, кидаю сложную для осмысления Элвиса фразу: «Ваш фальцет не для птиц высокого полёта», и как итог, я прощаюсь с самой Ритой:

– Я терпеливый. Я вас подожду.

И на этом всё, я с гордо поднятой головой, с выражением на лице удручённости в сторону несправедливости этого мира, размеренным шагом иду на выход, всё же замечая, что всеми здесь людьми провожаем, и я даже в некоторых чувственных сердцах занял своё место (и зачем он уходит? Остановитесь!). И в таком затишье сердечного ритма и ступора мысли я добираюсь до выхода, что б громко хлопнуть за собой дверью. А вы Рита можете даже не надеяться на то, что я оглянусь в вашу сторону и запечатлею вас в своём разбитом сердце. Я сильно гордый, и честный. И раз я сказал, что вас подожду, то подожду, без этих преждевременных оглядываний назад и недоверия к вам. Где вы как ни в чём не бывало переключитесь на Элвиса и для себя заметите, что Элвис не такой уж плохой вариант на этом без рыбье.

И как нужно меня понимать, что не всем и не всегда получается это сделать, то я сказав: «Подожду», совершенно не имел в виду, что на улице сейчас Риту подожду. А подожду я следующего такого же вечера, куда Рита, как человек в достаточной мере меня понявший и надеюсь, что понимающий, обязательно придёт, чтобы меня там отыскать и встретить, раз сегодня между нами встали вот такие непреодолимые обстоятельства. Ну а почему она на следующее мероприятие подобного толка должна прийти, то разве это ещё не ясно. Это единственное место, которое как-то нас между собой связывает.

И я, в общем, не ошибся в Рите, в себе (я верно рассчитал ход мыслей Риты) и планировании нашего будущего. Рита пришла на следующий вечер так называемых быстрых свиданий, проходящих под патронажем модератора Аллы. Кто, давайте уж будем предельно честным, а другим я быть не могу, не сильно уж обрадовалась, когда услышала и узнала мой голос в телефонной трубке. Где мне и говорить не пришлось о цели моего звонка, Алла сразу о ней догадалась, попытавшись меня в моем желании посетить следующее запланированное мероприятие очередной ложью о том, что к моему большому сожалению все места распределены.

На что мне пришлось довести до Аллы одну простую мысль о том, что я от неё не отстану, и ей будет лучше для меня место зарезервировать на этом вечере, нежели ей в последующем придётся каждый раз дёргаться при телефонном звонке, боясь, что это я ей звоню.

И Алла вняла голосу разума, вдруг обнаружив непростительную оплошность в составлении заявок на этот вечер, где действительно есть ещё нераспределенные места. – Как раз для вас, Варфоломей Леонтьевич.

– Очень рад, Алла, что вы меня не забыли и помните меня по моему имени отчеству. – Демонстрирую признательность я.

– Что поделать. – Вздыхает Алла. – Такой я ответственный человек.

– Век вас, Алла, не забуду.

А вот это уже было лишнее с моей стороны, и Алла не ждёт благодарности от клиентов, для неё выполненный долг лучше всяких похвал. И на этом остановились.

И на этот раз, при прибытии на вечер, я не спешу быть напористым в достижении своей цели, обрадовать до самого не могу Риту своим здесь появлением. Я решил, что моё так же её здесь ожидание, заслуживает того, чтобы для Риты моё появление здесь было сюрпризом,

и пусть она слегка поволнуется и понервничает в поиске моего здесь, всё нет и нет, да где же он, наконец, появления.

А я пока что и между тем постою за спинами других участников этого мероприятия и с саркастической улыбкой понаблюдаю за нервными метаниями Риты, уже начавшей пугаться того, что она на мой счёт сильно ошиблась, так обнадёжившись в мою загадочную, ну и пусть, что несколько бесцеремонную сторону, и я оказался таким как все эти мужики, слов своих не держащим типом.

Ну а когда прозвонил звонок для начала мероприятия, а Рита, что удивительно, заняла тот самый столик, что и в прошлый раз, то наша мужская половина выдвинулась в общий зал занимать свои места, – а я так же придерживаюсь скрытой, в самом конце позиции, при этом держа Риту на прицеле своего наблюдения, – то Рита, явно потеряв последнюю надежду вся в себе поникла и без всякого энтузиазма облокотилась подбородком на выставленную вперёд руку и принялась ждать первого для себя собеседника. Что меня почему-то навело на ни к месту вспомненного Элвиса.

– И на чём Рита, закончился ваш разговор с Элвисом? – Спросил бы я Риту, и может даже спрошу при определённых стечениях обстоятельств. – И вот только не врите мне, что на мне! Чего-то мало в это верится даже при имевших место аргументах о вашем здесь нахождении.

– Знаете, – имеет, что в ответ заявить Рита, – если бы мы с Элвисом только о вас говорили в тот вечер, ну и пусть, что Элвис по вас прошёлся не комплиментарно, назвав вас хамом, быдлом и наглецом (а вы, значит, не возражали!), то вы меня сегодня здесь только и видели в своих мечтах.

– Ладно. Не будем рассматривать эту тему. – Даю ответ я. – А то получится, как с Элвисом. Без меня вы ведёте разговор обо мне, а когда мы с вами наедине, то мы ведём беседу о нём. А вот подкалывать меня на том, что вы даже не сомневаетесь о чём или точнее, о ком будете говорить, окажись мы наедине друг с другом, то это хоть и так, но не смешно и скучно.

Я же между тем занимаю столик согласно своего номера, за которым заняла своё место пока что совсем никак мною не рассмотренная и не проанализированная девушка, я весь во внимании к столику с Ритой, находящимся по отношению ко мне в очень удачной для наблюдения за ней позиции: Рита находится сбоку, лицом ко мне, в следующем ряду столов и при этом в одной с нашим столиком параллели. Ну а так как Рита потеряла всякую надежду меня найти и обрести (чёта я не могу здесь без вот такого эпика), то она всей собой сконцентрирована на своём партнёре. Кто, заполучив для себя такую слушательницу, как Рита, давай этим моментом наслаждаться и пользоваться. А то когда ещё выпадет такой момент, когда его будут слушать во все глаза.

Ну а Рита, пребывая вся во внутренних переживаниях насчёт своих обманутых надежд почему-то мною (впрочем, в этом плане я с ней согласен), перебирает внутри себя все возможные причины моего отсутствия, в основном благоприятного и оправдывающего меня характера, которые помешали мне прибыть сегодня на этот вечер и встали на моём пути. И здесь может быть не только самые радикальные предположения: я ни о чём больше не думал, стремясь сюда быстрее добраться, в том числе и о своей безопасности, ведя себя так преступно неосмотрительно, что при переходе проезжей части не убедился в отсутствии летящих автомобилей, и как результат, попал под колёса автомобиля, так и самые обыденные – я внезапно слёг от вирусной болезни, и конечно, я не мог идти на встречу с ней, неся в себе такую болезненную опасность для неё. В общем, со всех рассматриваемых Ритой сторон я выглядел героем. Отчего Рита ещё сильнее в сердцах потускнела, пребывая в каком-то отстранении от мира и своего нахождения за этим столиком, где в пол уха слушала своего собеседника, смотря на него и мир вокруг взглядом созерцания.

И вот в какой-то момент от неё её собеседником потребовалось дать ответ на какую-то им озвученную историю, или же он её о чём-то спросил, и Рита, как бы очнувшись от своего ухода

в себя, одёргивается от этого сна, и с виноватой улыбкой смотрит на своего визави за столом, типа я знаете такая задумчивая, не могли бы вы повторить свой вопрос, и сама уходит взглядом в сторону, чтобы уйти от взгляда укоризны своего собеседника, где ... вот чёрт! Натывается на мою в её сторону улыбочивую снисходительность, но только отчасти, а так-то я всё понимаю и с сожалением смотрю на наше отдаление друг от друга и необходимость терпеть наступление времени нашей, наконец-то, встречи.

– А теперь, Рита, к вам вопрос. Вы меня подождёте? – посылаю взглядом такой вопрос я.

И, конечно, она меня подождёт. А иначе она зачем сюда пришла. Вот такая напористость и несдержанность чувств проросла в её ответном взгляде, где она даже в мою сторону чуточку поддалась.

И мы готовы ещё немного подождать, в отличие от собеседника Риты, в момент заметивший и сообразивший всё происходящее со мной и Ритой. И он в отличие от нас не только не был столь рад такому стечению обстоятельств, а он прямо-таки был раздосадован и расстроен. С чем он ушёл в себя хмурого, сложив руки крест-накрест перед собой, принявшись с этой защитной позиции смотреть на обломившую его Риту.

Но Риту уже ничем не расстроишь, она нашла меня и она никого и ничего вокруг не замечает. И это мне нравится, как нравится наблюдать за ней со стороны, где она всё-таки в себе собралась типа бесстрастной и чего это вы себе тут вообразили, и принялась демонстрировать в себе особого рода неприступность, где мне полагается быть героем в том плане, что я должен эту стену неприступности преодолеть (каким образом, то это вы уж сами придумайте) и заслужить взгляд благосклонности заключённой в этих стенах, само собой, принцессы Маргариты, как в паспорте значится Рита.

И я готов, но для начала нужно дождаться гонга звонка, дающего старт для следующего этапа этой нашей гонки за мечтой и друг за другом. Где вы, Рита-Маргарита, слишком там в себе не отвлекайтесь на фантазирование, и будьте хоть чуточку внимательны к внешним раздражителям, как этот звонок.

И вот звонок звучит и даёт старт следующему этапу свиданий, где меня ждёт следующий столик с девушкой за ним, а Риту другой собеседник. И так пока я, следуя очередности, не окажусь за её столиком. А менять всем тут планы, как в прошлый раз, форсируя события со встречей с Ритой, я не буду. Я проявлю настойчивость и терпение в достижении своей цели. И вообще, будет интересно и любознательно посмотреть на Риту, когда придёт моя очередь с ней быть тет-а-тет.

– Вот и я. – Присаживаясь на своё место за её столом, так обозначаю я своё прибытие.

А Рита принимает такой мой к ней подход старого знакомого. Так что давайте не будем тратить лишнее время на все эти предисловия. Я пришёл сюда ещё раз сюда только ради вас, и как я вас понимаю, то и вы здесь оказались по той же причине, большого интереса ко мне.

Правда и ещё раз правда, Рита включается в эту игру со свойственной ей характерностью.

– А я и не сомневалась в том, что вы придёте. – Вот так демонстрирует в себе самонадеянность Рита. С чем я мог бы поспорить, указав ей на свои наблюдения за ней тогда, когда она меня нервно искала в зале кафе, явно в себе демонстрируя неуверенность и переживания. Но я не буду спорить, мне нравится сбивать спесь самонадеянности другим способом.

– Тогда к чему был весь этот цирк? – показушно изумляюсь я логике хода ума Риты. – Могли бы в первую нашу встречу со мной выйти.

А вот это было, по мнению Риты, несколько дерзновенно с моей стороны. И она переполняется возмущением на теперь мою самонадеянность.

– Разбежалась. – Вот прямо так и говорит мне Рита, совершенно не чувствуя стеснения так выражаясь. – А как насчёт того, чтобы и другие варианты рассмотреть? – а вот это уже было оскорбительно мне слышать. Хотя с рациональной точки зрения Рита была разумна.

– И как? Рассмотрели? – ядовито так спрашиваю я.

– Рассмотрела. – Зло отвечает и смотрит на меня Рита.

А это уже меня веселит, и я с этой весёлостью в себе подвожу за Риту итог её этого рассмотрения.

– И как я понимаю из вашего нахождения здесь, то я для вас самый лучший вариант. – Вот такой вывод делаю я для Риты. Где он подкреплён фактажём её здесь нахождения и с этим невозможно поспорить. Что также и Рита понимает, и ей ничего другого не остаётся делать, как перейти на личности.

– Да вы, как я погляжу, самовлюблённый наглец. – Делает такое заявление Рита, смотря на меня пронзительным, с присутствием в нём разгневанности взглядом.

– И что с того? – усмехаюсь я, с какой-то особенной лёгкостью себя ощущая.

– А с того! – уже сильно разозлившись, путаясь в мыслях, заявляет Рита. – Что мне всё за вас, Нарцисс, ясно! И значит, на этом всё. Я не вижу смысла продолжать сегодня наше общение. – На этих словах Рита подрывается с места, чтобы, наверное, вылететь стрелой отсюда, где её ноги больше никогда не будет, но она одного немаловажного факта не учла, моей заинтересованности довести до её ума одну важную мысль – ей никуда от меня не деться, если это суждено судьбой.

Ну а в действиях и вслух это выглядело следующим образом. Я перехватил её руку своей рукой, и опережая её крик истерики: «Помогите! Меня тут хватают за руки!», твёрдым слогом, с расстановкой акцентов заявляю следующее:

– Уходите сейчас, чтобы снова начать меня здесь искать?

И видимо такой мой взгляд самонадеянности на наши отношения цепляет и перебивает всё в Рите, что она не думает кричать и звать о помощи, а она желает сделать важные для меня и на наше будущее уточнения. – Я сюда больше ни ногой.

– Понятно. – Многозначительно говорю я, глядя на Риту исподлобья своей задумчивости, при этом продолжая её держать за руку в вытянутом положении своей руки.

– Что вам понятно?! – на повышенных тонах вопрошает Рита, совсем забыв, что здесь, в кафе, мы не одни, и все с любопытством и в отчаянии Аллы на нас смотрят, и видят в этом её разгорячённом, на эмоциях поведении совсем не то, что она пытается до меня донести – свою не вовлечённость в сердечные дела со мной, ей на меня наплевать и видеть меня она бы никогда не видела.

Что я больше всех тут вижу в ней, и не могу, конечно, быть беспристрастным ко всему мной в ней разожжённом.

– Что вы своими ногами будете где-то ещё появляться. И мне хотелось бы знать, где? – спрашиваю я Риту.

Ну а Рита, видя, какой я в её сторону цепкий и неуступчивый, решает на этом сыграть.

– Если вы такой на мой счёт специалист, то найдёте. – Заявляет Рита, принявшись тянуть свою руку на себя, чтобы вырваться из моей хватки.

Ну а мне ничего другого сейчас делать не остаётся, времени на переговоры с Ритой мало остаётся, и я задаюсь к ней вопросом:

– Дайте хоть какую-то подсказку, где вас мне искать?

– Я... – и впадает в задумчивость Рита, однозначно начиная рассматривать схемы для манипуляции мной. А вот какие и всё ли так я по ней считал, то от ответа на эти вопросы будет зависеть, найду ли я Риту и хочет ли она своего мной нахождения? М-да. Любопытный вопрос.

Глава 2

Вторая часть начальной трилогии. Горькая и сладкая правда, и её правдоподобность

И ещё о правде и мотивации для её возникновения и желания ей следовать. И здесь я буду предельно честен с самим собой, что не всегда идёт себе же на пользу, – а себя чувствовать себя за наличие в себе вот такой самокритичности, то как-то это не приносит особого прироста и удовлетворения, – утверждая, что побуждает меня ко всему этому не моя более чем сознательность и стремление к справедливости, а, скорее всего, во мне берёт вверх моя чувственность и сердечность (хорошо, что без всякого расчёта), которые и заставляют меня (вот как-то так) идти подчас вопреки общественному желанию всем понравиться и быть своим в доску, заявив её во всеуслышание (правда только так и заявляется, а иначе она полуправда) и обязательно в лицо человека, если и не уклоняющегося от правды, то имеющего специфическое представление о ней со своего высокого начальствующего положения и роста, или же со стороны лица, кто по своей природе живёт в пространстве личного обожания, где лестные и велееречивые слова в свою сторону становятся нормой.

Но вернёмся к моей частности, с моим желанием обозначить мною и для меня некоторые частные соображения насчёт моей несдержанности в деле быть правдивым и правдоподобным в лицо... Нет, не в лицо обязательствам или обстоятельствам, а людям их определяющим. В общем, есть, бл*ть, и без этого приложения такие люди, которым так и хочется и не терпится в лицо высказать и сказать всю на их счёт правду-матку.

А почему не говорится, то тут есть для каждого случая непреодолимые по этическим соображениям и больше по личным морально-волевым качествам препятствия, если вслух оправдывать свою бездеятельность, а так-то не всегда разумно быть таким режущим правду-матку человеком. Кто и сам не без греха, и не без бревна в своём глазу, а всё туда же лезет, в правдолюбы. Ты сначала подвергни себя испытанию аскезы, уйдя в пустыню, а там посмотрим, что ты из себя стоишь.

Но всё-таки иногда так накатывает внутри бросить в эту самодовольную и лощённую физиономию своего начальника хлёсткую правду: «А вы, Сильвестр Викентьевич, никогда не услышите от нас, ваших подчинённых, настоящей правды. И вам с этим жизненным пробелом жить и придётся смириться». После чего мой начальник в лице много в себе высокомерия и здорового цвета лица потерял бы, и сперва, как мой начальник, от меня потребовал бы исполнения мной моих договорных обязательств – быть ответственным и добросовестным работником. Что предполагало с моей стороны честность.

А о чём, как правило, не говорят в лицо и скрывают, придерживая эту информацию для пересудов в курилке и за начальствующей спиной? То само собой о самых неприглядных и малоприятных вещах, о которых так и подрывается внутри всё или отчасти знать. В общем, посадил я Сильвестра на наживку любопытства. Ведь о вещах положительных и приятных хера ли знать. О них Сильвестру каждый рабочий день в лицо раболепствуют.

– Раз сказал «А», говори «Б». – Сгустив брови, обратился бы он ко мне.

– Я сказал достаточно для понимания. – А я продолжаю подвергать сознание своего начальника критическому анализу, так казуистики его подтрунивая. И само собой Сильвестр Викентьевич не может в себе успокоиться, когда подвергают сомнению его авторитет начальника.

При этом он понимает, что силовым аргументом меня не переубедить, и он решает меня подкупить.

– Я понимаю, – издалека начинает он в мою сторону заход для введения меня в заблуждение, а затем в обман, – здесь нас связывают служебные отношения, которые не способствуют

откровению, а как насчёт того, чтобы вечером заглянуть в бар. Где бы мы за кружкой пива могли бы все стоящие между нами вопросы выяснить?

– Дёшево вы меня цените, Сильвестр Викентьевич. – Заявил бы я ему, намекая на то, что одной кружкой пива в таком сложном вопросе не обойдёшься. Ведь мне после этого вечера откровения друг насчёт друга, где мне может даже придётся прибегнуть к физическому убеждению Сильвестра Викентьевича в том, какая он жадная скотина, надо будет начинать поиск новой работы. Где нет никакой гарантии, что мне в лице нового начальника не встретится необходимость быть с ним категорически правдивым. Так что я с этим делом не буду спешить, по капле выдавливая из себя честность в лицо своего начальника, смотря на него хмуро и без ожидаемого им пиетета.

О чём легко и как-то даже воодушевляюще и будоражаще ум про себя думается, особенно в тот момент, когда всё тот же мой начальник, Сильвестр Викентьевич (Хм. На основании чего ему дали такое имя?) над всеми нами, его подчинёнными, развалившись на своём рабочем кресле у себя в кабинете, а мы, значит, прибыли к нему с самого начала рабочего дня на планёрку, для получения на сегодняшний день рекомендаций насчёт своего добросовестного и трудолюбивого поведения, принялся изгаляться, своим запредельным самомнением со снобизмом, и самолюбованием не внося особого конструктивизма в наши рабочие отношения.

И тут как-то само собой внутри тебя зреет сонное неприятие всего того, чем там нас он поучает с помощью самых заезженных и банальных фраз, которые он со дня на день нам в голову вбивает. – Аж достал до усрачки! И не провалился бы ты в тартарары со своими взглядами на рабочий процесс, перестраховщик хренов! – аж иногда в себе и такое жёсткое неприятие зреет, особенно тогда, когда Сильвестр начинает умничать за твой счёт. – Мол, такого как ты балбеса, отродясь не встретишь в обычной жизни. И если бы сам не встретил, то никогда бы в такой удивительный случай не поверил. И вот скажите мне, за что мне такое счастье?!

А я, бл*ь, должен значит отвечать за эти его фантазии. Да не пошёл бы ты подальше.

А мой начальник, Сильвестр Викентьевич, как будто чувствует с моей стороны вот такую в его сторону фронду и мою непримиримую с ним позицию. И он, что за дальнотзорная скотина (наверное козёл), концентрирует сперва своё внимание в мою сторону, а затем коллективное внимание, обратившись ко мне с заявлением:

– А вот у Варфоломея Леонтьевича, как видно, есть своя личная точка зрения на нашу проблему. Не стесняйтесь, Варфоломей Леонтьевич, говорите всё как есть. Мы вас все внимательно слушаем.

А я как человек не особо любящий себя выпячивать и позиционировать отдельной от коллектива личностью, сначала хотел было отклонить эту данную мне возможность начальством стать лидером общественного мнения, заявив: «Право, не стоит Сильвестр Викентьевич, самому копать себе могилу». Где пойдешь, разберись, что я имел в виду и на чей счёт. Но после того, как Сильвестр с таким сарказмом сделал акцент на моём имени, я как-то по особенному взбеленился и не стал откладывать в долгий ящик то, что давно напрашивалось ему сказать прямо в его физиогномическую личность.

– Раз вы так просите и хотите знать последним то, что все давно знают, то получайте, Сильвестр Викентьевич. – С этой заявкой на нечто тревожно большее, я пригвоздил Сильвестра к своему месту на кресле, и теперь, когда кабинет погрузился в запредельную тишину, где малейшее шевеление уже режет слух, я могу озвучить эту страшную для кого-то здесь правду.

– Смотрю я на вашу супругу, Сильвестр Викентьевич, и налюбоваться на неё не могу. – Вот такое из меня исторгается в сторону охреневшего и в лице потемневшего не слегка Сильвестра. И понять никак сейчас не могущего, что сейчас такое было и как ему на всё это реагировать, когда в моих словах вроде бы ничего неприличного не прозвучало, а скорей наоборот.

При этом всё-таки что-то ему не даёт покоя в моём признании, в котором так и присутствует некая недоговорённость и подтекст.

– Что ж, в этом наши взгляды полностью совпадают. – С трудом в себе собравшись в сторону быть и продемонстрировать в себе хладнокровие, даёт ответ Сильвестр. – Но ты, как я понимаю, не только об этом хотел мне сказать? – подталкивает меня к дальнейшему откровению Сильвестр.

Что ж, раз ему этого мало, то он получит всю правду.

– Вы верно понимаете. – Отвечаю я. – А хотел сказать я, что наличие у меня отдельной точки зрения, как вы смело заметили, относится к вашей супруге. – Здесь я сделал специальную для Сильвестра паузу, во время которой он может захочет меня поправить, заявив, что моя точка зрения на его супругу носит характер конфиденциальной информации, и о ней не стоит на публике распространяться, а вот когда все уйдут из кабинета, то тогда я готов вас выслушать.

Но то ли Сильвестр большой демократ, для которого нет секретов от своих подчинённых, то ли он боится за своей спиной пересудов, которые точно возникнут, если он, таким образом, закроет в моём лице голос правды о его супруге, кто ему напропалую изменяет, и это не является ни для кого большим секретом. Где с Сильвестром и его самодурством все смирились может по той лишь причине, что все считали это следствием безрассудного поведения его супруги. Но после того, как он, таким образом, всё это выставил в публичную область рассмотрения, решив всё это скрыть от своего коллектива, кто может всей душой и советами готов был ему помочь, ему нет никакого оправдания и прощения. В общем, не внял он голосу разума, и потребовал от меня голую, то есть пикантную до смакования всем коллективом правду о его супруге.

Что ж, как хотите. – Моя личная точка зрения заключается в том, – глядя прямо в лицо опасности в лице Сильвестра, жёстко и бескомпромиссно так я заявляю, – что, по моему мнению, она вам не подходит. – Здесь мной ожидалось услышать от Сильвестра яростное неприятие этой моей точки зрения на его супругу: «А кому, скажите на милость, она подходит?!», но видимо моя правда была до такой степени для Сильвестра ошеломительной, что он потерял дар речи, чуть ли не задохнувшись от возмущения.

В общем, мне даётся возможность и дальше доводить до его ума моё мнение. Чем я и пользуюсь, добивая Сильвестра своим выводом, являющимся ответом на не заданный Сильвестром вопрос. – А вот мне она вполне подходит. – Ну и чтобы дальше не разводить сопли нерешительности, я подкрепляю эту свою позицию на супругу Сильвестра общественным мнением.

– И с моим мнением согласятся все ваши сотрудники (вот как я переносу бремя ответственности за этот мой выбор и предложение на всех тута сотрудников, с чьей стороны послышался зубовный скрежет и ёрзание задов на креслах). – Делаю я определяющее моё и всех вас будущее заявление.

– И как вы предлагаете решить эту проблему? – хрипящим от сухости во рту голосом, тихо и чуть ли не заискивающе меня спросил Сильвестр, заглядывая в глаза мне, от кого сейчас его будущее с его супругой зависит.

– Ничего другого вам не остаётся делать, как только уступить её мне. Что б, не мучиться в ожидании этого кризисного для ваших отношений момента. Который всё равно неотвратим. – Предельно жесток мой приговор Сильвестру, вон как себя самонадеянно сейчас ведущему, ещё не подозревая, что на его счёт судьба в моей фантазии надумала. И от меня только зависит, как его жизнь дальше повернётся. Нужно всего лишь быть чуточку вовремя правдивым.

Но с такой правдой жизни, умением её в себе придержать, как-то ещё можно жить, но вот как жить с такой правдой жизни, которая в тебе сердечно прорывается, вгоняя тебя в дрожь и ступор при встрече с ней, с недостижимым для тебя самим совершенством. Где ты, даже при приложении невероятных усилий со своей стороны, только через мольбу своего разбитого сердца, всегда ярко отражающегося в твоём взгляде, если сможешь донести до неё всё это (а

для неё ты само собой не первый потерявшийся в этих любовных сетях и вот в такой природной загадке человек), то есть ли вообще гарантия того, что ты не будешь ею поднят на смех (её занесение тобой на пьедестал совершенства и недостижимости не есть для этого гарантия).

– Вы, Варфоломей Леонтьевич, на себя в зеркало-то когда-нибудь смотрели. – Вот так меня осадит Вероника Сеница, идеал совершенства для всего нашего отдела информационного обеспечения, находящегося на семнадцатом этаже здания. В штатное число которого и я вхожу, и значит, не имею права не разделять со своим коллективом корпоративных убеждений и общего мнения в сторону Вероники Сеницы. При этом я уже поплыл в своих растекающихся по всему мне мыслях от одного того, что Вероника знает моё имя. – Обожаю вас, Вероника Сеница. И не только за вашу красоту, но и за хорошую память и знание моего имени.

Ну а вслух я сказал другое. – Да, – Крепко так сказал я, будучи с ней предельно честен. – Прямо сегодня, с утра смотрел на себя, когда был в ванне.

– А на меня? – однозначно задаётся вопросом с подвохом Вероника, хитро так на меня смотря исподлюбя.

А я как человек прямой, всё говорю как есть. И если вы, Вероника, таким образом, меня подталкиваете к тому, чтобы я на вас ещё разок посмотрел и даже может быть присмотрелся, то я отвечу вашим пожеланиям.

– Прямо сейчас это делаю. – Говорю я ей, несколько всё-таки удивлённый тем, что она не замечает очевидных вещей. Хотя у меня для этого есть свои объяснения – любит наша Вероника на себе концентрировать наше частное внимание.

– И что вам ещё непонятно? – говорит загадками Вероника, определённо желая меня в чём-то запутать.

О чём я так прямо ей и говорю. – Загадками говорите, Вероника Сергеевна.

Что почему-то вызывает у неё удивление со смесью заинтересованности во мне, с кем она пожелала разобраться и понять, что и как во мне устроено и откуда во мне берётся вот такая моя настырность и недоразумение на её счёт (это уже я немного от себя добавил).

– А вот скажите, Варфоломей Леонтьевич (она опять меня так выделила!), куда бы меня могли сводить? – спрашивает меня очень неоднозначно Вероника, давая мне понять, что значили эти её загадки в мою сторону. Хочет, чтобы я их по разгадывал, будучи с ней наедине. А это многого стоит. Отчего я даже в себе на мгновение задохнулся от головокружения от своих успехов.

– А куда только захотите. Я за ценой не постою. – С некоторой переоценкой своих возможностей и с долей самонадеянности делаю такое я предложение.

– Даже если это будет один раз? – А вот Вероника куда как разумней меня, опуская меня с небес на землю этим своим заявлением о том, что вы, Варфоломей Леонтьевич, вызвали во мне только одну заинтересованность, и рассчитывать на большее с моей стороны, это было бы сверх наивно и неразумно. Так что прежде чем вы окончательно согласились, я даю вам возможность избежать больших трат, отказавшись от моего приглашения. И я, как понимающий человек, и да, в чём-то совершенство и идеал, милостиво вас отпущу считать ваши сбережения от таких пустых трат.

А я не собираюсь давать заднюю. И пусть будет то, что будет.

– Я готов рискнуть. – Так и заявляю я, не сводя своего накала во взгляде на Веронику Сергеевну Сеницу.

– Тогда как насчёт ресторана седьмое небо? – делает ожидаемое мной предложение самого дорожущего ресторана Вероника. И при этом пристально и всё во мне примечающее на меня смотрит, желая во мне заметить дрожь сомнения и неуверенности в благоразумии такого своего поступка, и где мне брать деньги, что б не ударить в грязь лицом перед нею. Где уже нужно предполагать, что Вероника на всём этом не остановится, и по приходу в ресторан, вот что мне заявит. – Знаете, Варфоломей Леонтьевич, в вашем присутствии я себя почувствовала

необыкновенно свободно и легко. Мне кажется, что я могу со всем с вами поделиться и всё вам рассказать. – И так на меня смущающе мой разум она смотрит, что я потерял под ногами основания на них стоять.

– Говорите, не стесняйтесь. – Прохриплю я в ответ своим севшим голосом.

– Мне постоянно приходится придерживаться различных диет, чтобы быть в такой форме. – В качестве подтверждения своих слов, Вероника демонстрирует мне изящество своих внешних форм, заставляя меня прикусить язык. – Но сегодня, и всё благодаря вам, я пушусь во все тяжкие, заказав себе всё, что душа и сердце пожелает. – А вот это её заявление было мной встречено как-то противоречиво. – Это что получается? Она под таким предлогом меня хочет посадить на ближайший месяц на диету?! – вот так и только приходит осознание горькой истины: За всё нужно платить. И если где-то прибывает, то часто так бывает, то всё это происходит за твой счёт и у тебя убывает.

Но такая горькая правда (я понял, что Вероника, таким образом, хотела мне сказать и возможно меня оградить от поспешных действий) меня не остановит.

– У меня отличный вестибулярный аппарат. Так что голова не закружится. – Даю ответ я.

И мой ответ с улыбкой Вероники ею принимается. – Тогда всё в порядке. – Говорит она. – Мне нравится ваш настрой и чувство юмора. Значит, мне не будет скучно. – Здесь Вероника делает внимательную ко мне паузу, чтобы может ещё раз убедиться в своей не сильно большой глупости, и у неё есть ещё, что мне сказать. – И да, – добавляет Вероника, – наденьте что-нибудь не такое броское. Не люблю выделяться.

– Ладно. – Следует мой ответ.

И вот вечером следующего дня, я сильно заранее (что б не опоздать и собраться со своими мыслями) нахожусь на месте назначенного мне свидания Вероникой – у входа в парк. А почему она выбрала такое странное место для нашей встречи, когда мы собирались пойти в ресторан, и тогда логичней было бы назначить там встречу, то на этот счёт у меня есть разные мысли. Начиная от самой простой – будет полезно подышать чистым воздухом, заканчивая сложной – может у вас хватит дерзости, фантазии и убедительности в словах, чтобы без ресторана завести меня в сумерки сознания, которые, как мне (как уже поняли, Веронике) говорили, находятся в глубине зарослей парка. В общем, было мне о чём тут подумать.

Ну а пока я её жду, а это неперемное условие для её прихода, и у меня есть для всего этого время, я могу походить туда-сюда и чуть вглубь парковой зоны, где расположились игроки в шахматы за своими столиками. На что со стороны своего все знания и гроссмейстерства всегда интересно понаблюдать, про себя реализуя смелые игровые комбинации, на которые нет храбрости, ни умения у этих дворовых игроков. А вот у меня всего этого есть в избытке, и я бы себя в этом игровом деле проявил, не будь я человеком большой скромности.

Между тем я как-то неожиданно для себя оказываюсь у одного из столиков, за которым нет такого ажиотажа из болельщиков, как за другими столиками. А за этим столиком, отдельно от всех стоящим, находится всего лишь один человек. Перед которым расположилась шахматная доска, над которой он склонился, и чего-то там про себя над ней скорбел.

И меня, естественно, привлекла шахматная доска и выставленная на ней диспозиция в виде шахматного дебюта, раз за доской находился один человек, и всего вероятней он решал какую-нибудь шахматную задачу. А вот что это была за задача, то с этим я решил разобраться, переведя своё внимание на шахматную доску. А вот здесь я столкнулся с большой загадкой для ума и не полным пониманием, чем тут этот человек занимается. Шахматной игрой здесь и не пахло. И тогда чем же занимался этот человек?

Но чтобы ответить на этот вопрос, будет логичней спросить его самого, но только после того, как сам попытаюсь во всём этом разобраться, разглядывая расположение всё-таки шахматных фигур на доске. Где по периметру доски, по её краям свои игровые места занимали ладьи, как бы собой выстраивая фигуральную стену ограждения этого игрового поля.

– Ладно. К ним вопросов нет. – Оставив ладьи на своих местах, перешёл я к находящемуся на поле единственного игрока за столом чёрного ферзя. Из чего у меня напрашиваются первые выводы. – Значит, право первого хода им оставлен за противником.

– А королей тут нет. – Просто констатировал факт очевидности я, разглядывая одиночество чёрного ферзя, занимавшего срединное место на своём поле. А вот на поле противника ему противостояло несколько фигур: два слона и конь. И хотя они рангом были меньше, тем не менее, их количественная составляющая превалировала над силовыми возможностями ферзя.

– И что это за игра такая? – не удержался я от вопроса.

На что человек за столом не сразу даёт мне ответ. Он сперва посмотрел на меня через призму лежащего перед ним игрового поля, от которого он оторваться полностью не может (вот такой он обязательный человек, за что он взялся, от этого не оторвётся, пока не решит взятую на себя проблему), а так сказать, кооперирует свои игровые размышления с моим вмешательством.

– Слышали о головоломке с философским подтекстом: про чёрную кошку в тёмной комнате? – задаётся этим вопросом этот тип.

– Что-то такое да. – Согласно киваю я.

– В ней говорится о сложности найти чёрную кошку в тёмной комнате в том смысле, когда её там нет. – Делает в своей манере пояснение взятого за основу для этой игровой комбинации на шахматном поле философского ребуса этот тип. И немного подумав, начинает расставлять по своим игровым местам, само собой в фигуральном смысле, ведь фигуры уже заняли свои игровые клетки, значение выставленных на поле фигур.

Ну а начинает он с того, что сочтя за необходимое детально озвучить этот смысловой ребус, явно имеющий важное значение для пояснения происходящего на этом шахматном поле, и возможно даже, что этот ребус является основой этой игровой задачи, шахматного дебюта, где обеим сторонам предлагается найти свой выход и созданной ситуацией положения – Ферзь в свои два-три хода, как это обычно предлагается в шахматных дебютах, обойти противника и остаться недостижимым для него за пределами этого шахматного поля, которое, как можно было понять, представляет из себя ограниченное пространство под названием тёмная комната; а Ферзь получается и есть искомая фигуральная чёрная кошка; тогда как перед противной стороной ставится обратная задача: за те же два-три хода загнать в угол Ферзя и там поймать, – начинает пояснять для меня основные правила игры и ходов используемых в этом дебюте фигур. И как выясняется через его мне объяснение, то шахматные фигуры ходят так, как им на игровом роду было написано.

– Ферзь, она же королева. – Обняв сверху фигуру ферзя, но при этом не сдвигая его с места, начал свои пояснения мне этот тип. – Может ходить, как ей (эти его он и она именования, меня сбивают с толку; так кто ферзь, он и или она?) за благорассудится и природой в неё заложено. Ведь кошка всегда гуляет сама по себе. Ну и иногда исходя из складываемой ситуации. – Добавил этот тип, с хитринкой посмотрев на меня искоса.

– А это её ищейки. – Переводит своё и моё внимание на противоположное поле этот тип. – Сами понимаете, что они на охоту по одному не ходят. – С долей неприязни и язвительности говорит он. А уж что в его глазах стоит, то этого мне не дано увидеть, но понять было не трудно.

– Они ходят строго по заложенному в них алгоритму и маршруту действия. Вышедшие на охоту слоны двигаются только по диагонали. Один только по чёрным клеткам, другой только по белым. – Человек за столом взял по очереди в руки по фигуре слона и подвинул их на пару клеток вперёд и на место. После чего он перевёл внимание на коня, стоящего позади, как можно понять, то на защите выхода с этого игрового поля, или же из этой тёмной комнаты (она, как спустя потом я понял, освещалась мыслью участников этой игры).

– А вот ход лошади непредсказуем (и опять он меня сбивает этими переименованиями). – Со злостью в голосе говорит человек за столом. – Чем и представляет большую опасность. И

возможно по этой причине, она находится пока что в запасе, руководя действиями передних фигур. – Вот сколько на ровном месте и на пустом поле из трёх фигур нагородил леса этот тип. При этом надо отдать ему должное, он сумел всё это оформить в увлекательную обёртку. И мне даже захотелось сторонне принять участие в этой его игре с самим собой.

Что самонадеянно предполагалось им, и чуть ли во мне не подразумевалось, раз он с таким увлечением принялся вводить меня в курс рассматриваемого им дела.

– И здесь существует широкое поле для манёвра для обеих сторон этого противостояния, со своей массой комбинаций по противодействию противнику. – Отчасти завёлся этот тип, разгорячено взявшись за дальнейшее объяснение тактики и стратегии игровых сторон. – Каждая сторона должна использовать своё игровое преимущество. Так сторона нападения, имея силовое и количественное преимущество, должна лишить преимущества манёвра нашу кошку, загнав её в тупик или угол. При этом кошка в отличие от противника, кто действует только прямолинейно и однотипно, имеет возможность ориентироваться в пространстве и может действовать и двигаться нестандартно. Что и может нивелировать числовое преимущество противника. К примеру, с его предсказуемостью хода, как в случае со слонами, чей ход идёт только по диагонали. – Этот тип замолчал, дав мне возможность переварить полученную мной от него информацию со всем этими игровыми стратегиями.

И как я понял, то легко переносимых в жизненные ситуации с той же чёрной кошкой. Которая в отличие от её охотников, может ориентироваться в темноте, и для неё каждый шаг охотников предсказуем, она его видит. Тогда как они вынуждены ориентироваться на ощупь и на слух. И вот кто разумней использует эти свои данности, тот и выйдет победителем из этого противостояния.

– Любопытно. – Говорю я, вслед спрашивая. – И как, найти получается?

– По разному. – Вздыхает этот тип, недобрым взглядом посмотрев на фигуры на другом от себя игровом поле. Здесь его вдруг какая-то мысль осеняет, и он поднимает на меня глаза, фиксирует меня своим вниманием и вот что спрашивает. – А вы кого-то ждёте?

И хотя это не его дело, я всё-таки проявляю воспитанность и просто отвечаю: «Да».

– Опаздывает? – участливо спрашивает он.

Я почему-то смотрю на часы на своей руке, и... Чего-то не сразу пойму сколько сейчас время. Как по мне и по моим ощущениям, то слишком много по моим часам показывает. И тут, либо мои часы вперёд убежали, либо я у этого стола слишком надолго задержался. Ну а вслух я сказал другое:

– Да уж. Что-то сильно много.

На что со стороны этого типа звучит уж очень странное заявление:

– Она сделала свой ход. Чем ответите?

– Что?! – как тогда, так и сейчас не понял я, что это было и о чём он спрашивает.

Глава 3

Третья часть начальной трилогии. Слепая правда

М-да. И такое бывает и случается. Но всё же, я, несмотря на все сопутствующие поиску правды сложности и побочные эффекты, будет вернее сказать, на своём пути к ней не останавливаюсь. И да, всё-таки правда, или по-другому честность, как не крути, сложна для своего осуществления, и чтобы добиться от рядового человека честности нужно приложить ряд усилий не только умственного порядка. Ведь бесчестность, лукавство и лицемерие служат человеку защитным инструментом.

Ну а когда человек честен? Как правило, будучи наедине с самим собой (и то не всегда), или же находясь за спиной к кому-то, другими словами, тогда, когда ты можешь быть спокоен, что эта правда (она всегда горькая и колкая) не повредит тебе, то есть лицом к лицу к безответному.

Что это на практике значит? А примерно следующее:

- Когда я к вам глух, вы ко мне слышимы;
- Я глуп, вы умны со мной;
- Я нем, вы красноречивы;
- Я щедр, вы скупы и скрупулёзны;

И самое, наверное, в моём случае актуальное и важное, а всё потому, что я всегда в первую очередь берусь за самое сложное (это моя правда): за чёрные очки и белую трость, которые мне помогут быть один на один с вашей ко мне душевной открытостью, то это занятие мной ниши людей с отличным от нас визуальным мироприобретением, а если ближе к реальности и проще, то находящихся на другой стороне света (может даже Луны), не сильно полагающихся в жизни на своё зрение по причине его отсутствия.

И в этом деле у меня есть помощница, которая всё, всё об этой части света знает (она, наверное, или мне кажется, сама с Луны, так она загадочна для меня и непостижима) и совсем не против мне в этом деле помочь.

Правда, сейчас она задерживается (от неё не добьёшься пунктуальности и точности, по той же причине, своей непостижимости, хотя здесь у меня есть некоторые предположения: она живёт по своему, отличному от нашего времени), и пока у меня есть время до её прихода, чтобы затем сопроводить меня в мой первый, настоящий, непритворный (это когда из под очков я всё могу видеть) выход в люди в чёрных очках (светопоглощаемых и непроницаемых) и с тростью, и тогда посмотрим... Ой, нет, так мне не полагается в таком новом представлении говорить, как мне на это указала моя помощница, а то я сразу себя выдам. И будет к месту и к моему новому положению сказать, ощутим, что там дальше будет.

И пока её нет, если меня опять не перебьют и не побеспокоят люди в общении со мной нуждающиеся (они, как правило, ищут со мной разговора через телефон), то я могу раскрыть лежащую передо мной рабочую тетрадь в специальном кожаном переплёте и заодно некоторые детали моих проектов, в которые включена мной линия правды, которая по своей сути является структурным элементом, линией жизни логики разума. А если рассмотреть с отчасти бытовой стороны и детально на это моё правдолюбие, то это не причуда моего разума, а этому есть своё рациональное объяснение. Хочется мне разобраться в том, что движет людьми. А это как мной считается, решается через честность понимания логики движения их души и разума, выразившихся в их поступках.

Как, например, в одном из самых банальных случаев, когда меня вызвал к себе в кабинет на беседу всё тот же мой начальник Сильвестр Викентьевич, уже имеющий на мой счёт сложившееся мнение, как настоящее, и подозрения меня в скрытом потенциале на будущее, где он не стал ходить всё вокруг да около возникшей по моей причине проблемы, а так прямо и

спросил меня, тем самым поступив логично (а не логично было бы, если бы он начал мямлить и меня оправдывать своей мягкотелостью и отсутствием воли в кулаках; не поставлен у него удар, как я понимаю). – Скажи дорогой Варфоломей Леонтьевич (если честно, то меня всегда ставило в тупик такое сочетание имён), как так случилось, что вы обидели нашего незабвенного и всеми уважаемого Раиса Андроновича, начальника отдела информационного обеспечения?

Что для меня не стало большой новостью, зная, какая этот Раис Андронович больше следовало информационная скотина (трепло одно слово). И я готов объяснить своему высокому начальству, что поданная ему информация о нашем с Раисом Андроновичем столкновении, не столь однозначно трактуема, и, пожалуй, преждевременно делать на её счёт выводы.

– И не думал я нисколько его обижать, а я всего лишь был к нему предельно честен (а стоит ли быть честным перед бесчестным человеком, то это философский вопрос), дав, между прочим, широкое поле для манёвра его ответа, заявив не сильно утверждающе, что вы, Раис Андронович, как мной предполагается, подлец и дурак. На что Раис Андронович не поступил логично, заткнув этот оговор в моём лице кулаком мне в нос, а он выбрал путь личной логики, заявив следующее:

– Насчёт подлеца я не буду это отрицать, но вот насчёт дурака, то я чего-то не понял этого утверждения. В каком месте я дурак? – вот так конкретизировано спросил меня Раис Андронович.

– В том самом, где и должен. – Отвечаю я за свои слова. – Вы как последний дурак самым последним из нашего отдела имели близкие отношения с секретаршей нашего начальника Сильвестра Викентьевича Анютой.

– Вы меня убедили. Я и в самом деле дурак. – Вынужден был со мной согласиться Раис Андронович, понурю кивнув головой.

И мой начальник Сильвестр Викентьевич уразумел ход моей логики, строящейся на категориях честности и правды в лицо любому человеку, невзирая на его положение, с тяжким вздохом сказав: «Вот же я дурак», и тем самым взял на себя груз ответственности за такого своего неразумного подчинённого. А вот додумывать и полагать, что всё это ещё может значить, то этим я заниматься не буду.

В общем, и подводя промежуточные итоги, то вот так примерно выглядит моя мотивация следовать правде и логике, а если кому-то этого покажется недостаточным и ему подавай технические выкладки и цифры, то всё это у меня есть в моей тетради. Которую я прямо сейчас на ваших глазах раскрываю, заглядываю в неё носом и вот что там есть:

«Я ...». И на этом пока всё.

– М-да. Вот как-то так. – Перевожу я дух от прочитанного. И опять меня увела в сторону моя привычка быть дотошным и скрупулёзным до всякой, может даже ничтожной мелочи, в результате чего я пускаюсь в совсем не нужные пояснения и детали, когда всё это и не нужно. Так что я опять сурово смотрю на лежащий передо мной на столе телефон, затем на тетрадь, оглядываюсь по сторонам в поиске быть может уже пришедшей моей спутницы, любящей ко мне со спины тихо подкрадываться и пугать, и раз её до сих пор нет, то я по рассуждаю о том, что мне интересно. Что насчёт вас, то тут уж я не знаю.

Так вот, раз я ко всякому вставшему передо мной вопросу отношусь с полной серьёзностью, то прежде чем пуститься в такое не самое простое мероприятие, быть категорически слепым к такому опасному окружающему миру, где научно-технический прогресс представляет больше опасности, чем комфорта для людей, не включившихся в полной мере в эту эволюционную спираль, и мне нужна подготовка к этому невиданному для меня буквально путешествию, я должен всё для себя выяснить, чем и как живёт данное сообщество людей.

Ну а где, как правило, можно найти таких людей с особенностью зрительного развития и мировоззрения, как предстало нынче называть людей с ограниченными способностями здоровья или особыми потребностями, то ... Мне пришлось забраться во всемирную сеть, чтобы

выяснить место нахождения этого сообщества по вынужденным и навязанным природой интересам. И организация общества слепых, как оказалось, не сильно себя афиширует, расположившись на самом краю городской черты, куда так просто и не доберёшься. Всё больше с пересадками, с автобуса на трамвай, а дальше, как я выяснил по выходу из трамвая, надо ещё пройти какое-то расстояние пешком, надеясь только на самого себя (навигатор чего-то перестал работать; видимо здесь имеет место сильный магнетизм, все направления спутывая) в этой пустынной и малолюдной местности, где чёрт ногу сломит и чей вид не вызывает иных чувств, как только уныние и куда о боже я попал?! (на Луну, куда же!).

И я, чертыхнувшись в сторону своего мобильного телефона, оказавшегося совершенно бесполезным против всех местных условий жизни, с отсутствием сигнала мобильной связи, раз такое дело и ничего поделать нельзя с этими заснувшими современными технологиями, решил обратиться к инструментарию прошлого, спросить кого-нибудь из того, кто мне встретится на моём пути: как пройти по такому-то адресу? И я часом не попал в прошлое?

И как мной понимается, то судя по всему вокруг и меня сейчас окружающему ландшафту, второй мой вопрос носит риторический характер. А вот кого всё-таки об интересующем в край меня спросить, учитывая безлюдность места моего прибытия (знал бы дурак, где окажусь, то ни за что бы сюда не поехал, и впору спрашивать, как отсюда, убраться по добру по здорову), то это вопрос не менее сложный, чем все ранее в голову пришедшие.

Но мне на этот раз, в этом плане повезло. И как я сразу не заметил, видимо так сильно был я удручён встретившим миром подворотен и задних дворов, со своими скрипучими калитками, зашарканными стенами домов и выдувающими из голов любые жизнеутверждающие мысли ветрами, то вместе со мной из вагона трамвая вышла девушка, кому видимо не привыкать всё это вокруг видеть, и она не замерла на одном месте, растерявшись и застопорив в мыслях, а она неспешно направилась напрямик по своим делам, фыркнув в мою сторону своим насупившимся носом, когда мимо меня проходила.

А вот такого демонстративного фыркания в мою сторону я не потерплю даже в том случае, если эта местная жительница, таким образом, защищает от моих поверхностных и заносчивых взглядов жителя центра свою малую родину. Где, конечно, не всё рафинировано и выхощено прогрессом и цивилизацией в свой хай-тек, но здесь всё же так просто и легко дышится. Так что ваше высокомерие и чванство оставьте в своих деловых офисах, а здесь жизнь течёт в обычных категориях.

– Извините. – Оторвавшись от своего телефона, который трясى, не трясى всё бесполезно, я перехватываю на ходу эту девушку, отчего-то вздрогнувшую и испугавшуюся меня. Наверное, от неожиданности. Здесь, в этом автономном мирке сельского бытия окраины, где все друг друга знают, несколько непривычно видеть незнакомца, да ещё к тебе обращающимся с каким-то делом. Уж точно не с самым обычным. Вот она и испугалась. Конечно, не меня, а того, что моя к ней просьба будет очень для неё сложного и необъяснимого характера.

Но уже поздно, и она оказалась мной пойманной.

– Я слушаю. – Отвечает она, покосившись в мою сторону, с какой-то интересной принципиальностью смотря на меня из-под своих смешных очков. На которые я вслед за собой хотел обратить и её внимание: «Где вы такие замечательные очки отыскиали?», но не стал вести себя так навязчиво и неразумно, не получив для себя ответа на интересующий меня вопрос.

– Не подскажите мне адрес, – начинаю делать я своё обращение к слушающей так меня внимательно и пристально смотрящей из своего искоса девушке (это такая у неё на меня, чужого для этого места человека, позиция осторожности), – а точнее, подскажите мне, как пройти до общества слепых.

Здесь с её стороны в первую очередь следует задумчивая и как мне показалась, рассудительная пауза: Стоит ли этот человек, чтобы его туда отвести? Или будет лучше и разумней его туда отвести, откуда выхода не найти?

Ну а так как это вопросы всё не простые, то она просверлила меня затуманенным загадочной взглядом, и решила, что я человек не такой уж пропащий, хоть и не проверенный в деле. И меня можно провести по озвученному мной адресу. Но при этом нужно быть ко мне осмоторительным и осторожным, то есть держать меня в поле зрения и вблизи, что б я чего-нибудь не учудил. Ну а на словах это прозвучало следующим образом:

– Могу не только подсказать, но и провести. Нам по пути, я иду туда же. – Говорит эта девушка, с милой такой робостью в мою сторону улыбаясь так, что мне в тот же момент захотелось изменить озвученный мной пункт назначения и направиться с ней на край света. Что поделать, вот такой я порывистый человек.

– Вот и отлично. – Хватаюсь я за такую удачу для себя, делая в конце этого своего заявления знаковую паузу для своего представления своей теперь уже попутчице.

И она в момент сообразила, что значит этот мой мысленный манёвр.

– Мария. – С лёгким, так называемым книксеном, представляется она, смотря на меня исподлобья и своей кротости, видимо ей, непривыкшей к знакомству на улице и последующим разговорам с незнакомцем свойственной, обеими руками схватив, что есть силы сумочку в своих руках, как бы опасаясь за её сохранность (не трудно догадаться, кто нёс для неё опасность). Где она однозначно этим решившим с ней завести знакомство человеком оценивается и анализируется (а вот для каких целей, то это большой вопрос). И для неё сильно не комфортно и боязливо находиться в позиции рассматриваемого и оцениваемого человека. Вот она и уклоняется от моих взглядов, косясь в сторону и избегая моих прямых взглядов, возможно ища пути побега.

Но Мария, а как по мне то Маша, может несколько не переживать и не бояться вот таких оценочных взглядов вовлечения её в сферу моего внимания, я в данный момент мало к чему внимателен, а скорей даже рассеян и отстранён от всей окружающей меня действительности, в том числе и от неё, я полностью сконцентрирован на цели моего сюда прибытия.

Так что моё ответное ей представление, и то каким оно вышло, стало следствием вот такой моей рассеянности.

– Петя. – Представляюсь я этим, самопроизвольно выскочившим на язык именем (хотя здесь имеет место отсылка к одному известному фильму).

На что следует разрядивший в ней напряжённую обстановку смешок. Меня в себя сконцентрированного приведший, и я с долей удивления смотрю на неё и мне хотелось бы знать, что её так рассмешило в моём представлении.

И как оказывается, всё до банальности просто. Она верно для себя считает и об этом открыто заявляет, что меня не так зовут. Что меня искренне удивляет. Как мне видится и точно не показалось, то мы с Марией в первый раз встретились и тогда на каких, таких основаниях она меня обвиняет в именном подлоге. О чём я так прямо её и спрашиваю: «Это с чего вы это взяли?».

А Мария, как сейчас выясняется, имеет на этот счёт аргументированную и обоснованную своими наблюдениями за мной позицию.

– По вашей интонации голоса, со сквозящей в нём непривычностью так называться. – Вот такое заявляет она, всем своим видом демонстрируя в себе уверенность в своих на мой счёт словах. – К тому же ваша опорная нога, – этот момент заставил меня бросить взгляд на свои ноги, – проявила неустойчивость стояния и растерянность, когда вы произносили это имя (а вот это было удивительное замечание).

– А вы умеете примечать. – Отдаю я должное такой приметливости Марии. – Даже малозаметные и скрытые вещи и моменты жизни. И да. Вы правы. Меня не так зовут. Я чего-то в себе заговорился. А так меня Васей зовут. – На этом месте я протягиваю к Марии руку для закрепления этого этапа нашего знакомства.

На что Мария не спешит в ответ закрепить рукопожатием наше знакомство, она застыла в одном положении недоверия и внимания ко мне, и чего-то как будто ждёт.

А мне как-то неловко становится вот так, с протянутой рукой стоять, может она испачканная и Мария не хочет пачкать свои чистые ручки об мои лопаты, загребушие в себя что попало и от того замызганные потными выделениями и всеми этими прикосновениями с теми же поручнями трамвая, и я собираюсь было обратно к себе свою руку притянуть, как Мария, явно желающая меня подловить на вот такой на свой счёт сообразительности (отныне будете за чистотой своих рук следить), с выражением какой-то на мой счёт догадливости на лице отрывает от сумочки правую руку и начинает осторожно в мою сторону её протягивать.

Ну а от меня сейчас требуется проявить находчивость и взять её протянутую мне руку. После чего, я не слабо и не сильно, а так, в самый раз, чтобы у Марии ко мне возникло доверительное отношение и вообще ей было бы надёжно держаться за меня в моей руке, жму её руку, глупо улыбаясь, а она всё стесняется и с такой же улыбочкой избегает прямого на меня взгляда.

– Ну, всё. Кажется достаточно. – Говорит Мария, забирая свою руку. Задаваясь вслед вопросом, чтобы как-то смягчить этого расставание. – И зачем вам туда?

– Я писатель. – С долей патетики делаю такое о себе представление я.

– Так уж и писатель? – не очень верит она.

– Опять интонация меня выдаёт? – с усмешкой задаюсь вопросом я.

– Нет. – Серьёзно отвечает она. – Я просто спрашиваю.

– Начинаящий. – Делаю знаковую поправку я (она должна указать Марии на то, что её отчасти подозрения в сторону сомнений на вот такой мой писательский счёт имеют право на существование), пощёлкав пальцами руки.

– Понятно. – Говорит Мария. – И что ищите?

– Сюжет. – Даю ответ я.

– И какой в этом месте можно найти сюжет? – с долей недоумения задаётся вопросом не только ко мне, но и к себе она.

А вот здесь я почему-то и неожиданно для себя завёлся, пустившись в пространные рассуждения, заявив, что меня интересует не только психологическая, но и философская сторона рассматриваемого вопроса. Ведь все мы друг к другу слепы, ориентируясь в жизни и смотря на мир вокруг через призму своего эгоизма и сформированного на его основе и расчёта мировоззрения. А к природной слепоте нужно относиться не как к наказанию, а нужно извлекать из такого положения вещей своё рациональное зерно. И природная слепота не ведёт к душевной слепоте, а скорей наоборот, усиливает человеческую зрячесть. Где вы приобретаете большую чувствительность, умение читать человека по иным её характерным определениям и примечательность.

И ещё чего многое наговорил я о себе Марии на вот таком своём эмоциональном подъёме. Ведь очень легко и так подрывает в себе всё высказать так внимательно тебя слушающему человеку, перебившему меня только раз.

– Вот мы и прибыли. – Говорит Мария, ставя меня перед удивительным фактом нашего прихода (а когда мы с ней выдвинулись в путь, я даже и не заметил) и перед несколько обветшалым зданием административного толка, с выдающимися колоннами на входе.

– Это здесь? – с неуверенностью и каким-то разочарованием (я видимо ожидал тут увидеть нечто другое) спрашиваю я, чему-то не веря. – Как на краю земли. – Делаю наблюдательное замечание я.

– Да. – Отвечает Мария, совсем не удивлённая моему разочарованию. А чего спрашивается, я хотел увидеть в этой части вселенной. Здесь всё подчинено местному обустройству жизни и его порядку нахождения на краю внимания и обозрения. – И в этом есть своя логика. – Делает знаковое добавление Мария. – Обитатели этих мест боятся больших пространств,

ситуаций из которых сложно найти выход. И компактность, сосредоточенность в одной области решений всех стоящих проблем, к решению которых всегда приступаешь пошагово, придаёт сил и даёт веру в возможность всё на своём пути преодолеть. Таков принцип работы с собой и с окружающим тебя пространством, к преодолению которого и сводится вся твоя борьба.

Что же насчёт самого этого здания, то пошарканность требующего капитального ремонта здания, вполне вписывается в реалии местной жизни, финансируемой по остаточному принципу. И тут большой философии не надо, чтобы объяснить, чем в данном случае руководствуются государственные служащие при расчётах смет на ремонт и установке очередности – разве важно как всё это выглядит, когда для прямых интересантов всё это не заметно.

– М-да. – Даю оценочное мнение я увиденному.

– Что-то не так? – в волнении задаётся вопросом Мария.

– Да нет.

– Зайдёте? – спрашивает она.

– Я знаете, посижу здесь. Подышу местными реалиями, осмотрюсь, а потом посмотрим.

– Говорю я.

– Хорошо. – Соглашается Мария, но не со всем мной сказанным. На что она указывает, чуточку приблизившись ко мне для конфиденциального, шепотом разговора. – Только один совет вам дам. Чтобы себя не выдать, не используйте в разговоре слово «посмотрим» (а вот вижу можно), и все другие его ответвления.

– Я понял. – Усёк я данный мне совет Марией. После чего мы как-то неуклюже и спонтанно расстаёмся, не предпринимая никаких знаковых действий по отношению друг к другу (даже словесных). Где Мария, подождав, когда я направлюсь в сторону скамейки, обстроенной рядом со входом в это здание, а точнее, когда я обернусь от неё сторону, меня ловит на этом моменте моего нахождения к ней спиной, и как-то особенно юрко и быстро оказывается чуть ли не у дверей входа в здание, когда я обернулся назад, чтобы на неё посмотреть. Здесь у меня возникло какое-то горчеливое чувство насчёт Марии, для кого наша встреча оказалась всего лишь одним из жизненных эпизодов, который завтра уже и не вспомнить. И я с этим расстройством всем весом увалился на скамейку, и давай размышлять на совершенно отвлечённые от цели моего сюда прибытия темы, всё больше касающиеся Марии. Встреча с которой так в меня отложились.

И мне сейчас ни о чём другом не думалось, как только об этой встрече. Очень душевной и тёплой, как мной во всём себе ощущалось. И как приятно, сидя вот так скамейке в солнечную погоду, о чём-то мечтательном и сердцем избирательном фантазировать и думать, находясь очень даже рядом и близко от объекта моих, несколько фантастических размышлений.

И, конечно, так всегда бывает, что за таким увлекательным времяпровождением, ты обо всём забыв, и не замечаешь, как время в одно мгновение пролетает, а тебе... Не то, чтобы уже пора перестать здесь мозолить своим нахождением чьё-то внимание, а тебя как-то уж вдруг приводят в чувство своего осознания и реальности. В данном и моём случае на себя отвлекая и переводя моё внимание своим шумным выходом из дверей всё того же здания, у которого я занял свою сторожевую позицию.

И перебила все эти мои мечтательные заблуждения, конечно, Мария, кто единственная в этой части вселенной знала о моём здесь существовании и нахождении. И по моему здравому, без налёта субъективной заинтересованности рассуждению, то и с её стороны в мою сторону имела своя сердечная любознательность (встреча со мной не прошла для неё бесследно и я её чем-то заинтересовал), и она не могла себе найти места по прибытию на место своей службы (так я решил на её счёт думать), раз за разом, с нетерпением выглядывая из-за занавески в окно своего кабинета, как раз выходящего окнами на парадный вход, где на скамейке расположился я. Насчёт кого у неё вдруг неожиданно возникли различного толка мысли и предубеждения. Насчёт которых она просто обязана была для себя всё выяснить.

А как это можно прояснить для себя? Только в разговоре со мной. Но как его возобновить, не раскрывая этой своей ко мне сердечной заинтересованности и не давая мне такую фору в отношениях с собой?

И Мария нашла выход из этой запутанной для себя ситуации, где в её самой обыденной и без особого интереса, проводимой в серости бытия жизни, где только внезапно изменившаяся погода вносит в неё хоть какие-то изменения (а так всё в жизни течёт по одному и тому же сценарию, путь до места своей работы, затем обыденность рабочего дня, вечером тот же путь до дома, итак до выходных, очень нудных и скушных от безделья), она решила воспользоваться своим служебным положением, дающим ей прямой допуск до людей, входящих в это ассоциированное, с особенным мировоззрением сообщество.

И на крыльце этого здания перед моим лицом появляется Мария в сопровождении, или скорей наоборот, она сопровождает девушку-брильянт (так она перламутрово выглядит) в чёрных очках. И как я её понимаю, то её окрик меня был связан с этой девушкой. Которой я, таким образом, представляюсь Марией (здесь имеют место свои небольшие хитрости для улучшения коммуникации) и заодно я должен своим ей ответом указать своё местонахождение.

И Мария всё верно на мой счёт сообразила и рассчитала, я откликнулся на мой окрик по имени – они в тот же момент повернулись в мою сторону головами, и я, поднявшись со скамейки, выдвинулся к ним на встречу, с интересом наблюдая за ними.

– Познакомьтесь. – По моему подходу представляет мне Мария свою спутницу. – Это Зои.

И я знакомлюсь, а затем со всем вниманием жду от Марии объяснения причины для моего знакомства с Зои, с напряжением стоящей ко мне лицом к лицу, и пытающей меня познать имеющимися у неё в наличии средствами познания. Больше интуицией и ощущениями. И здесь мне приходится выравнивать свою интонацию подачи голосовых сообщений, к которой уже раз имелись замечания у Марии. Кто, каждый рабочий день проводя в окружении людей с такой мировоззренческой опцией, и сама начала многое от них перенимать и смотреть на окружающий мир внутренним зрением, больше полагаясь на ощущения.

И Мария даёт мне эти пояснения.

– У вас есть время? – Мария сперва задаёт вот такой, не самый простой, а к чему-то предполагающий вопрос. И если я смотрю на наше с Марией знакомство с дружеских позиций, а не как на мимолётную встречу, плюс я человек не малодушный, то у меня обязательно должно быть в наличие время, которое я могу предложить для своего использования Марией.

И я не мог как-то ответить иначе, как только честно признаться, что какое-то время у меня всегда есть в запасе.

– Я в вас и не сомневалась. – Прямо такое читается в снисходительной улыбке Марии в мою сторону.

Ну а вслух она озвучивает ожидаемую мной просьбу. – Вот хотела вас попросить проводить Зои.

Что вызывает не только у меня, но и у Зои повышенный интерес в обоюдную сторону, с необходимостью в дальнейшем выяснить и понять, что всё это значит, и что Мария под этим предложением предполагает. И даже то, что Зои сразу вызвала у меня симпатию, и я был совсем не прочь с ней завести знакомство (как и она, как я вижу), всё-таки было бы со стороны Марии не плохо и разумно, если бы она меня сперва спросила о моих личных предпочтениях и желаниях. Хотя, если это моё знакомство с Зои связано с желанием Марии дать мне пищу для размышлений – У Зои удивительная судьба, её история может стать основой для вашей книги, вы же искали для неё сюжет – то тогда ладно.

Ну а спрашивать Марию, что не так, и что такое случилось, раз Зои так экстренно понадобилась моя помощь – как я понимаю, то она как-то до сегодняшнего дня без моей помощи обходилась, добираясь домой – я почему-то не стал спрашивать, увлекаемый исходящими от

неё ароматами очарования внеземной красоты, подчёркиваемой бьющим не только мне в нос, а прямо под дых запахом духов. Которыми Зои всё-таки несколько злоупотребляет, так сильно ими увлекаясь. И, наверное, зайдя ты вместе с ней в лифт, то преследуй тебя современный бич иммунитета, аллергия, то не доехать тебе до своего этажа, оставшись навсегда в кабинке лифта распластавшимся на полу. Через кого Зои легко пройдёт, так и не заметив тебя, несколько удивлённая тому факту, что она думала, что едет не одна, а оказалось, что одна.

Но если вслух я не стал у Марии интересоваться всеми этими вопросами, сочтя это неуместным в присутствии Зои, кто обязательно сделает в мою сторону не просто негативные выводы (вот же жмот и расчетливый в предел человек, всё ему надо знать), а ей противно будет находиться рядом со мной, и глаза бы её меня не видели (и может она природой в этом плане обойдена только по этой причине), а выразительно так прокашлялся, давая Марии понять это моё желание во всём разобраться, и ни в коем случае не принимать всё это за мою придирчивость.

– А что не так? – а вот так словесно нужно было прочесть Марии этот мой послыл.

И как я в эмоциональном порыве Марии чуть ранее наговорил, то я не далеко ушёл от среднестатистического человека, чей эгоизм заволок его разум и взгляд, и я как и все люди вокруг слеп к встречным людям, не то чтобы не замечая обычных вещей, а я не вижу очевидного. И очевидное здесь то, что Зои представляет из себя прекрасную и заманчивую мишень для людей, использующих ваше доверие, как инструмент для своего личного обогащения или же в данном случае для повышения самооценки через оказанную в вашу сторону пакость. И встретиться Зои на пути у такого рода людей, то они не преминут воспользоваться её не зрячим положением, перенаправив её путь в какую-нибудь ловушку – в открытый ими же перед ней люк.

И я, конечно, готов оказать посильную помощь Зои в деле обойти все эти жизненные препятствия, раз сегодня, как мне объяснила Мария, ей экстренно понадобилось отправиться домой, а тот, кто отвечает за её опеку, не смог за ней приехать.

– А вы мне что, доверяете? – всё же не удержался я от такого провокационного вопроса.

– Как думаете, Зои, ему можно вас доверить? – Мария ловко переводит стрелки на Зои.

И теперь всё наше внимание обращено на неё, так приятно и по детски заулыбавшейся в сторону вот такой постановки вопроса к ней, и ей надо поддержать меня на паузе, что б, значит, набить себе цену, как раньше бы я подумал, а сейчас у меня мысли очистились от всего этого налёта психологических тренингов и штампов, и я вижу самые чистые проявления внутренней сути человека, который реагирует на внешнее именно так, как должен, без прикрытия себя налётом лицемерия.

– Мне кажется, что меня можно ему доверить. – Мне аж сглотнулось от этих слов Зои, оказывающей мне такими словами доверие. И у меня прямо за спиной крылья выросли в желании не подвести Зои. И пусть только встретятся нам на нашем пути злобствующие за счёт других людей негодяи, я в момент отобью у них охоту вести такой деструктивный образ жизни.

– Если так. – Говорит Мария, уже обращаясь ко мне. – То я уже вызвала такси. И ваша задача состоит в малом. Довести Зои до подъезда её дома.

Такая постановка передо мной задач несколько разочаровала меня, рассчитывающего на нечто большее (на что, я сам не знаю), и я даже хотел недовольно и саркастически хмыкнуть: «Всего-то», но появление вызванного такси всё наше внимание перевело на него, не дав мне также про себя возмутиться насчёт самонадеянности Марии, посчитавшей, что я непременно откликнусь на эту её просьбу и соглашусь сопроводить Зои до дома. И это притом, что она может запросто жить на другом конце города по отношению к моему месту жительства, обязательно на такой же окраине, в какой-нибудь глуши, где среди редких жителей местной округи, всё больше встречаются отшельники, кудесники, шарлатаны и проповедники того слова, которым меня хотели записать с помощью телефонного разговора в свои адепты.

И тогда для меня станет многое понятно насчёт всей этой внезапной и загадочной красоты Зои, кто есть самая настоящая колдунья, ворожея и прорицательница, плетущая нити судьбы, где одна из них предсказала моё появление здесь, и чем она не преминула воспользоваться, заманив меня в свои личные чертоги, где она будет меня расщеплять на атомы и молекулы. И не из простого любопытства, а для разработки эликсира вечной молодости и красоты. Как по мне, то она с природой своего рождения его впитала, или же тут имеет место другой случай. Прежний дурачок, кто попался на такую же ловушку, весь по капле истощился и теперь на его место понадобился другой (я), чтобы собой питать красоту и молодость Зои.

Ну а если быть ближе к реалиям жизни, где всё более приземлено и скучно, а все эти сказки есть плод моего воспалённого воображения, которое во мне включается, когда я встречаюсь с непознанным неизвестным (мы сели в такси и поехали только таксисту в известную даль), то я вдруг столкнулся в себе с непонравившейся мне чертой характера – с каким-то прямо стяжательством. Которое крепко так меня спросило: «А кто будет оплачивать этот заказ?».

И смотреть в сторону Зои, кто хоть и является прямым бенефициаром этой поездки, не самая здравая и верная идея.

– Может тогда Мария? Раз она заказала такси? – а вот это уже позорно так переводить на Марию свои затраты на эту поездку. И разве я забыл о том, о чём мне говорили, спрашивая меня: «Можно ли мне доверить Зои?». И что в себя, как я сейчас понял, включало и оплату такси.

– А вы как думали, Василий, что добрые и героические дела не потребуют от вас каких-то трат? Нет. Так не бывает. – Прямо передо мной стоит Мария и с укоризной меня попрекает в моей скупости, а сидящая со мной рядом на заднем сидении Зои, время от времени подкалывает меня своим локтём в бок. И хотя эти толчки меня в бок синхронизируются с ухабами и кочками, на которые залетает колеса такси, всё-таки есть такая вероятность, что Зои, таким образом, себя и меня развлекает, давая мне пищу для размышлений насчёт того, что это всё может значить?!

А у меня может быть есть и для этого случая оправдание, и вы, Мария, демонстрируете в себе сейчас все те же качества, за которые мне было по праву стыдно. Слепоту ко мне. И я так сильно интересуюсь насчёт оплаты такси не по выше приведённым причинам моего стяжательства и скупердяйства, а дело в том, что я с собой не захватил достаточно для покрытия расходов для поездки на такси денег.

А в это время таксист, всё это время проявлявший в нашу сторону особого рода бдительность через зеркало заднего вида, а может ему было сильно любопытно, заметив за мной такого рода, озадаченное поведение, со своей растерянностью и ёрзанием на месте, сразу смекнул, с чем оно могло быть связано. – Э, брат! Никак хочешь забесплатно прокатиться на такси. – Усмехнулся такой моей наивности таксист, повидавший на своём таксистском веку всяких видов злодеев, считающих себя самыми умными, и кто в его лице запросто может обмануть судьбу. Да вот только не в его случае.

– Никто, слышите, никто ещё забесплатно не ездил в такси брата Ашота! – с вот такой моей будущей предначертанностью посмотрел на меня брат Ашот, крепко так взявшись за руль и в качестве демонстрации мне крепости своих намерений, падла, прямиком наехал на очередной ухаб. Который оказался больше, чем на то рассчитывал брат Ашот, в чьих планах было всего лишь поставить меня на место надёжного и платёжеспособного клиента, а вышло так, что мы все, пассажиры автомобиля, подлетели вверх вслед за автомобилем, а вот куда затем каждый из нас приземлился, то это вопрос требующий для себя отдельного разговора. До которого в данный момент нет никакой возможности, а нужно как-то в себя прийти, оказавшись в достаточно пикантной и неоднозначной для понимания ситуации нахождения в объятиях друг с другом меня и Зои.

Для которой произошедшее сейчас с нашим автомобилем, вдвойне, а может и в другой кратности стало необъяснимым и невероятным происшествием, выкинувшим её из привычного жизненного ритма и прямо во что-то фантастическое и удивительное по своим ручным и другим ощущениям. И здесь каждое мгновение моего промедления в сторону объяснить Зою, что здесь такое с нами произошло и происходит, ведёт к чему-то физически и психологически неразумному и интеллектуальной основой необеспеченному. Каждый из нас начинает желать полагаться на свои инстинкты самосохранения и друг от друга не отрываться, когда так душевно и физически тепло рядом друг с другом, и так же защищено.

А вот брат Ашот на всё это дело смотрит со своих мстительных и ревностных позиций. Он, бл*ть, ударился головой об потолок и отбил все руки об руль. И ему хочется в зеркало заднего вида видеть отчаяние и боль в наших лицах, а не эту картинку счастья. И брат Ашот идёт на самые радикальные меры, прибавляет скорость и сука привозит нас к пункту нашего назначения.

– Всё. Приехали. – С каким-то кощунственным злорадством объявляет брат Ашот о нашем прибытии.

На что мы рефлекторно и психологически реагируем, отстранившись друг от друга. Где я, чувствуя, что я должен действовать расторопней Зои, быстро покидаю салон автомобиля к некоторому испугу брата Ашота, решившего, что я всё-таки сумел его обмануть, убежав, не оплатив проезд, обхожу автомобиль сзади, подхожу к двери со стороны Зои, и открыв её, очень элегантно, с предложением только руки, приглашаю её на выход.

Моё приглашение Зои служит для неё ключом к пониманию того, что я сейчас делаю – она перехватывает мою руку – и она выходит из салона автомобиля. После чего мы выдвигаемся в сторону своевременно мне озвученного Зои адреса, забыв за собой брата Ашота. Кто к полной неожиданности и непониманию себя и того, что он никогда не делал, берёт и, что я люля делаю? уезжает.

Мы же с Зои останавливаемся у подъезда её квартиры, где она мне говорит, что дальше она сама и мне за всё большое спасибо.

– Не за что. – Отвечаю я. И как дань обходительности говорю сакраментальную фразу. – Я всегда к вашим услугам. В любое время звоните.

А Зоя восприняла всё мною сказанное как сигнал к действию, и тут же зацепилась за это моё предложение.

– Тогда может быть завтра? – с мольбой в глазах обращается ко мне с этим вопросом Зоя.

А я как-то даже опешил и растерялся от такой оперативности хода мысли Зои и заодно от её непосредственности, совершенно не рассчитывая на вот такую её реакцию на мои слова, в которые вкладывалось совсем другое (теперь будешь знать, как использовать все эти воспитанности, служащие для прикрытия правды).

– Что завтра? – переспросил я, не поняв вопроса Зои.

– Встретимся, и вы меня отвезёте обратно. – Как само собой разумеющееся говорит Зоя. И я даже и не знаю, как мне на это её предложение точно сердечного характера реагировать, как только согласиться (ну брат Ашот и выкинул ты фокус).

– Конечно. – Легко и с готовностью даю ответ я, видя по Зои, как у неё отлегло от сердца этим моим ответом. – А где мы встретимся? – спрашиваю я.

– Здесь же, конечно. – Смеётся Зоя в сторону моей вот такой бестолковости и какой я всё-таки растяпа.

– А во сколько? – задаюсь я новым вопросом, и зажмурившись, жду новой волны удовольствия и смеха Зои, кому видимо нравится надо мной подтрунивать и радоваться таким моим оплошностям в разговоре с ней.

Но на этот раз я говорил по делу, и Зоя озвучила мне время для её встречи здесь, и на этом как бы ставя точку, с виду совершенно забыв меня, поворачивается к дверям подъезда,

наработанным опытом движением нажимает код домофона, и размеренным шагом скрывается в дверях подъезда, оставляя меня на пороге перед чем-то для меня неизвестным и странным, заставляя обдумывать всё то, что меня постигло за сегодняшний день.

Глава 4

Рассказывающая о неожиданных и в тоже время ожидаемых встречах и их последствиях

Следующий день был мной встречен в расстроенных чувствах насчёт моего данного согласия Зои её встретить. На встречу с которой я посмотрел с более трезвых, на расстоянии времени позиций, и у меня появились большие сомнения в целесообразности этой встречи. В общем, во мне взял слово расчётливый гад, смотрящий на жизнь через фокус личного эгоизма. И он мне подсказывал, что меня вот такие добрые дела до добра не доведут, не говоря уже о Зои. Кто по своей душевной наивности и девичьей мечтательности всякое себе лишнее в мою сторону вообразит, а как только она столкнётся с горькой правдой жизни в моём расчётливом лице, то пойдя затем оправдайся в её разбитом сердце.

– Но пойти я не могу. – Логично мыслю я.

– Идти придётся. – Следует ответ мне от меня.

– Как же это тяжело говорить горькую правду. – Вздыхаю я.

– А как иначе.

И вот я нахожусь на пороге входа во двор дома Зои, и... Кого же я там вижу?

Нет, это, конечно, не вопрос. Я знаю, кого я вижу. А это всего лишь возглас удивления и чуточку изумления при обнаружении мной Марии. Кому опять же конечно, не возбраняется находиться где бы то ни было и где она хочет, и у неё может расписание дня расписано в такой последовательности, где она в это время заезжает за Зои и они вместе едут по своим делам (тогда почему Зои мне назначила встречу именно на это время?! А, понял. Она это сделала автоматически. Она ведь только по этому времени ориентируется, оно у неё стоит на сигнале оповещения, вот она и обозначила его для меня), но вот такое её пересечение со мной за одни только сутки второй уже раз, кажется мне более чем совпадением. Здесь точно имеет место с её стороны некий умысел.

А вот какой? То это я сейчас и попытаюсь выяснить.

– Это вы? – всё-таки с нотками удивления я себя обнаруживаю для стоящей ко мне стороне Марии.

Мария, явно не ожидав меня, таким образом, здесь не обнаружить, а она ведь ждала меня, но видимо задумалась крепко над этим и в результате проспала моё появление, одёргивается как бы в испуге. После чего поворачивается в мою сторону и поправив на носу чуть соскочившие очки, в каком-то противоречии улыбается (виновато и с вызовом) в мою сторону и задаёт встречный вопрос. – Вы что-то имеете против?

– Нет. – Осекаюсь я.

– Тогда я здесь. – Констатирует факт своего присутствия Мария.

Что наводит меня на некоторые нехорошие мысли, связанные с Зои, раз мы здесь с Марией оказались. – Что-то случилось? – спрашиваю я.

Мария не сразу даёт мне ответ, углубившись в себя в поиске подходящего ответа. Но так как она ничего другого найти и придумать не может, то поднимает опущенную вслед за своей задумчивостью голову (она проецирует свои мысленные движения на свои физические действия, на чём её можно будет ловить при внимательном за ней наблюдении), и даёт мне какой есть ответ. – Она не придёт.

И она надеется, что мне не надо объяснять, о ком она ведёт речь. И я не завожу о Зои речь, только бросив косой взгляд в сторону её подъезда, из которого есть и такая вероятность, сейчас выйдет Зои и посрамит Марию за такой меня и её обман. А вот на чём он строился и какие цели Мария преследовала этим своим обманом, то ответить на этот вопрос легче лёг-

кого. Но я не буду забегать вперёд, а дам возможность Мари объясниться и объяснить свой поступок вот такого моего предупреждения, ради которого она и прибыла в назначенное мне Зои время. – Интересно, откуда она его знает?! – а это был риторический вопрос (Зои обо всём ей рассказала).

– Почему? – спрашиваю я.

– Заболела. – На одном выдохе даёт чуть ли не сразу ответ Мария. И от того у меня к её ответу совсем нет доверия. А если прямо, то не верю я Марии.

– Это правда? – уперевшись взглядом в Марию, кто всё-таки умеет быть хладнокровной (она держится прямо своей позиции и у неё не бегают из стороны в сторону глазки, пытаясь скрыться в пелене своего обмана), задаюсь я вопросом.

– Отчасти. – Всё-таки не удержалась Мария под моим взглядом, принявшись сдавать свои позиции.

– А что в главном? – я же продолжаю давить на Марию.

А вот здесь Мария предпринимает контрбросок, задав неожиданный вопрос мне. – Скажите, как она вам?

И здесь я не мог прыгнуть с темы заданного ею вопроса, даже имея право указать ей на то, что она уходит от вопроса, а всё потому, что на такого рода вопросы, один из которых задала мне Мария, нужно отвечать всегда сразу и прямо. И я отвечаю ею ожидаемому.

– Всё отлично. – Даю вот такой ответ я, в котором всё-таки присутствует некоторая недоговорённость и уход от прямого ответа. Что мной может быть объяснено тем, что с меня ещё рано спрашивать насчёт моего личного отношения к Зои, мы с ней только вчера познакомились и любые выводы о нашем знакомстве будут преждевременны (вот какая я дипломатическая сволочь, когда-то заявлявшая о своей приверженности идеологии значения первого взгляда).

И, конечно, Мария, тонко чувствующая любой душевный разлад и отхождение от себя, уловила в моём ответе нотки лукавства, ухода от прямого ответа.

– А что не отлично? – с жёсткостью задаётся вопросом Мария, теперь уже заставляя меня уходить в сторону от её прямого на меня взгляда, усиленного фокусом её очков.

И тут на меня что-то свойственное мне в такие экстремальные мгновения находит, и я всё, что во мне накопилось (когда только всё это успелось?), вываливаю на Марию.

– Буду с вами, Маша (вот как я быстро и откровенно перехожу на личностные оценки и навязываю груз ко мне доверия), честен и откровенен. – Не сводя своего открытого для всего взгляда с Марии, претерпевая в себе нехватку кислорода, которому я и сам перекрыл краник выхода своей переполненностью душевной взволнованностью, говорю я ей. – Мне для общения нужны глаза, которые очки никогда не заменят.

На что со стороны Марии следует странный ответ растерянности и какой-то потерянности. – Но я тоже в очках. – На который я странно и может не логично реагирую.

– Дайте я посмотрю. – Говорю я, протягивая к Маше руки.

– Что? – испугавшись, не сразу поняла Маша, что я от неё хочу. Но было уже поздно, я перехватил своими руками её очки, к которым она только дёрнулась своими руками, и снял их, чтобы ...Ничего для себя не понять, в испуге за то, что там сейчас увидел, растерявшись, и мне стало сильно неудобно за вот такую свою дерзость, с которой я влез туда, куда не позволено было влезать. Ведь глаза зеркало души, и она, душа Маши, как сейчас мной так для себя паскудно выяснилось, не для всех открыта. А после такого моего поступка, то она может будет для меня навсегда закрыта.

– Возьмите. – Пристыжено, с долей горечи звучит мой голос, а я протягиваю ей выхваченные очки.

На что Маша никак не реагирует, с нехорошим предчувствием для меня продолжая морозить меня своим холодным взглядом. И мне, такому трусу, приходится прямо в руки ей всу-

чивать очки. Которые она всё-таки берёт, но на этом с ними всё, а вот со мной у неё разговор и прямота её холодного взгляда на меня не закончены.

– И что вы увидели? – ровным голосом, но при этом в нём присутствует какая-то немислимая беспощадность, задаётся мне этим вопросом Маша. И только посмейте со мной не быть честным и отводить от меня своё лицо.

И я буду с ней честен, и не потому, что мне так неуютно находиться под прицелом её холодности, а я так решил сделать.

– Они у вас какие-то безжизненно-отстранённые. С печатью бесконечной печали. Что с вами Маша? – а вот задан мною вопрос был с сердечным надрывом и участием к Маше.

И возможно этот момент моего не безразличия к Маше, которое было также акцентировано через подачу в таком виде её имени, смягчило Машу, и она посчитала, что хоть я и веду себя подчас самонадеянно и по хамски, что для творческой натуры свойственно, всё-таки всё это не критично и допустимо для человека, с кем она может иметь доверительные отношения.

И Маша возвращает свои очки на прежнее место, и с улыбкой постучав пальчиком руки по внешней поверхности линзы очков, даёт мне понять, что этот этап отношений пройден и не пора ли нам вернуться к делам насущным.

– Так вот что я хотела вам сказать насчёт Зои. – Берёт слово Маша, а от меня сейчас требуется только одно, внимание и понимание ко всему ею сказанному. В общем, я должен молчать и внимать каждому её слову. И моё: «угу», как нельзя лучше демонстрирует мою готовность внимать и слушать.

– Знаете, – начинает оправдываться Маша, – раз я всё это дело заварил, то я и должна сама всё здесь решить, избавив вас от тягостных и мучительных объяснений Зои своих в будущем решении.

А вот здесь я не сдержался и спросил: «Каких?».

– Каких? – в своей задумчивости повторила за мной вопрос Маша, и ...Внимательно, повторять я не буду, слушайте и запоминайте.

– Очень сложно подчас строить отношения между людьми, находящимися в таких разных позициях по отношению к окружающему миру, где внутренний мир строится совершенно на других принципах и соображениях. А он ведь является основой для постройки отношений. А когда нет общего фундамента, то, что можно ждать от построенного на этом фундаменте дома? – а это был риторический вопрос от Маши, вслед делающей знаковое добавление. – И вы сами это понимаете, боясь себе признаться.

– Да. – Вынужденно соглашаюсь я, кивая. – И я корю себя за такое малодушие и слабость.

– Не нужно. – Откликается Маша, даже взяв меня за руку в области где было для неё ближе в качестве поддержки. – Мы всё-таки с вами из разных световых миров.

А вот этот её ответ меня удивил. – Мы? – переспрашиваю я, цепляясь, может всего лишь за её оговорку. Что так и есть, как из её ответа выясняется

– Ах да. – Смеётся Маша. – Я, проводя всё своё время в кругу общения с моими подопечными, и сама начала себя ассоциировать с ними.

– Понимаю.

Ну а раз я такой понятливый, то она продолжит. – И как весьма сложно найти между собой точки соприкосновения, когда каждый из нас опирается в своих мыслях на другие основы. И здесь одних сердечных симпатий недостаточно и мало, чтобы преодолеть все встающие на пути друг к другу препятствия подчас немислимого характера. Нужно каждый день, каждую минуту своей общности прилагать огромный душевный труд и силы. Что не каждому по силам. – На этом приговоре мне, Маша замолкает, и между нами возникает тягостная пауза, которая в моих глазах выглядит перекрёстком распутья. Где передо мной стоит два выбора, без всякого объяснения и слов развернуться и быстро покинуть это место, или же зачем-то здесь остаться и ... Меня перебивает на всех этих низких мыслях Маша, заявившая следующее:

– Не знаю, что ещё сказать. – С какой-то виноватостью и проникновенностью говорит Маша. – И вообще, я не знаю, зачем я здесь.

А вот последнее её утверждение служит для меня сигналом к активным действиям.

– Тогда может, перекусим? – делаю я заманчивое, аппетитно звучащее предложение. На которое очень сложно не согласиться, когда ты с утра не ел и голоден (на что всегда расчёт у предлагающей стороны).

– Я здесь ничего не знаю. – Звучит как отговорка этот ответ Маши, пожимающей своими плечами. А вот это в некоторой степени странно. Как это она ничего здесь не знает, когда, как я могу судить по предшествующим этой нашей встрече событиям, и она сама об этом проговорила, она была здесь ни раз, заезжая за Зои. Хотя, может быть, дальше этого двора не простираются её знания этой местности.

– На этот счёт не беспокойтесь. – Говорю я. – Я на себя беру обязанность вас отвести в самый лучший ресторанчик.

– В ресторанчик? – многозначительно и видимо для души вопросительно повторяет эту мою заявку на отличное проведение времени Маша. – И какой же это ресторанчик? – живо так интересуется Маша, одновременно перехватив правой рукой запястье своей левой руки.

– Ассоль. – Даю ответ я, зафиксировав в своём внимании это рефлексивное действие руки Маши.

– Мне нравится название. – Говорит Маша, продолжая держать свою правую руку, так сказать на пульсе событий с левым запястьем. Что вызывает у меня большую заинтересованность и вопросы.

– Что это с вами? – задаюсь я вопросом, кивая в сторону её левого запястья.

– Вы это о чём? – выказывает непонимание Маша, почему-то испугавшись.

– Что с вашей рукой? – уточняю я.

– Ах, это. – Успокаивается Маша, убирая руку. – Прощупываю пульс. – А вот так звучит её пояснение своих действий. Если честно, то меня мало устраивающее. И я, искренне недоумевая, её спрашиваю: Но зачем?

На что следует, не придерёшься никак, кладущее меня на лопатки своей логикой объяснение:

– Чтобы по пульсу понять степень моего желания принять ваше приглашение. – Во как объясняет Маша своё желание принять моё приглашение.

– И что он говорит? – спрашиваю я.

Маша искоса на меня смотрит, делает кульминационную паузу, и...можете вздохнуть спокойно, я принимаю ваше приглашение.

– Тогда идём. – Пока Маша не передумала – мне мол, нужно свериться с пульсом на правой руке, – а почему мне так стало важно, чтобы она пошла со мной, я чего-то совсем не понял, я этим утверждением ставлю точку в подготовительных мероприятиях.

И то, что Маша оговаривает новым условием свой поход со мной в ресторанчик: «Я тогда возьму вас за руку», не кажется мне чем-то отягощающим этот наш поход в ресторанчик. И даже наоборот, такое единение указывает на нашу сплочённость в сторону достижения общей цели и заодно можно нагулять аппетит.

– Конечно. – Даю добро я, выдвигая в сторону Маши локоть своей руки, предназначенный для этой ручной с ней связи.

А Маша, видимо осознав, что она несколько поспешно так решила во всём на меня положиться, оценочно и рассудительно в себе находясь по отношению к моему даже не предложению, а отклику на её же просьбу взяться за меня, опять создаёт на ровном месте паузу, во время которой я вновь оказываюсь в переходном и не в самом удобном положении, в ожидании на мой счёт решения Марии (вот так), кто натура не то чтобы ветреная, у кого семь пятниц на неделе, а она предельно взыскательна к предлагаемому ей (она уже вот как на всё ею предло-

женному смотрит!), и она может посчитать, что вы, то есть я, слишком на себя берёте много, и прежде чем ей предлагать себя в качестве сопровождающего лица, мне не мешает поменять свой костюм на более что ли новый и не замызганный одним только небрежным отношением к нему.

В общем, мне было на что начать досадовать. Правда, всё это во мне в одно мгновение выветрилось, как только Маша, уж очень удивительно, с какой-то внутренней закомплексованностью и неуверенностью в себе (я только сейчас понял, наблюдая за ней, что для неё взять кого за руку, а точнее, кому-то довериться и доверить себя, было так сложно по одной только причине, для неё это было в первый раз; и это меня до глубины души умилило и растрогало), зажмурившись, протягивает наугад в мою сторону руку и тут уж мне пришлось прийти ей на помощь, подсунув под неё локоть своей руки.

– Вот и всё. Совсем не сложно. – С усмешкой говорю я.

– И в самом деле не трудно. – Радуетса в ответ Маша, и мы выдвигаемся в сторону наметенного пути, в ресторанчик «Ассоль». Где мы вначале идём молча, приноравливаясь друг к другу, где каждый из нас имеет свою личную позицию и характерность хода.

И хотя на меня в основном возлагается ответственность за доведение нас до дверей ресторана, и что б без всяких неприятностей и неожиданностей на пути к нему, я, тем не менее, не должен забегать вперёд со своими длинными ногами и вдруг пришедшими в голову инициативами срезать путь через грязную подворотню. В которой не самое страшное столкнуться с голодными и агрессивными псами, а самую большую опасность в ней представляют захлапленные отбросами и все в грязи тротуары, проход по которым обязательно оставят дурно выглядящие и пахнущие последствия на ваших туфлях. Которые в момент высмотрит принимающая сторона в лице метрдотеля, кто в любых других случаях, когда вы даже в зюю, не только бы не препятствовал вашему входу в это отличное заведение, ресторан «Ассоль», а даже приготовил бы для вас лучший столик, но вот ваш случай что-то из ряда вон выходящее, куда он вас действительно и попросит, зажимая нос вытянутой вперёд рукой.

Так что если всё это резюмировать, то мне, на кого столько возлагает надежд Маша, так крепко на мою руку облокотившись и ухватившись, что указывает на большую степень оказываемого ею мне доверия, и если я решу поскользнуться и упасть, то и она в этот омут с головой за мной последует (в общем, до конца идёт со мной), есть много о чём тут подумать, в своём ходе ориентирясь и держа в виду Машу.

А вот о чём молчит так задумчиво и улыбочиво Маша, то я как-то даже не сильно хочу это знать, радуясь за неё, такую довольную и как будто в первый раз себя почувствовавшую свободной. Вот только меня вечно кто-то внутри тянет за язык, перебивая на самом интересном месте вот такие мгновения благоденствия.

– И о чём задумались? – спрашиваю я Машу.

Маша будто бы застанныя мною врасплох, перебивается этим моим вопросом, в один момент переменившись в лице в сторону растерянной задумчивости, делает по инерции ещё пару шагов синхронизировано со мной, и вот что меня спрашивает. – А скажите, ресторан это такое заведение, где столовый нож кладут справа от тарелки, а вилку слева?

Что и говорить, а меня этот вопрос Маши так же застал врасплох вот такой неожиданной и удивительной постановкой. И я даже сперва и не догадался, что Маша, таким образом, мне отвечает на мою ей подножку своим не кстати и не ко времени заданным вопросом. Она вся отдалась происходящему с ней, а тут я приземляю её до реальности. Хотя то, что мне в первую очередь пришло на ум: «Неужели она никогда не была в ресторане?!», также имело право на своё существование. Да ещё какое, и до такой степени, что я внутри себя размяк от сострадательного к Маше ощущения, сглотив в себя разбежавшееся слюняйство.

А вот спотыкаться на этом месте, на подкосившихся от слабости ногах, которые первыми ощутили, какой груз ответственности наваливается на меня (ты для неё первооткрыва-

тель ресторанного бизнеса, так что не смей экономить и вести себя не соответствующе её через фильмы представлениям о кавалерах, водящих леди в эти рестораны), не слишком хорошая идея. Маша в момент всё это твоё спотыкание просечёт, и обязательно не правильно истолкует этот твой ножной манёвр, где я на подсознательном уровне совершенно против повести её в ресторан. А почему я сперва выразил такое желание, то всё до банальности просто. Нужно было чем-то заполнить возникшую между нами паузу и жрать сильно было охота.

Но я удержал в себе равновесие, и даже ровно ответил Маше на этот её вопрос. – Да, всё именно так.

– А если я левша. То как мне приличествует пользоваться этими столовыми приборами? – и опять вопрос на мою засыпку от Маши. Что и говорить, а умеет она задавать провокационные вопросы, ставящие меня в тупик.

– А пользуйтесь, как хотите. Разве вам важно, кто и как на вас смотрит. – Даю ответ я.

– Но если существует такая практика раскладки столовых приборов, то видимо есть расчёт на то, что посетители должны следовать этим установленным правилам общепита, этикету? – после небольшой паузы всё не уймётся Маша, задаваясь какими-то прямо этическими вопросами морали. До которых мне нет никакого дела. И только то, что такая её вопросительная словоохотливость имеет для меня только одно объяснение – она сильно волнуется, боясь оплошать при первом своём посещении ресторана, позволяет мне смотреть на Машу с трогательностью и со снисхождением.

– Пусть они там хоть засчитаются. – Усмехаюсь я. – А мы будем есть так, как нам удобно.

– Даже руками? – вставила своё радикализированное предложение Маша.

И я не мог с ней и этим её предложением не согласиться. – Конечно. – С лёгкостью соглашаюсь я. Но только в этом случае у меня есть одно замечание. – Только руки об штаны не вытираем.

– Но у меня нет штанов? – делает дельное замечание Маша (у неё брюки), звучащее, конечно, неоднозначно, и в нём прослеживается некоторое иронизирование и будет смешно, если я об ваши штаны буду вытирать руки, но оно мной принимается. – Тогда об скатерть. – Делаю я предложение, что не делать.

– А обо что тогда вытирать? – серьёзно интересуется Маша, как будто всё уже ею решено и мы будем есть всё подаваемое руками. Тогда как я всего лишь шучу.

– Об салфетки. – Более чем серьёзен я.

– Хорошо. – Соглашается Маша. А мне теперь понимай, шутила она или нет насчёт всего этого.

И на этом не заканчивается моё удивление Машей, так умеющей на мой счёт не унывать и веселиться, ставя меня, как мне ещё недавно казалось, человека с отличным чувством юмора, в структурную диспропорцию с её умением создать, пока что только гипотетически, такую будущую проекцию, что мне начинает думаться вооружиться заранее салфетками, в качестве защиты и препятствия для рук Маши, положив их себе на брюки, которые Маша решит принять за штаны, чтобы, сами же говорили, последовать ранее собой озвученному. А затем она ещё с такой непосредственностью мне улыбнётся в ответ на моё недоразумение и сделает только мне одному признание, что она как-то забылась, и ей захотелось опереться теперь уже на мои коленки.

Ну и что тут поделать, как только принять такую игру разума Маши как для себя неизбежность, которая хоть и несёт для меня некоторую неопрятность, но такова жизнь. Чистыми руками только отмахиваться от дел приличествует.

И на вот таких мыслях, я, пребывая в задумчивости, при нашем выходе из этого всё-таки больше проулка, нежели подворотни, где всегда вас, а сейчас нас встречает перекрёсток дорог, делаю несколько поспешный и необдуманный шаг в одну из сторон, как к полной для меня неожиданности, Маша застывает вдруг на месте, тормозя меня вслед за собой.

– Что-то не так? – интересуюсь я у Маши.

– У меня возникло такое чувство, что мы поворачиваем не туда. – Делает вот такое заявление Маша, вызывая у меня удивление и иронию в сторону использования Машей вот таких интуитивных ориентиров для доставки себя в назначенную точку.

И у меня естественно есть к ней вопросы. – Но вы же мне говорили, что ничего здесь не знаете. Тогда с чего вы решили, что я не в ту сторону иду?

– Интуиция подсказывает. – Так прямо и говорит Маша, совершенно не боясь выглядеть в моих глазах человеком, отвергающим научно-технический прогресс, и ей ближе около научные пути осознания мира.

Ладно. Я дам ей на практике усвоить мою правоту и ошибочность своих вот таких бессознательных суждений.

– Раз вы так думаете и принимаете окружающий мир, то почему бы и мне не принять его таким же. – Говорю я, и перенаправляю с внутренним злорадством свой ход в указанную ею сторону. И пусть мы даже заблудимся, но конечный результат того стоит, чтобы указать некоторым рядом идущим людям, что если ты доверился кому-то, то нужно до конца, каким бы он ни был, следовать за ним и ему доверять. И пора бы мыслить и рассуждать современными категориями качества, без всех этих допотопных средств восприятия мира, где мир познаётся и знаётся через тот же палец в небо (чѐ там звѣзды подскажут) или в рот, чтобы узнать откуда и куда дует ветер (хотя последний метод распознавания розы ветров очень даже действенен).

И вот же было моѐ удивление, в купе с растерянностью в коленях, когда мы вышли точно по адресу и месту нахождения ресторана «Ассоль». А вот про себя наслаждаться этим моментом своего триумфа над научным методом познания окружающего мира и надо мной, всего лишь спутавшего направление пути, очень смелое решение, когда я прямо-таки локтѐм своей руки, за которую держалась Маша, чувствую лёгкое подѣргивание и перекаты вслед за её про себя насмешливостью над моей неправотой и преждевременным злорадством.

При этом Маша внешне придерживается нейтральной позиции, ожидая, что я скажу.

Ну а я что могу сказать, как только: «Вот мы и пришли».

Ну а раз так, то у Маши, пока мы не пришли окончательно и не зашли в ресторан, есть ко мне ещё предварительные вопросы, на основании которых она хочет для себя составить картинку всего того, что её ожидает и к чему ей готовиться в этом заведении.

– И здесь поди что подают алкоголь? – вот так косвенно интересуется об ассортименте подношений в ресторане к основным блюдам Маша.

А вот к чему она это спросила и что преследовала узнать, задаваясь этим вопросом, то это для меня тот ещё ребус и вопрос. Не хочет ли она тем самым заранее для себя выяснить мои тайные и скрываемые от неё желания, как, например, использовать её подверженное изменению с помощью алкоголя сознание в качестве подопытного экспериментального объекта для изучения. До каких только непотребностей и животного состояния способно докатиться её сознание под воздействием алкоголя.

– Ну ты уж и хватил! – себя осѣк я вовремя, и в самом деле ставшим слишком мнительным после того, как столкнулся в Маше с ... А не важно с чем.

– И с чем связан такой ваш интерес? – с долей сарказма спрашиваю я.

А вот её ответ меня вновь удивил.

– С безопасностью. – Даѐт вот такой изумивший меня и чего я не понял ещё ответ Маша.

– Это как это? – в полной растерянности спрашиваю я.

– А вот скажите, сколько ступенек на крыльце, ведущем ко входу? – вопросом на вопрос отвечает Маша, переводя моѐ внимание на предвещающее наш вход в двери ресторан крыльцо. Где я по инерции и на автомате начинаю сѣт ступенек.

– Тринадцать. – Подвожу я итог своего подсѣта.

– Вот видите, – опять с какой-то победной реляцией даёт ответ Маша, – уже само число об себя спотыкает. А уж что говорить о том, как неустойчиво себя будет чувствовать поднабравшийся человек. Кто и на ровной поверхности в разные стороны в ногах расползается, а тут его ждёт такой крутой спуск прямо головой об асфальт и в больничную койку.

– Интересный взгляд на обычные вещи. – Усмехаюсь я.

– Что поделать, такая я расчётливая. Всё всегда просчитываю. – Вздыхает Маша. – Так что, ещё не передумали идти со мной в ресторан, теперь зная, какая я расчётливая?

– Не передумал. – Сказал я в такой тональности, что можно было точно подумать и решить, что я, конечно, уже сто раз передумал, особенно после этого её признания, но мне деваться некуда и придётся сегодня пожертвовать своим финансовым и душевным спокойствием.

А Маша, ожидаемо мной всё это во мне просчитав, в себе разозлилась на меня сквалыгу и жадину, тем не менее, удержалась от того, чтобы меня немедленно бросить, и чисто из расчётливого принципа решила в ресторан пойти, чтобы по испытывать эстетическое удовольствие при виде того, как меня корёжит в себе при озвучивании ею заказанного (само собой самого дорогого). А вот противодействовать всему этому в мою сторону неизбежному с её стороны своей прогрессивностью – я, знаете ли, человек прогрессивных взглядов на взаимоотношение между полами, я отдаю дань уважения стремлению женщин к независимости мышления и самостоятельности, и как вы уже поняли, то я не могу вас дискредитировать, взяв на себя оплату нашего обеда, так что всё делим пополам – я, пожалуй, не смогу. У меня не хватит на это духа.

В общем, мы уже вступили и притом твёрдо на подошвы своих ног и с осознанием идти до конца на ступеньки крыльца, начав свой подъём. Во время которого Маша, ещё крепче за меня взявшись, не давала мне ни единой возможности передумать и соскочить со взятых собой обязательств сводить её в ресторан.

– Теперь, Вася, вы понимаете, с кем вы связались и как крепко я за вас взялась. – Вместе с поддержкой в локте, читалась такая мысль со стороны Маши ко мне.

И мне, с одной стороны было приятно, как за меня так крепко держатся и схватились, а с другой стороны, я, впрочем, не против побыть некоторое время в рамках такого себя ограничения. Есть о чём подумать, когда за тебя так отчасти взялись.

– Вы заказывали столик? – уж по приходу к общему залу ресторана, встречает так приветственно нас метрдотель.

– Не успели. – Быстрее меня успевает ответить Маша, кто начала таким образом адаптироваться, взяв на себя функции распорядителя нашего посещения ресторана. Что ж, пусть порадуется и покомандует мной и персоналом. А алкоголь, надеюсь, не закажет, резонно аргументировав это своё желание тем, что нужно всё здесь попробовать, раз её пригласили, и есть вероятность того, что больше не пригласят. И с этим её предположением я не могу не согласиться. После того, что вы, Маша, здесь учинили, выпив залпом бутылку, вас точно сюда больше не пустят, сколько бы я вас не приглашал.

– Тогда могу вам предложить столик ... – на этом месте метрдотель делает знаковую паузу, глядя на нас, ожидая услышать от нас в данную сторону пожеланий. И на этот раз слово беру я, более знакомый с местными предложениями.

– Нам столик в стороне от общего внимания. – Озвучиваю я своё пожелание, на которое Маша интригующе реагирует, пожав рукой мой локоть.

И такой столик есть в наличии, раз метрдотель без возражений ведёт нас к нему. И хотя при подходе к предложенному столику у меня возникают субъективные возражения – не вижу никакой разницы между местоположением и расположением этого столика и другими, стоящими по периметру и вдоль танцевальной площадки – я не стал спорить, а как какой-нибудь

кавалер из фильмов про прошлую эпоху, в демонстрации в себе чинности и благородства, отодвинув стул для Маши, предлагаю ей его занять.

А вот Маша в свойственной ей манере поведения не спешки, а размышления, и как я понял после недавнего её признания, расчёта, не сразу принимает моё вот такое приглашение занять место на стуле, а она должна и обязана понять, что всё это значит, и к чему её обязывает принять моё приглашение всего лишь занять место на стуле и за столом.

И опять, за сегодня и за вчера в который раз, мы стоим друг перед другом в такой странной паузе взаимоотношений, где Маша в себе демонстрирует какое-то вообще непонимание, а скорей циничность своего расчёта (это типа того, что для лучшего твоего восприятия, ты должен делать небольшую паузу перед тем, как что-то важное сказать, заставляя слушателя задерживать дыхание). И мне, мол, объясните натурально, чего вы от меня хотите и добиваетесь. И тогда во мне начинает прорываться нетерпение: «Что-то не так, Мария?», с которым я смотрю на поверхность предлагаемого мной для её занятия стула, где может присутствовать какая-нибудь неопрятность в виде маслянистого пятна (сидел ранее на этом стуле человек в себе ничего не сдерживающий, в том числе и свою повышенную и проникающую сквозь одежды масленность и потливость) или того хуже и прилипчивее для твоего зада, каким бы он ни был миниатюрным, жвачка.

Что даже ещё опасней и сложнее для любого неосмотрительного и всему доверяющего человека, кто, придя в это культурное, как он думал изначально заведение, рассчитывал здесь отдохнуть душой и телом, разумно посчитав, что для всего этого и комфорта его здесь нахождения будут созданы все условия, в один из моментов решив было отлучиться по своим делам, начинает свой подъём с этого стула, и надо же какая удивительная для него неожиданность, его не отпускает от себя стул под ним.

Что сперва вызывает недоумение у сего господина, посчитавшего, что всему виной его слабость и размягчённость в результате некоторого его злоупотребления блюдами и напитками, содержащими в себе не только воду, и он, не подавая виду своим соседям по столу, среди которых был и его прямой начальник, кто ко всему относится весьма серьёзно и он шуток не потерпит, пораскинув, как следует и как в состоянии своими мозгами, решает приложить больше усилий для своего подъёма и отрыва от этого стула, прямо примагнитившего его к себе. Ведь, в конце концов, он не может и не хочет вечно на нём оставаться. А вдруг его супругу Зинаиду Андреевну захочет пригласить на танец Варений Варенич, его начальник, человек в быту сильно подозрительный и за ним нужен глаз да глаз, а то затанцует он с твоей супругой до поцелуев в тёмном коридоре, пока ты тут сидишь сиднем. Так что нет у господина Весёлкина, этого сего господина, другого выхода, если он, конечно, хочет со своей жизнью рогоносца смириться, как только начать бороться с этой аномалией, в которой он оказался, заняв этот стул.

И господин Весёлкин, собравшись с духом, и какие ещё остались силы, руками опёрся о край стула, и... вот же чёрт! оторвался от стула и заодно от задней части штанов, которые прочно решили оставаться на своём прежнем месте, зафиксированные жвачкой.

Так что все эти опасения Маши были небеспочвенны. А вот мне нужно всё-таки проявить большее понимания и соображения насчёт своего поведения с этим стулом и своим желанием выказать в себе человека высокой культуры.

– Что-то не так? – спрашиваю я Машу.

– Так вы для меня выдвинули стул? – с искренним удивлением вопрошает Маша.

– Да. – А вот я недоумеваю по другому поводу. По поводу этого изумления Маши обычным вроде бы вещам. И то, что такие обиходные вещи в её жизни ей не встречались, ей в основном приходилось бороться за место под солнцем, это не моё упущение, и да ладно. Маша с виноватым видом и я просто не знала, что так здесь принято, принимает моё приглашение и занимает место на этом стуле и за столом. После чего я обхожу стол и занимаю своё место за

столом, напротив неё, сидящей как прилежная ученица, положив руки на стол с двух сторон от тарелки расположенной посередине, и смотрящей исподлобья на меня через призму наличия предметности стола.

Ну а дальше со стороны обслуживающего персонала следует проявление их большой обходительности и не запоздалости, а в самый раз появления с меню и другого рода предложениями, если у нас возникнут какие-то ещё соображения.

Вот только у Маши, кому не надо заглядывать в меню, уже есть контрпредложение.

– Мне пельмени. – Обращается с этим заявлением Маша к официанту с таким непреклонным и решительным видом, что вам даже не стоит меня в этом решении переубеждать и тыкать в сторону меню, где только по вашему мнению, а как по мне, то в нём имеет место конъюнктура и ваша зависимость от мнения работодателя, есть куда интересней, и само собой, и только по этой объективной причине, дороже и эксклюзивней блюда.

И официант не решается перебивать Машу в этом её решении своего выбора в отличие от меня, кто, между тем, ничем и никакими договорными обязательствами не связан с учредителями этого заведения и тогда откуда во мне берётся всё это упорство в отстаивании корпоративных и чего уж говорить, частнособственнических взглядов капиталистов на желание Маши заказать лишь то, что ей её сердце велит, хоть и наущенное желудком, и я пытаюсь оспорить и переубедить Машу в этом её заказе.

– Может, посмотрим меню. – Вот так я пытаюсь перебить Машу в её стремлении поесть пельмени. Как будто мне прямо жалко.

На что Маша, явно что-то подобное с моей стороны подозревая (официанта она не знает и он вне подозрений, а обобщать она не будет), прямолинейно меня срезает. – Я хочу пельмени. А другого не хочу. – И так из-под очков головой в мою сторону зыркнет, что мне самому захотелось пельменей, чтобы не перебивать аппетит Маше своими иными взглядами на сытный обед.

– Кстати. – Обращается Маша к официанту. – Сколько штук в одной порции.

А откуда официанту, на автомате пожимающему плечами, это знать. Но вслух и сразу, не подумавши, он не посмеет об этом такой привередливый и дотошливой клиентке говорить, к тому же он видел, как она пригвоздила меня взглядом, когда я посмел высказать свою точку зрения на её сегодняшний выбор блюда. И она, конечно, меня ни в чём не ограничивает и у меня может иметься своя точка зрения на что угодно, но только не в плане указывать ей, чем она будет сытна. Вопрос, что есть или не есть, полностью находится в личной компетенции женской конгениальности, и туда нет совершенно доступа мужскому интеллекту. Кто всё равно ничего не поймёт и не уразумет из того, что нужно женскому я, чтобы в себе поддерживать личную самооценку и то, что является тайной за семью печатями, так сводя вас с ума в сфере личного и физического интереса. В общем, официант оказался малым сообразительным, и он решил не лезть на рожон и не высказывать своей не компетенции, прикинув уме и рассчитав сколько могло бы количественно войти в порцию пельменей.

– Примерно штук восемь. – Даёт ответ официант.

– Добавьте к ним бутылку газированной воды без газов и всё это мне несите. – Здесь она поворачивается головой в мою сторону, и мило так улыбаясь, меня спрашивает. – А вы что будете заказывать?

– Мне тоже самое. – Не сильно скрывая своё недовольство и чуточку раздражение, на автомате делаю заказ я, отправляя официанта.

И только он нас покидает, как у Маши есть для всего этого объяснение. – Что поделать. – Вздыхает, пожимая плечами Маша. – Такая я во всём расчетливая. Всё считаю, особенно килокалории.

И её объяснение мной принимается. А к пельменям я ещё чего-нибудь себе умопомрачительно пахнущее закажу и тогда посмотрим, как Маша посчитает дальше быть. Поддаться искушению или же... А другого варианта и быть не может.

– Не простые задачи вы ставите персоналу. – Делаю замечание я.

– Если он так решит, то да. А так-то ничего сложного. – Даёт ответ Маша, целеустремлённо куда-то глядя поверх меня.

Между тем у нас есть время поговорить и заполнить паузу ожидания заказа.

– Не мог вас не спросить. – Как-то и зачем-то собравшись с духом, обращаюсь я к Маше.

– А что вас связывает с тем местом, где мы с вами познакомились?

– Я методист. – Буквально сразу, без задержки на обдумывание, даёт ответ она. Вслед и сразу поняв, что этого будет недостаточно для полного понимания мной, что всё это значит, она даёт более развёрнутый ответ. – Я разрабатываю методики реабилитации, адаптации к современным жизненным условиям данной категории людей. Пытаюсь сделать их жизнь более функциональней и комфортней что ли, чтобы вот такие их природные основания быть отличным от других людей, не только им не мешали и не препятствовали, а скажем так, открывали для них новые горизонты взаимодействия с этой реальностью.

– Сложно? – спрашиваю я.

– Главное, что получается. – Отвечает она.

– И это какими знаниями, точнее навыками нужно обладать, чтобы быть среди них своим, плавать как рыба в воде?

– Я как переводчик с одного языка на другой, – говорит Маша, – должна в идеале знать оба языка, как в лингвистическом и семантическом плане, так и в плане его подачи, со всеми значениями и нюансами. – Выдохнула Маша. – И знаете что? – чуть наклонилась в мою сторону головой Маша, демонстрируя в себе желание сообщить мне по секрету одну конфиденциальную и важную информацию.

– Что? – заинтригованно спрашиваю я.

– Давайте отдыхать, мы всё-таки не на работе. А то получается, что на отдыхе мы ведём разговоры о работе, а на работе... Ну вы сами понимаете. – Говорит Маша.

– И то верно. – С долей разочарования отвечаю я. – Тогда о чём поговорим? – спрашиваю я.

А у Маши уже заготовлен ответ. – О вашей книге.

На что уже у меня есть ответ. – Но вы только что сами сказали, о работе не говорить.

А вот этот мой ответ вызывает у неё удивление. – А разве это ваша работа? – ещё и критически фокусирует на мне взгляд Маша.

Я было хотел с ней тут завести научный диспут, типа если я прилагаю к этому своему делу усилия и труд, да и всегда люди говорят что работают над книгой, а никак иначе, то значит, это моё занятие в праве называться так, но Маша явно на что-то совсем другое здесь указывала, – это ваша потребность или ещё что-то, – и я решил с ней согласиться. – Пожалуй, да.

– И о чём она? Каким образом она связана с моей работой? – спрашивает Маша, выказывая в себе такого рода заинтересованность, что я должен подпасть под вот такое её обаяние про меня всё знать, и раскрыть перед ней все свои уголки души.

– Борьба тьмы и света. – Сглотнув в себе робость перед моментом откровения, хриплым голосом проговариваю я.

– И на чьей стороне находимся мы? – бескомпромиссно задаёт этот вопрос Маша, вцепившись в меня всей собой, и попробуйте только соврать или уйти от честного ответа, она в момент всё за меня поймёт и может даже на моём примере мне же и покажет, как извлечь из газированной воды все газы. Они выпускаются в таких как я, загазованных людей.

– Вы, – уже приняв полное отождествление Маши со своими подопечными, обратился я к ней, – относитесь к отдельной категории, так называемым проницателям и провидцам. Кто

имеет способность проникнуть в самую суть человека, и видя его насквозь, увидеть, к какой части света он относится. И это крайне важно в существующем противостоянии сил тьмы и света, кто несёт свою темноту или свет глубоко внутри в себе, не раскрываясь. И чем раньше удаётся выяснить, к какой стороне света относится то или иное лицо, тем эффективней действуют по отношению к нему его противники. И по этой причине стороны этого противостояния пытаются заручиться поддержкой проницателей, предлагая им различные блага для занятия своей позиции.

– И что же вы мне предложите? – на самом полном серьёзе, без тени улыбки на своём лице, задаёт мне такой вопрос Маша.

И я оказываюсь в полной растерянности, не понимая, как отреагировать на эту её заявку и не пойми на что. На моё умение быстро соображать, когда меня ловят на словах или лучше пусть на шутке.

– Присоединиться ко мне. – Хотя и хриплю я, но проговариваю свой ответ Маше. Для кого это моё предложение звучит слишком расплывчато и мне нужно детализировать и развернуть это своё предложение. – Будем вместе нести свет людям. – Добавляю я.

– Звучит привлекательно. Но я должна подумать. – Даёт ответ Маша, и давай думать над своим ответом мне. И не как это обычно бывает, откинувшись на спинку стула, чтобы расслабиться и тебе ничего физически не мешало, а она продолжает, как прилежная ученица сидеть в одном прямом в спине положении, с уложенными руками на стол, и фиксировать своё внимание куда-то за меня (что меня уже начинает напрягать; что она там такое увидела?).

А я между тем сейчас многое чего по ней и по такому её сидению даже не увидел, а почувствовал сквозящую в ней робость и имевшую в ней место неуверенность и зажатость. Что и подтолкнуло меня необдуманно (она же просила дать ей время подумать, а тут я лезу к ней со своими советами) обратиться к ней с советом. – Не нервничайте так. Расслабьтесь. До нас тут нет никому никакого дела. – Говорю я. – Все заняты только собой, и на нас никто не смотрит.

На что со стороны Маши следует ответ раздражения с переходом на ты личностное. – Ты в этом уверен?

– Да. – Несколько оторопев от такого ответа и столь резкого перехода Маши в состояние холодной язвительности, сказал я.

– А я нет. – Жёстко отвечает она.

Здесь я в себе собираюсь, и пытаюсь всё возникшее сейчас недоразумение перевести в сам не знаю во что.

– И что заставляет вас так думать? – задаюсь я таким вопросом, давая понять Маше, что не нужно спешить с выводами.

Но она на всё смотрит предельно категорически и бескомпромиссно.

– И скажи тогда, почему сидящие за моей спиной, где-то за три столика от нас кумушки, – вот так зло проходится Маша по всего лишь по нашим соседкам по этому месту посещения, в чью сторону я при их упоминании Машей, успел незаметно для неё бросить косой взгляд и понять и убедиться для себя, на чём крепятся основы их неприятия Машей (они в количестве трёх красоток, вызывая эффектно себя выставляют для общего обозрения, вызывая в человеке свои природные рефлекс и рефлексию), в такую свою озлобленность переменяющуюся, – по нашему приходу сюда шумевшие без умолку, вдруг замолкли. И сейчас замерли во внимании к нам, а точнее к тебе – я всё-таки сижу к ним спиной и не так для них интересна – и сидят, за наш счёт перешептываются.

– Я ничего такого не вижу и не слышу. – Говорю я, а про себя я, конечно, догадался, что это в Маше говорит.

– Это потому, что ты не внимателен и беспечен. – Делает интересный вывод Маша.

С чем я не согласен в плане своей невнимательности, а насчёт какой-то там ещё беспечности и бдительности, то это уже чересчур, я даже если бы не пришёл сюда просто пообедать,

то с какой стати должен быть ко всему подозрительным? Если только это всё не игра с её стороны по следам моего к ней навязанного ею же предложения. Она на практике решила мне продемонстрировать свой навык считывать свет или темноту души человека, чтобы показать мне, что я на её счёт не ошибся. Ну а так как темнота быстрее в глаза бросается, то она и начала с этого.

Правда, всё это только моя гипотеза, а пока что я с ней не соглашаюсь. – Ну, это не так. – Говорю я, явно не подумавши о том, что Маша на этом не успокоится и захочет доказать мне свою правоту.

Что так и вышло. – Если это не так. – Уже начинает меня тревожить Маша этим не простым предисловием, которое всегда служит прологом к какому-то испытанию для спрашиваемого. – То тогда скажи мне. Кто сейчас за твоей спиной, за два столика сидит? – задаётся вот таким вопросом на мою засыпку Маша, оперевшись в меня своим вниманием и только посмейте и попробуйте в сторону обернуться и посмотреть на объект этой её задачи для меня.

И она была сообразительна и расчётлива в том плане, что я, как она посчитала, рефлексивно было дёрнулся обернуться и посмотреть назад, на того, кто там сидел. И только то, что она предупредительно выразила на своём лице гримасу недовольства и сидите уже на месте, не позволило мне воспользоваться этой поворотной подсказкой. И мне теперь пришлось напрячь всю свою соображалку, чтобы вспомнить то, что я и не собирался запоминать и затем вспоминать. Я что, на экзамене служб безопасности по тестированию моей усидчивости и приметливости. Где с меня спрашивают, где и что находится в этом зале, количество официантов, количество гостей за столом, под столом и тех, кто ещё ходят. И на основании чего вы предположите, что сегодня здесь произойдёт, если не убийство, то, по крайней мере, покушение на него.

И вот только давайте не будем склоняться к самой популярной версии о том, что при таком предложении, а затем злоупотреблении высокоградусных напитков, ответ на этот вопрос очевиден. Нас больше интересует вопросы структурирования мозга в человеческом сознании при воздействии на него всех здесь уместённых и совмещённых фактором взаимоисключений и совмещений людей.

– А я, как оказывается, недооценил Машу. Вон как она по полной включилась во всё это дело. – Усмехнулся я про себя в сторону своей глупости и непонимания самых обычных и логичных вещей, что Маша однозначно отнесётся к моему, может быть только между блюдами сделанному предложению со всей серьёзностью. И теперь попробуй выпутаться из всего этого.

– Я честно, не обратил внимания. – Даю ответ я.

– Что ж, – принимает за должное эту во мне несобранность Маша, – тогда я вам скажу. Там сидит тип с запредельно нахальными манерами (это ещё как понимать?!), и с меня своего скабрезного взгляда не сводит.

А вот это последнее замечание требует моего резкого и обязательно агрессивного вмешательства в эти, чёрт побери(!), что ещё за смотрины. Но Маша в себе демонстрирует полнейшую невозмутимость в купе с равнодушием, и тогда чего я буду демонстрировать к ней недоверие, когда она демонстрирует в себе такое спокойствие.

Но спросить я её должен.

– И чем он нахальничает? – интересуюсь я.

А вот такая моя слепота вызывает у Маши неподдельное удивление. – Разве вы не чувствуете? – начинает недоумевать Маша, вытянув вперёд свой нос и принявшись с помощью него демонстрировать невообразимость стоящего здесь и исходящего от стола с тем нахальным типом тошнотворного и такого в нос бьющего приторного аромата его одеколона. А так как меня во всё нужно тыкать носом, то она эти свои действия сопровождает пояснительным словом. – Этого сбивающего с толку и равновесия запаха его выделения себя из общей массы людей. А если у вас притупился нюх, то он сильно рассчитывает на ваш слух, который должен

слышать по ком стучит колокол его стальных набоек ковбойских сапог, коими он размеренно постукивает об пол, заставляя дребезжать посуду и вгонять в дрожь так в себе заблудившихся в сторону оказаться рядом с его столом красоток.

А я, наконец-то, понял, что хочет и добивается этой своей приметливостью от меня Маша. Она, как я и думал, хочет мне показать на что она способна, и что я в ней нисколько не разочаруюсь, предложив ей сотрудничество в работе над книгой. И дело остаётся за самым малым, самого себя приписать к этому, лёгкому только на словах делу. Так что мне нужно время всё как следует обдумать, а это сделать, находясь лицом к лицу с Машей, совершенно невозможно. А вот отойти в мужскую комнату, то это вариант.

– Маша, ты не будешь против, если я отойду на минутку? – обращаюсь с этой просьбой к Маше я.

Маша не сразу поняла, о чём это я, видимо связав мой уход с тем типом с нахальными манерами, кто поди что и подраться будет не против, и мне типа нужно оценить свои шансы на противостояние с ним, посмотрев на него со стороны, а затем можно и обратиться за экстренной помощью к администрации, предупредив их о том, что в их заведении намечается столкновение противоположных точек зрения на мою спутницу, и возможно с битьём об головы посуды. И если насчёт столкновения лбами там были не против – нашли чем удивить, у нас каждый вечер всё это происходит сплошь и рядом – то вот насчёт битья посуды у администрации была иная, напряжённая точка зрения, перевесившая собой все плюсы столкновения наших лбов, и меня заверили в том, что если что, то наряд полиции прибудет до битья посуды.

И Маша с долей вопросительности и недоумения в сторону неверия в то, что она на мой счёт так ошиблась, она-то в один момент посчитала, когда взяла меня под руку, что на меня можно всеми своими мыслями и невзгодами положиться, а тут как оказывается, я при первой же опасности пытаюсь увильнуть от прямых своих обязанностей, быть для слабой девушки защитником (ну не подлец ли же), и тогда зачем меня ей задерживать, да катитесь вы, Вася, к чёртовой матери.

Но всё же последний шанс она даст мне в моё оправдание, спросив меня прямо. – В туалет что ли?

И я как честный человек и не трус, отвечу ей прямо. – Если вам нужны подробности, то да. – Отрыто, уже ничего не стесняясь, раз мы с Машей перешли на новый уровень отношений, где можно(нужно это на следующем уровне понимания друг друга) говорить друг другу правду без прикрас, я так ей и сказал, даже не побледнев. А то, что я покраснел, то я всегда краснею, когда придаю сказанному слову значение.

– Как я понимаю, если есть мужская комната, то логично решить, что есть и женская. – Делает странные выводы из таких же размышлений Маша.

– Угу. – Соглашаюсь я. При этом уже боюсь услышать со стороны Маши провокационный вопрос о различии этих комнат, и чем мы там в отличие от женщин занимаемся. Где она, не дав мне даже отреагировать своим возмущением, сама за меня сделает выводы. – Не иначе о нас там треплится.

А вот такого хода её мысли я как-то не рассматривал, изумившись настолько, что не сдержавшись, её спросил. – Это с чего вы так решили?

– А о чём вам в мужском кругу ещё говорить. Не о рыбалке же. – Прямо выпадаю я в осадок от таких на наш счёт решений Маши. И пусть я не особый любитель поудить рыбу, тем не менее, я считаю, что мужская компания собирается и предназначена не только для того, чтобы чесать языки в сторону женского пола, как бы не приятно и не интересно это было. Можно и дать себе отдых, поведав своим товарищам о своём героизме в ловле рыбки.

Но Маша не стала вот так на прямую развивать эту тему о наших мужских занятиях, когда мы вырываемся из-под женской опеки, а она поступила куда как дальновидней и загадочней для меня.

– Тогда у меня есть к вам просьба. – Располагающим в сторону оказания ей доверия тональностью своего обращения, чуть придвинувшись ко мне, уже начинает напрягать и тревожить меня Маши этим ко мне обращением. И я уже не знаю, что она ещё такого придумала, что б я опять ничего не понял из того, что она мне предложит.

– Какая? – тем не менее, я проявляю ответную готовность быть ей чем могу полезным (хотя я слегка тут лукавлю, я готов ей помочь только в тех её просьбах, которые не представляют из себя ребус).

– Возможно, и у меня возникнет необходимость отлучиться в ту же сторону, – с расстановкой акцентов Маша принялась доводить до меня свою мысль, – и чтобы я там не заблудилась, а сразу, без помех добралась до нужной точки, то будьте так любезны, составить для меня схему маршрута пути до этого пункта назначения.

Что и говорить, а я не ошибся в своих опасениях насчёт всех этих чудачеств Маши, если сильно мягко говорить обо всём том, перед фактом чего ставит меня Маша в своём качестве. И с ней точно не соскучишься.

– И что в себя должна включать эта схема? – через вот такую конкретику я решил остудить пыл всех этих чудачеств Маши, и ей самой не смешно так меня разыгрывать (скорей всего, нет).

– Всё очень просто. – Без тени сомнения в том, что я отнесся к её просьбе серьёзно, а не как к блажи (это что б я не сильно отвлекался там на свои мужские дела, а о ней думал; вот так контролирует нас, опекая, этот настырный женский пол), как само собой разумеющееся говорит Маша. – Посчитаете количество шагов до первого поворота, затем влево или вправо до следующего, итак до конечной точки.

А вот здесь я уже не выдержал и сказал Маше, что я на этот счёт думаю:

– Честно сказать, странная просьба. Меня никогда раньше ни о чём подобном не просили.

– Значит я в чём-то для вас первая. – Усмехается Маша.

На что хотел бы я ей сказать, что я думаю насчёт вот такого первооткрывательства, но не успел (а так-то не смог), перебитый неподдельным изумлением Маши.

– А что странного?! – недоумевает Маша. – Что тут зазорного в том, что я хочу знать, каким аршином вы мерите окружающий мир и какого ваше мировоззрение. – Во как она преподнесла свою только с моей точки зрения странную просьбу. Тогда как вкладываемый в эту просьбу контекст, сулит мне очень многое, и я буду последним дураком, если ещё буду задавать не нужные вопросы. И задерживаться дальше, сидя на месте, глупейшая затея, тем более Маша взялась за своё, принялась вставлять мне палки в колёса её же поручению, задав интригующий вопрос: «И надолго вы?».

– На минутку. – Опять не подумавши, даю ответ я.

– Вам минутки хватит? – не поверив, и одновременно провокационно спросила Маша.

А вот теперь я не буду задерживаться ни на минутку, чтобы идти навстречу её провокации.

И я, сообразив на этот раз всё по делу и чётко, несколько поспешно соскакиваю со своего места (по этому моему несдержанному подскоку Маша может запросто сделать на мой счёт далеко идущие выводы) и сталкиваюсь с тем, что начинаю путаться в ногах. Которые получают из моего мозгового центра по принятию решений противоречивые сигналы.

Так сперва они рефлексивно выдвинулись так, как им было привычно, широким и скорым шагом, но затем, как только я одумался и сообразил, что мне нужно вести им не только счёт, но по ним уже меня будет своим личным аршином мерить Маша (не слишком ли вы широко шагаете? Что-то я за вами не поспеваю. А мне бы так хотелось найти такого человека, с кем бы мы шли по жизни в одном направлении и нога в ногу), начинаю укорачивать длину шага и притормаживать. А тут ещё встречные и поперечные люди в ногах путаются, сбивая меня с хода и со счёта.

Что и говорить, а не простую задачу передо мной поставила Маша. Но я её, несмотря ни на что на своём пути к цели, и даже по месту прибытия, выполню. – Кстати, а зачем я сюда шёл? – уже на месте точки своего прибытия, задался я этим вопросом, боясь не забыть или что-то перепутать в полученных по результату этого своего путешествия цифрах.

Так что я не могу здесь больше задерживаться, и выдвигаюсь в обратный путь, который должен быть легче уже хотя бы тем, что он тебе знаком и не представляет той неизвестности, с которой ты начинал свой путь. Но как ошибался я, не приняв к сведению и всерьёз застающие врасплох путника как-то очень вдруг встающие на его пути другие непредвиденные стечения жизненных обстоятельств. Не всегда с первого взгляда выглядящих опасно, а куда как чаще все эти препятствия на твоём пути сильно привлекательны и заманчивы. Чем они и опасны.

Так что когда я добрался до своего места за столиком с Машей, на которое я бухнулся всем своим весом, с навалившейся на меня как-то вдруг усталостью от переживаний, то я выглядел несколько растерянным и встревоженным. Что не могло не быть замеченным Машей, даже если на её пути к моему вниманию стояла её тарелка полная пельменей. За которые она принялась, не дожидаясь меня.

И она бы мне аргументировано пояснила эту свою спешку и невозможность меня дожидаться (вы сказали, вас не будет всего лишь минутку, но ваш уход настолько затянулся, что я была вправе решить, что вы меня тут одну бросили, вот я и решила на пельменях оторваться, заев ими своё раздражение), но с моей стороны последовал такой звучный переполох, что всё то, что было связано с пельменями, было отложено и забыто, и сейчас Машу и меня сильнее всего волновало то, что меня привело в такое смятение.

– Что-то случилось? – со всем своим участием спрашивает меня Маша.

– Да нет. – В своём отстранении отмахиваюсь я. И понятно, что Машу такой мой ответ не устроит и она будет предельно дотошливой ко мне.

– Да или нет? – уже требовательно спрашивает с меня Маша.

– Скорей нет, чем да. – Как-то размыто отвечаю я.

– Это мне решать. – Ставит точку в этой моей растерянности Маша. – А теперь рассказывайте всё пошагово. На каком отрезке пути это с вами случилось?

А вот здесь я ещё больше растерялся, вдруг поняв, что сбился со своего счёта тогда, когда... Вот же чёрт! Меня специально там так специфично остановили, и не для того, чтобы выказать личные претензии на мои взгляды перед собой и вокруг себя, а целью моей остановки было сбить меня со счёта. – Осенило меня догадкой.

Ну а вслух я Маше вынужден был признаться в этом своём упущении. – Я что-то не считал.

Вот значит как я отнёсся к просьбе Маши, по большому счёту которую можно было выполнить между делом и в ней не было ничего сложного для меня, зато для Маши столько мелких шероховатостей, связанных с ориентацией по незнакомой местности и как после этой моей отлучки выясняется, то на этом пути её также могут ожидать большие неприятности, было бы решено. Но я отнёсся не серьёзно к тому, что она меня просила, явно посчитав это не столь важным, и как уже мелькало у меня в уме, было всего лишь её блажью, и проигнорировал всё это.

Но Маша человек великодушный и она снисходительна к вот такой душевной слепоте некоторых непрозорливых людей, дальше своего носа не видящих.

– Обрисуйте мне схему маршрута, и я надеюсь, смогу просчитать это место нападения на вас. – Как-то спешно и с напором это говорит Маша, как будто боясь опоздать и упустить из виду причину этого моего переполоха. Где она уже сделала за меня все выводы, и осталось только услышать от меня подтверждения этой ею выдвинутой гипотезы с нападением на меня. Когда также могло иметь место моего падения, когда я споткнулся в темноте на что-то подкальзывающее мои ноги. Хотя она права и моя контрверсия в чём-то тождественна с её

предположением – в каждом рассматриваемом случае имело место покушение в сторону моего падения. Само собой не только телесного, но и аморального.

Я же прикинул в уме, что да как, примерно просчитал расстояние в шагах до места моей встречи с объектом, внёсшим столько хаоса в меня, и озвучил вслух эти мои расчеты:

– Тридцать шагов прямо, до первого коридорного поворота вправо, затем двадцать три шага в приглушённом освещении до следующего тупика с поворотом налево, и с выходом на финишную прямую, где до пункта назначения где-то шагов восемнадцать.

Маша выразительно прослушала внимательно эту мою выданную информацию, и у неё есть несколько уточняющих вопросов. – Мужская комната находится ближе или дальше? И с какой стороны?

– Слева. Ближе. – Даю отрывистые ответы я, выказывая непонимание, чем эта информация может помочь в том, что уже никак не изменишь, и зачем на этом моменте так заикливаться.

Я вот уже забыл, как меня сбивали с толку самым, между прочим, распространённым и обычным способом. С помощью воздействия на мои природные рефлексy, меня соблазняя внешним фактором. Правда, об этом я не буду говорить Маше, кто однозначно и я в этом уверен на сто процентов, это всё посчитает очень важным. По крайней мере, для неё. И вам бы, Василий, не помешало относиться к личному пространству с большим уважением. Вот, если бы меня кто-то перехватил в тёмном коридоре и начал бы там без моего на то спроса записывать в доступный объект для своих желаний, то как бы вы к этому отнеслись? Вот то тоже.

– Значит, на девятнадцатом шаге от пункта назначения, сразу за поворотом. – Резюмировала свои расчёты Маша. Если честно сказать, совсем не сложные. Любой бы на её месте посчитал, что самое удобное место в этом маршруте для нападения на тебя в плане сбить с толку и заставить врасплох, это выскочить из-за поворота и прямо лоб в лоб, как это случилось со мной и...

– И что эта Диор хотела от вас? – с долей жёсткости в тональности своего голоса, при вот таком официозе задалась вопросом Маша. И мне не даётся времени на раздумье того, как смягчить свой ответ и стереть из ответа некоторые не смягчающие мою вину подробности этого казусного случая. При этом я нахожусь в полнейшем непонимании насчёт упомянутой Машей Диор. Кто это, собственно, такая?! И с чего Маша взяла, что именно эта Диор стала тем встречным препятствием для меня, кто сбил меня с толка, не дав в полной мере выполнить поручение Маши: подвести счёт моему маршруту.

– Так вот кто эта Диор такая! – осенило меня догадкой в сторону имеющегося здесь заговора против меня. Где эта сообщница Маши, известная под конспиративным именем Диор, входящая, как и Маша в женский клуб единомышленниц по противодействию мужскому шовинизму (они друг друга с одного взгляда, горящего в сторону мужского интеллекта, который нужно немедленно затушить, вычисляют), и напала на меня.

Ну а вслух я не буду таким проницательным.

– Диор? – недоумённо вопрошаю я.

Ну а Маша должна продемонстрировать возмущение в сторону такой моей слепоты и беспечности соображения. Где я не вижу элементарных, лежащих на поверхности вещей.

– А разве вы не в курсе того, – вот так начинает Маша переполняться возмущением в сторону моей беззаботности и безоглядности, кои возможно и стали предпосылками ко всему тому, что со мной случилось в коридоре (ещё послушаем, как вы будете оправдываться), – сколько раз она мимо нашего стола проходила, замедляя свой ход при проходе за вашим стулом, перебивая своей навязчивой настырностью все запахи за нашим столиком. Даже аромат нахальства того типа (а вот это уже аргумент). И от вас до сих пор разит этим её запахом.

Здесь я было дёрнулся в сторону принюхаться к себе, поднеся к носу рукав пиджака или опустив голову, затянуть все запахи от рубашки, но Маша так требовательно с меня не сводит

своего взгляда, что я обязан прямо сейчас найти оправдывающие меня слова. И вот только не такие, где я стал невинной жертвой обстоятельств и эта Диор до любого бы в коридоре докопалась своей падкостью до одиноких парней, а я всего лишь оказался крайним, а я должен быть откровенно честен прежде всего с самим собой. Не ища оправданий во вне, со стороны этой Диор, приводя уже самые заскорузлые афоризмы из сборника острот бывалых людей и мудрецов за чужой счёт.

– Чего бы она не хотела, мне это неинтересно. – Делаю я вот такое заявление.

А вот у Маши, само собой, другое мнение на всё только мне неинтересное, и возможно, что только на словах.

– А мне интересно. – Говорит Маша, оперевшись в меня, ожидая от меня, каким тоном я обрисую эту столь для меня неинтересную ситуацию с этой Диор. И давайте, не задерживайте, а то сами знаете, что ожидание только усиливает нетерпение во всём тут разобраться. При этом, как я разумно про себя понимаю, мне нельзя начинать своё повествование с тяжкого вздыхания, мол, меня к этому всему принуждают, а то бы я никогда об этом случае не рассказал, только вечерами раз за разом проматывая перед своими глазами со всеми подробностями всё то, что мне только совсем недавно во всех своих красотах и представлениях предлагалось. Ну а когда со временем из меня выветрится чёткость этого воспоминания, то я для того, чтобы его восполнить для себя, начну им со всякими смакованиями делиться в курилке с корешами. Кто точно по достоинству оценит мой талант рассказчика.

Ну а Маша, кто сейчас вправе всё это услышать первой, так и останется вне этой тайны моего падшего и падкого на всё блестящее сердца. Так что она всего этого не допустит, и какая бы не была правда, она хочет и будет её знать. – Ну-с. Я вас слушаю.

– А что тут рассказывать. – С вот таким незаинтересованным видом я обращаюсь к своей памяти и к тому, что в ней было запечатлено за время моего ухода в мужскую комнату. Где я быстро проматываю не нужные для озвучивания Маше подробности посещения мной туалета, затем я из него выхожу как-то скоро. Иду рассеянным шагом до этого ключевого для моего рассказа поворота, и ... Я честно ничего такого не планировал в отличие от присно упоминаемой Диор, кто не то чтобы на меня вылетает из этого поворота, а как мной сейчас было проанализировано, то она меня к себе притянула каким-то потаённым магнетизмом, не позволившим мне уклониться от этого столкновения с нею лбами.

И что самое странное и только сейчас мной понятное, так это то, что она как-то легко пережила этот удар нашего столкновения и первой нашлась, как его откомментировать.

– И с какой мыслью вы сейчас столкнулись? – потирая свой лоб, с улыбкой лукавства на меня смотря, спрашивает Диор.

А я и в такие минуты не могу быть уклончивым от прямолинейного ответа.

– Вот я встретил. – Говорю я свою первую возникшую мысль, не упоминая при этом окончание этой неполной фразы. Не люблю я, когда моя откровенность вносит дисбаланс в людей. А само окончание звучит следующим образом. – Налетел на какую-то дуру (а вот этот момент Маше, от кого я уже не смог скрыть всю правду, пришёлся по нраву).

– И как думаете, – начинает меня ловить на моей откровенности Диор (вот и говори после этого правду), – есть в этих ваших воззрениях на меня доля правды? – А сама при этом начинает поправлять на себе блузку, коя была неприспособленна выдерживать вот такие резкие повороты, принявшись от них защищаться так, как она может, задравшись.

– У меня не было времени об этом подумать. – А вот это уже звучит от меня как предложение, как почему-то посчитала Маша, порываясь к чему-то жестокому в сторону Диор.

– А надо бы. – Многозначительно говорит Диор, своим облизыванием губ давая мне пищу для размышлений.

– И что же вы надумали?! – уже не может ждать Маша моих решений, перебивая мой рассказ, может быть, на самом для меня интересном месте. И я понимаю это нетерпение и

может быть страх Маши в сторону моей слабости мужского интеллекта, который никогда не может противостоять природному предназначению. Вот она и перебивает меня на месте раскрытия этой правды жизни, давая мне возможность подумать, как следует, над своим ответом не только Диор, но и ей, где она согласна от меня не услышать всего того, что она слышать не хочет.

А я считаю иначе. Какова бы ни была правда, особенно какая она была в данном случае, она должна быть озвучена так, как она есть.

– Я хочу пельмени. – Вау! Шах и мат я ставлю Диор и Маше своим ответом, с победным видом откидываясь на спинку стула, принявшись прокручивать в уме вытянувшуюся в недоумении физиономию Диор, давшей мне вот такую пищу для своих размышлений (я, как оказывается, люблю пельмени в качестве такой пищи, и я ещё не привожу своих ассоциативных параллелей с Машей, кто стоит по другую сторону от этой пищи для моих размышлений), и с наслаждением начинаю наблюдать за лицевой борьбой со своими недоразумениями Маши. Где она в итоге приходит к единственному для себя решению:

– А теперь мне надо отлучиться. – Говорит Маша, поднимаясь из-за стола. Здесь она на мгновение задерживается, зафиксировав своим слуховым вниманием всё то, что исходит со стороны того столика с кумушками, в число которых входила и Диор, но сейчас её там не было, и уже после этого, действуя как на автомате, поворачивается в сторону нахождения всех этих комнат, и начинает свой ход в сопровождении какой-то присказки, как мне заметилось по её шевелящимся губам.

А вот сейчас, я чего-то стал себя чувствовать взволнованно и переживающее в сторону ухода Маши. Кто направилась по указанному адресу не по прямому назначению, как мне начало уверенно считаться. А она преследовала цель там столкнуться с этой Диор и уже ей дать со своей стороны пищу для долгих размышлений над своей побитой головой.

– А она справится? – почему-то в мою голову идут вот такие кровожадные мысли.

– Должна. – Всё же больше себя я успокаиваю, чем реально смотрю на возможности Маши противостоять этой Диор. Кто наголову её выше и однозначно агрессивней и хитрей. А почему я так решил, то есть один момент из нашей с ней встречи, который я позабыл упомянуть. А именно то, как она обрисовала это наше с ней столкновение.

– Знаете, молодой человек, что вы со мной сделали?! – с трагичностью поведала мне Диор, что у неё лежит на сердце, схватившись руками в этот момент за сердце.

А я в первую очередь испугался последствий, а уж затем впал обструкцию недоумения вот такого на меня наезда. Всем своим растерянным и мало чего понимающим видом ей показывая, что эта её загадка для меня мне совершенно непонятна. И если вы что-то хотите мне предъявить, то валяйте.

– Вы меня в своём лице столкнули со своей настоящей действительностью, на которую я всё это время закрывала глаза. А именно на своё бесконечное одиночество. И теперь, когда вы пробудили во мне женщину, я не могу жить прежней жизнью падлюки и эгоистки.

– М-да. Умею я всё-таки читать женские на себя взгляды. – Усмехнулся я, и.. – Давай уж не отвлекайся, а что там Маша? Может нужно идти к ней на помощь? – перебил себя я, перенаправив своё внимание на то, что может ждать за тем же поворотом Машу.

И ничего за этим поворотом, как мной и предполагалось, Машу не ждало из того, что меня ждало (здесь необходимо это важное уточнение). Что совершенно не значит, что её миновала опасность или участь встречи с Диор, кто отлично знала, кто стоит на её пути ко мне и затаилась... Хотя она и не думала таиться, а она открыто и с вызовом во всей себе ждала прибытия в женскую комнату Маши. А откуда в ней взялась такая уверенность и на чём она основывалась? То за ответом на этот вопрос не ко мне, а к Маше, кто, направившись по выше-указанному адресу, в общем, отвечала ожиданиям на её счёт Диор.

И только Маша пересекла порог этого женского помещения, само собой не успев в нём освоиться и оглядеться на предмет чего-то для себя незнакомого и неожиданного, как ей дорогу перегораживает собой Диор, заявляя следующее. – А ты не заставила меня ждать. – Усмехается с высоты своей снисходительности и роста к Маше Диор.

– И что это по твоему значит? – задаётся вопросом Маша, сделав только один шаг назад от невозможности находиться так близко своим носом к источающему от Диор диффузору её сознания.

– Что ты решила отстаивать свои права на объект наших общих притязаний. – Прямо наслаждается всей этой ситуацией Диор, явно имеющей большой опыт вот таких встреч и разборок на предмет своего ненасытного интереса.

– Как я понимаю, то ты не видишь во мне соперницу и считаешь, что у меня нет шансов. – Задаёт вот так маневренный вопрос Маша.

– Ты попала в точку. – Даёт ответ Диор.

– А ты по прямому назначению уже использовала это помещение? – кивая за спину Диор, задаёт такой интригующий и малопонятный для Диор вопрос Маша.

– Это ты о чём? – ничего не поняла Диор, почувствовав подспудно в себе тревогу и напряжение, принявшись осторожничать в сторону источаемой Машей неизвестности, которая всегда пугает и вызывает осложнения в коммуникации с носителем такой загадки.

– О том, что лучше заранее сходить, чем затем не успеть. – И опять со стороны Маши звучат какие-то недоговорённости и загадки для Диор, терпеть не любящей когда в её адрес звучат непонятные для неё вещи. И если ты ей угрожаешь, то так прямо и говори, что я тебя мочалка отправлю в унитаз головой, остудиться, а вот все эти околичности и косвенности в указания направления угроз в её сторону как-то её сбивают с прямолинейных действий.

– Что ты хочешь этим сказать? – напрягшись в лице и даже во всём теле, вопрошает Диор.

– Хотела тебя предупредить насчёт резервирования здесь кабинки, которая тебе совсем скоро понадобится. – Следует ответ Маши.

– Это мы ещё посмотрим. – Заявляет Диор, подходит к крану с водой, открывает его, набирает в рот воды, и резко обернувшись к Маше, забрызгивает её водой. И пока Маша стоит в оторопи и не соображении насчёт случившегося, Диор, задравши вверх голову, с чувством выполненного долга и со словами: «Ну а на это ты что теперь скажешь», покидает пределы этого помещения.

И совсем не трудно догадаться, в каком расстроенном и не стабильном состоянии появилась в зале Маша, тут же споткнувшись об свои ноги, и как удачно, что рядом с ней в этот момент оказался бдительный гражданин, подавший ей руку. А вот я скотина, в этот момент пытался от себя не отвлекаться в сторону столика с этой Диор во главе, где она, будучи уверенной, что её конкурентка обезврежена – я её, как Бастинду, испытывающую смертельный ужас перед темнотой и водой, познакомила с одной из этих стихий, и теперь она в темноте прошлого – мне бесцеремонно уже строила глазки и навязывала свои взгляды на мой сегодняшний день и вечер. Так что приход Маши оказался для всех нас незамечен.

А Маша между тем просит этого небезучастного к её проблемам человека отвести ей до стойки бара зачем-то, а не к своему столику, и им туда отводится. Здесь она обращается с какой-то просьбой к бармену, с болезненным и в тоже время волевым выражением своего лица упираясь на свою хоть и просьбу, но требовательную и без отлагательств.

И она им выполняется, тем более запрашиваемый Машей официант Антон, обслуживающий наш столик, неподалёку крутится, и его нужно только окрикнуть.

– Я к вашим услугам. – Выказывает свою полную готовность пойти навстречу пожеланиям Маши официант Антон, испытывающий какой-то трепет, когда он находится в прицеле волевого женского внимания, которым его придавила Маша, подозвавшего его ещё ближе к себе пальцем руки. Ну а когда Антон оказался в предельной близости от Маши, всё его под-

зывающей, а он остановиться не может, будучи ответственным человеком, она раз, и перехватывает его за ухо. Где Антона постигает одна из житейских истин – никогда не нужно обманываться насчёт женских штучек, по итогу ты будешь пойман в ловушку, и ещё хорошо, что только за ухо.

А пока что от Антона требуется стоять смирно и внимательно слушать, что ему скажет, а может попросит о деликатном поручении Маша, как оказывается умеющей найти убедительные слова для Антона, кивком согласия, хоть и после небольшого пререкания, выразившим полную готовность пойти ей навстречу.

А сейчас от Антона требуется одно, проводить хромающую Машу до её столика и ... Я на вас, Антон, сильно рассчитываю.

А вот теперь, когда так для меня неожиданно у столика объявилась Маша в сопровождении официанта, да ещё не в полном порядке, у меня к себе в первую очередь появились претензии (какого хрена ты её отпустил!?), и уж затем к ней вопросы. – Что случилось?

– Ничего особенного. Прелюдия к основным событиям. – А вот это прозвучало угрожающе. Особенно тон подачи Маши, с какой-то особенной лёгкостью и беззаботностью всё это произносившей.

– А почему ты вся мокрая? – всё не унимаюсь я, задаваясь вопросами. И в какой другой раз Маше было бы приятно слышать в свой адрес такое моё к ней участие и внимание ко всем деталям, но сейчас это её раздражает, и разве я ещё не понял, что она уже всё сказала и не хочет об этом говорить.

– Не умею я умыться. – Перевела всё в шутку Маша, а сама, как я это по ней вижу, находится в каком-то волнении и нервном ожидании. О чём я было собрался её спросить и тем самым её пораздражать и поневрировать своим неуёмным любопытством, но Маша предупредила меня в этом плане, спросив. – Что там происходит, сами знаете, за каким столом?

Я было хотел возмутиться в сторону такого уверенного со стороны Маши подозрения меня в том, что я веду наблюдение за всех происходящим за тем столиком, пусть даже невольно и потому что он находится перед моими глазами, но тут меня накрыла более тревожная и опасная мысль о том, что вопрос с Диор не закрыт, и нас всех ждёт продолжение с ответным ударом со стороны Маши. Теперь я уже не сомневался в том, что между ней и Диор состоялась встреча и после неё много воды с Маши утекло.

– Им принесли коктейль. – Покосившись в сторону знакового столика, одними губами озвучиваю я Маше получаемую оттуда информацию.

– Интересно. – Многозначительно так говорит Маша, и я начинаю подозревать Машу в её замешанности во всё это дело. Но только на уровне внутренних соображений и слухов, а сейчас от меня требуют комментировать там происходящее.

А вот сейчас я этого сделать никак не могу по весьма объективным причинам. Эта Диор, видимо почувствовав проявление с моей стороны внимания к ней, а уж затем только к их столу, со снисходительной ухмылкой бросает на меня взгляд обольщения и ещё там чего-то, берёт в руки доставленный официантом Антоном бокал, и что ж, давайте с вами выпьем за неизбежность и неотвратимость некоторых событий в нашей жизни, которые ставят нас лицом к лицу с тем, что мы заслужили. И вы, то есть я, совсем скоро станете свидетелем этого неминуемого события.

– Она приглашает меня чокнуться в ответ. – Озвучиваю я Маше происходящее за столиком.

Здесь Маша чуть не вышла из себя спокойной, одёрнувшись в сторону назад или лучше пригвоздить меня едкой язвительностью: «Вот как вас оценивают», но всё это входит в противоречие с её планами, которые у неё точно есть, и она, цедя слова зубами, отдаёт мне команду. – Ответьте ей.

– Что?! – чего-то совсем не понял, что хочет Маша.

– Вопросы задавать будете позже. Сейчас делаете то, что вам говорят. – И с такой требовательной настырностью это говорит мне Маша, что я ослушаться не смог, взяв в руки бутылку с водой без газов и ответил Диор на её тост.

А дальше Диор в приподнятом настроении, находясь в какой-то эйфории, уже не может остановиться, поднеся бокал к своим устам, а сама она не сводит своего взгляда с меня, и.. само собой залпом и до дна, только так смотрит Диор на своё и судьбы решение. Я в ответ только пригубил воды из бутылки, и на этом всё. Мне нужно отвечать на требовательные ко мне вопросы.

– Выпила? – спрашивает Маша.

– Угу. – Бурчу под нос я.

– Не подавилась?

– Что? А должна? – уже испугался я.

– Если только сама захочет. – Теперь уже Маша на каком-то душевном подъёме мне отвечает и это не просто так.

– Ты что-то мне не рассказала? – спрашиваю я, и осекаюсь, заметив, что Диор начала себя вести неестественно, принявшись обмахивать себя руками, хвататься за всё подряд на столе и ёрзать на месте.

– Там что-то происходит? – как будто об происходящем с Диор знает, встречается с этим вопросом Маша, между прочим сидящая к столику с Диор спиной.

– А почему ты решила, что там должно что-то произойти? – задаюсь я вопросом к Маше.

– Интуиция подсказывает. – До чего же издевательски звучит её ответ, да ещё с нескрываемой насмешкой надо мной и невозможностью мною эту её логику оспорить.

Но оспаривать её нет времени, события за столиком с Диор начали развиваться стремительно и только успевай складывать пазлы в общую картинку. Где Диор, кому в себе уже сил не было перетерпеть внутреннего напряжения от навалившегося на неё счастья, и это точно не то, как всю с ней ситуацию Мага обрисовала – взяла на себя неподъёмный груз, вот и надорвалась – и пока есть силы, время и какие есть возможности, на полусогнутых ногах, мелким гуськом выдвинулась прочь из-за стола в сторону ухода от неизбежного, где всё-таки есть шанс поспеть избежать неотвратимое, за что она поднимала тост, совершенно не ожидая, какая судьба выдумщица и злодейка.

– И что это было? – спрашиваю я Машу.

– У официантов всегда есть при себе средство по выдворению прочь людей назойливых и нарушающих порядок. – И как считает Маша, то этого объяснения для меня достаточно. И давайте уже доедать пельмени. Кстати, сколько у вас осталось, и кто последний, тот и платит за обед. А вот говорить, что это не честно и что за ребячество, то нечего мне заговаривать зубы, применяя такие хитрости. В общем, с этой Машей не соскучишься.

– Да. Кстати, что насчёт вашего предложения? – не даёт мне Маша и шанса перевести дух.

– Что насчёт моего предложения? – не понял я вопроса, прожёвывая во рту пельмень.

– Не передумали?

– Нет. – С набитым ртом даю ответ я.

– И что заставило вас не передумать? – всё не унимается теперь Маша, не давая мне прожевать пельмень.

– Пельмени, а точнее пельмень во рту. – Порывисто и чуть ли не зло отвечаю я.

– Это веский аргумент, чтобы не подавиться. – И вот что с этой ржущей, как конь Машей поделать? Только запить её ехидство газированной водой без газа.

Глава 5

Открытие портала

Иногда самое обычное, возможно, что необдуманно брошенное слово, может в такие дебри неизвестности завести, что начинаешь, наконец-то, думать прежде чем и что говоришь.

Меня же в похожей частности это слово привело за покупкой рабочей тетради на много листов в книжный магазин, где помимо классической и всякой прочей литературы, и книг по её выпуску, в торговый ассортимент входила различная канцелярская продукция. Выбор которой был по моему приходу заранее предопределён – мне нужна такая вот тетрадь, чтобы её вид и нахождение при себе открыто говорило о том, что я очень близок к тому, чтобы зрить мир категориями замыслов, домыслов и домысливаний. И ко всему этому меня частично подтолкнуло моё предложение Маше, стать для меня проводником в мир неведомого и непознанного для меня, а с другой отчасти её напористость во вовлечении меня в то, о чём я только при встрече с ней чисто для отговорки на себя наговорил. Так что приходится отвечать за свои слова.

В общем, насчёт рабочей тетради я достаточно быстро справился с её выбором, ну и чтобы два раза сюда не заходить, я решил пройти к книжным стеллажам, чтобы прочувствовать свою близость со знатоками человеческой природы и слова, напитавшись от них энергии.

И я, двигаясь сперва наугад вдоль всех этих стеллажей с книгами, высотой где-то с мой рост, как в какой-то библиотеке – видимо владельцы этой торговой точки создавали для покупателя ощущение нахождения для себя дома – в итоге добрался до интересующего меня больше всех сейчас лиц писательского сословия, к числу которых мной был причислен Сервантес. Может быть первый противник зелёной энергетики, большой консерватор и публицист от слова публичный, где он никого и ничего не стеснясь, в публичную сферу отношений выносил все свои умозаключения и суждения.

И мне захотелось с большей внимательностью отнестись к его практике продвижения в жизнь своих идей, и узнать на каких принципах и основах формировалось его мировоззрение ломщика мифов и мистификатора.

И как же это не неожиданно вышло, то он не спешил идти ко мне навстречу с распростёртыми объятиями, а скорей наоборот, Сервантес проявил свой угрюмый и малообщительный нрав, держась от меня удалённо и стоя спиной – я книгу с его произведениями обнаружил на другой стороне приставленного к моему стеллажа. И то, что его книга оказалась большого формата, как по мне, то демонстрирующей имевшее место большое честолюбие и высокомерие у рыцаря печального образа, мне позволило её обнаружить.

Ну а я, как и любой человек, ищущий для себя самые короткие пути, не стал обходить стеллаж, чтобы взять интересующую меня книгу, а решил отодвинуть стоящие на пути к этой книге книги, и таким образом её достать.

И вот я раздвигаю в стороны стоящие на пути книги, протягиваю между ними руку, чтобы ухватить за нос Сервантеса, да вот только мне это сделать не удаётся по причине того, что Сервантес начинает ускользать от этого моего перехвата, уходя за стеллажное бытие. И передо мной в итоге возникает пустое место на месте этой книги.

Что всё это значит и что за этим стоит, я сразу и не понял, принявшись хлопать глазами в сторону хитроумного Сервантеса, отправившегося в новое для себя путешествие, ставить на место зарвавшихся обывателей и местных господ. И первым, кто был им поставлен на место, был я, много себе тут вообразивший. Мол, купил тетрадь и значит, имеешь право записывать в неё мысли, и поди что считающиеся самим собой шибко умными. А ты сперва подумай на этот счёт, и на счёт своих мыслей, может не стоит их тиражировать и лучше будет всё держать при себе, и тогда сойдёшь за умного. И будут в твою молчаливую сторону перешептываться:

«А парень не такой дурак, как выглядит. Хоть и смотрит на окружающий мир насупившись и волком, но при этом банально и матерными словами не выражается, всё держа в себе».

И я уже было начал застревать в этой своей разориентации в пространстве, как до меня с той стороны стеллажа доносится звук голосов. Что заставляет меня замереть на месте и начать прислушиваться к ведущемуся там разговору. И что сразу меня удивляет из мной услышанного, так это то, что выбранная собеседниками тема для разговора, во многом перекликается с моими мыслями о всё том же Сервантесе. Хотя здесь нет большой загадки, когда для меня и для этих незримых для меня собеседников тема размышления крутилась вокруг одного человека, Сервантеса. Вот и наши мысли двигались в одну сторону.

– Хватит уже гоняться за ветряными мельницами, – на повышенных тонах убеждал в чём-то своего визави один из находящихся там, за стеллажом типов, видимо придерживающийся экспрессивной точки зрения, – человек, находясь в эпицентре информационного шума, уже перестал понимать, кто он на самом деле есть. И ему нужна встряска через откровение и пригвождение его к своему месту чистой правдой.

– И что ты предлагаешь? – интересуется флегматичный собеседник своего экспрессивного товарища. Здесь мне с его стороны мог послышаться звук передёргиваемого затвора от винтовки, этим фактором приведения тебя к сути живейшей пока правды, и тут попробуй не быть честен хотя бы с собой, вдруг поверив, что ты бессмертный, то в миг тебя с неба опустят на землю, чтобы затем вновь переправить тебя обратно, но уже без телесной осознанности.

Но вроде бы всё обошлось и эти парни не относились к лиге анархистов. Что, между тем, не отменяет имевшей место с их стороны загадки и конспирологии, в которые они нагрузили мой мозг.

– Я открою для него портал. – С какой-то тревожной почему-то для меня загадочностью, делает такое заявление первый тип. И я немного понимаю, почему меня встревожило это его заявление, я на свой личный счёт принял это его заявление. Что было не сложно сделать, когда он так не персонализировано высказывался, обобщая.

– Во как! – удивляется флегматичный собеседник. – И как?

– А всё проще, чем думается. – Говорит первый тип. – Я сейчас наберу в случайном порядке номер телефона, и ты узнаешь.

На что ответа не следует, а как мне, начавшему прислушиваться, слышится, то этот тип и в самом деле принялся набирать номер телефона. Здесь мне со снисходительной улыбочкой представилось выражение физиономии потревоженного этим вызовом лица, при этом ещё больше вогнанного в обструкцию брошенной в его мозговую и разумную как он всегда думал деятельность своего рассудка провокации со стороны неизвестного абонента.

– И чем он интересно будет подвергать сомнению в своём здравомыслии этого случайно выбранного судьбой человека? – а вот на этот вопрос мне не было дано дать ответа. А всё потому, что в самый неурочный час, вот когда тебе нужно оказаться незаметным или хотя бы обдумать очень важную мысль, в ход этой твоей мысленной деятельности вмешивается и влезает чьё-то неумное желание засунуть свой нос в твои дела и заодно твой голос услышать и тебя потревожить сознанием того, что ты в этом мире не один и до тебя есть ещё кому-то дело.

А вот кому, то, бл*ь, сейчас я это узнаю, спешно забравшись рукой в карман куртки. Откуда мной поспешно вынимается телефон, и тут же прикладывается к уху, чтобы почему-то совсем тихо ответить. – Да. Кто это?

А вот звонивший мне тип, не собирается придерживаться предложенного твоей тональностью ответа уровня коммуникации, он чуть ли не буром прёт навязывать мне свою точку зрения на общение по телефону и озвучивать свои мысли на мой счёт.

И он без всяких предварительных условностей на приветствие и своё представление, сразу ставит меня перед фактом своей хамовитости натуры, задавая ко мне вопросом. – Ты хочешь услышать правду? – И при этом в его вопросе звучит какая-то многозначность и

загадка, которая меня цепляет в сторону желания её разгадать. Так что я его сразу не посылаю по всем известному адресу, вполне даже спокойно реагируя на этот его вопрос.

– Лучше знать. – Даю свой ответ на этот вопрос я.

– Ну, это тебе решать, – говорит этот тип, – а сперва её надо суметь услышать. Ты готов?

– Ладно. Я готов послушать.

– Тогда слушай. – Следует ответ этого типа и на этом всё, из трубки доносится одна только тишина. К которой я самопроизвольно начинаю прислушиваться, пытаюсь понять, что она значит. С той стороны ко мне прислушиваются или же просто положили на стол перед собой трубку телефона, уйдя в туалет или же принявшись пить пиво, покатываясь от смеха надо мной, простофилей, всему чего угодно верующему. И поди что надо было меня уму разуму научить, обманув по какой-нибудь распространённой мошеннической схеме, чтобы я на будущее знал вот такую на свой счёт правду – слишком ты доверчив и наивен дурачок.

Но всё это слишком легко и меня никак не может устроить этой своей обычностью. Мне подавай что-то хотя бы соответствующее моему мнению о своем уме, из ряда вон выходящего по крайней и малой мере, а так-то он огого.

– А может всё куда сложнее. – Начинаю вот так я рассуждать и понимать стоящую в трубке телефона тишину. И это не просто тишина, а навязанная тем неизвестным типом мне тишина. – А может, я должен услышать самого себя? – начинает меня уводить в другую сторону понимания всей этой ситуации, где я вдруг обнаруживаю себя обошедшим стеллаж и оказавшимся по другую его сторону. Где на полу я нахожу книгу Сервантеса.

И теперь у меня возникают не менее интригующие моё сознание вопросы. Как она оказалась здесь? Я ли её подвинул со своей стороны и она упала, или же кто-то с её помощью открыл для меня портал познания самого себя и правды на свой счёт?

– Так сразу не узнаешь. – Решаю я, возвращая книгу на своё место на стеллаже.

А вот дальше я здесь больше не задерживаюсь, выдвигаясь на выход из этой торговой точки, с неким расчётом, что внешний контур мне подскажет, где искать для себя ответы на эти мои вопросы.

И по выходу из книжного магазина, кого же я в первую очередь вижу?! Надо же, Машу! И вот поверь в такие совпадения, да ещё с учётом всего того, чем мой разум был нагружен и перегружен при посещении этого магазина. Так что вопрос с наличием портала не так уж и фантастичен.

А, между тем, Маша, как-то беззаботно и в тоже время со свойственной ей с концентрированностью на себе и ещё на чём-то с прицепом, стоящая на прилегающей к этим торговым рядам площади, меня не видит. И только по той причине, что находится ко мне сбоку себя.

Так что только от меня сейчас зависит, встретит она меня сейчас и сегодня, или же у меня появляется возможность получить знания о её тайной жизни (надо всего лишь некоторое время побыть для неё незаметным). И, конечно, я выбираю первый вариант, тем более есть у меня такое на её счёт соображение, что она оказалась здесь не так уж и случайно, и сейчас всего вероятней притворяется в том, что меня не видит и знать не знает о моём здесь рядом с ней нахождении. А это очень интересный взгляд на её здесь появление. В общем, решила она побаловать своё самолюбие, ведя за мной прикрытое вот такой своей отвлечённостью от меня в сторону беззаботности поведения наблюдение. Уж очень ей любопытно и интересно, скрытно понаблюдать за тем, как я себя поведу, вдруг так неожиданно на неё наткнувшись. И какие проявятся на моей физиономии чувства и эмоции при её обнаружении. И только посмейте быть равнодушным, уж лучше неприятно удивиться, чем демонстрировать в себе, что я для вас пустое место. И я заметил вас лишь по той причине, что вы оказались на моём пути, и у меня не было никакой возможности вас обойти, не столкнувшись с вами.

Но как прежде всего мной, а затем уже самой Машей выясняется, то её обнаружение мной вызывает во мне на моё также удивление изумительный отклик радости и добродушия.

С которым я, плюс с улыбкой до ушей к ней тихо приближаюсь (я включился в эту её игру не замечайку), и было собираюсь её подловить на вот такой своей неожиданности объявления с ней рядом, как она всё-таки не может сдержать своего нетерпения меня обнаружить, и в один момент, когда я уже собрался для неё открыться, резко так ко мне оборачивается и ловит меня на своём к ней подходе.

– Я так и знала, что это вы! – с улыбкой меня сбивает с хода Маша.

– И с какого момента? – интересуюсь я.

– Как только вы меня заметили.

– И это вас обрадовало? – спрашиваю я.

– Может не так как вас... – здесь Маша сбивается, что-то во мне для себя отметив, и это ею замеченное во мне требует для неё с моей стороны разъяснений. – Интересно было бы знать, – обращается ко мне сконцентрировано серьёзно Маша, – что в вас, или же может быть во мне, вызвало у вас такое чувство радостного возбуждения, и в тоже время вопросительное изумление? А? – а вот это уже подчёркивает в ней требовательность ко мне.

– Так мы с вами с недавнего времени стали чуть ли неразлучны. Встречаемся ежедневно. Вот это-то меня и радует, изумляет и одновременно вызывает вопросы. – Предельно откровенен я в ответ.

– Вопросы? – делает акцент на этом моём замечании Маша.

– Да. – Прямолинеен я. – С чего бы это? – а вот вопрос относится к Маше и ей держать ответ.

А вот Маша в отличие от меня не спешит быть такой открытой, а она предпочитает во всём осторожничать и держать дистанцию, так бы я описал ход её мысли.

– Не будем спешить с ответами на вопросы чувствительные. – Вот так осекает меня Маша от желания всё прямо сейчас знать и в этом разобраться. А так как Маша натура сильно продвинутая в плане умения читать по мне движения настроения и чувств, то она тут же смягчает во мне это недовольство и пасмурность. – Но вы должны знать. – Говорит Маша. – Мне нравится, что я в вас вызываю такой подъём духа и настроение.

– А что вы здесь делаете? – из лёгкой мстительности и зла перевожу я тему разговора.

Маша сперва не поняла, к чему относится этот мой вопрос, к тому же я её путал направлением своего взгляда в сторону её уха с наушником в нём, и она решила, что мой вопрос относится ко всему в общем, что связано с ней. Где её географическое положение есть всего лишь часть дела. Тогда как самое главное, это то, что находится в её ухе.

– Стою и слушаю. – Усмехнулась Маша такой моей наивности, как будто этого итак не видно.

– И что слушаете? – решил я быть сильно навязчивым.

– Аудио книгу.

– Вот как! – удивлюсь я искренне. – И кого же?

А вот ответ Маши меня сбил с толку и вогнал в мысленный ступор. – Сервантеса.

– Вот как! – Нескрываемо удивился я, и конечно, совсем не тому, что могла решить на этот мой счёт Маша. – Мол, не ожидал от вас я таких литературных пристрастий, и вам ближе...

– Ну-ну. Говорите! – Перебивает меня Маша. А вот если бы у неё было чуточку терпения, то я бы очень даже комплиментарно высказал бы свою так и недодуманную мысль, по причине её, ещё раз подчеркну, неумения дожидаться.

И мне приходится остановиться на том, что... мне и сейчас не даёт Маша хоть как то ответить на её вопрос экспрессии и уж тем более оправдаться (нет вам, женоненавистнику и любителю без личностных и безынициативных домохозяек, чью самостоятельность вы зажимаете, эксплуатируя их личность, никакого оправдания).

– Неужели я, по вашему жестокому и принципиальному решению, только Джейн Эйр могу осилить?! Как там её, «Гордость и предубеждение»?! – Вопросает Маша. И при этом чуть ли не упирается в меня своими очками и стоящей под ними злостью.

На что я, чисто из защитных чувств самосохранения хотел ответное ей с язвить, – а это очень даже к месту сейчас этот её опус, с вот таким названием, – но что-то меня в последний момент уберегло от такого штампования женской интеллектуальности, и я, пожав плечами, что указывало на то, что ей и такой ход направления мысли не возбраняется, сказал ей, что я ей не советчик и она вправе увлекаться всем, чем хочет. А слышать ей меня и понимать, скорей всего, мешает второй наушник в её другом ухе.

А вот тут Маша неожиданно сбилась со своего напористого темпа и как-то в себе замешкалась. Что тут же мной замечается и берётся на вооружение.

– А там, в другом ухе, что? – С долей придиристости и от меня так просто теперь не отмахнешься, спрашиваю я.

– Здесь? – Как бы и себя спрашивает в задумчивости Маша, постучал пальцем руки по наушник.

– Угу. – Согласно киваю я.

И тут Маша пускается в пространные рассуждения. – Есть такие технические устройства, которые, скажем так, позволяют найти потерявшуюся вещь или какой-нибудь объект, а лучше будет, если не дать возможность потеряться, предупредив всё это.

– Вы это о чём? – Чёта ничего я не понял из сказанного Машей, а вот акцентировать своё внимание на появившихся догадках, то Маша большего повода для этого пока что не дала.

– О чём это я? – И опять Маша меня переспрашивает, и как я начинаю понимать, то ей сейчас трудно даётся подобрать слова для объяснения того, что всё это значит.

И она бы подобрала подходящие для пояснения мне слова, а может быть и нет, если бы не столь неожиданное для меня, но только не для неё, раз она могла с помощью этого ушного и умного устройства не потерять контролируемый собой объект слежения (я догадался, что за устройство было в ухе Маши) появление в буквально близости от нас объекта её слежения (а почему Маша его на более дальнем расстоянии не обнаружила, то вот здесь я все обвинения в свою сторону принимаю, я её отвлек).

А вот реакция Маши на появление этого человека, кто и был подконтрольным для неё объектом слежения, была, как минимум, несдержанной, эмоциональной и с перехватом ею дыхания до тех пор, пока поразивший её своей не укладывающейся в сознание Маши выходкой человек, не миновал её, дальше проследовав. Где мне даже не пришлось задаваться так и напрашивающимся сперва вопросом: «Она потерялась или же не нашлась?», когда итак всё очевидно и ясно при виде... Но давайте сперва дадим слово Маше, которой надо дать выговориться, а иначе она изнутри взорвётся. И, в общем, всё по порядку и по пошаговой раскладке, иначе самая суть из произошедшего будет упущена, потеряна и недостижима для понимания людей не присутствующих при этом событии.

– Что всё это значит?! – Нервно возмутилась и одновременно спросила Маша в сторону... Во-первых, совершенно ей непонятного из того, что тут происходит и наваливается на неё неожиданной смысловой нагрузкой, и в чём-то во-вторых того объекта её долгого и полного внимания, с кем у неё были ранее обоюдные договорённости и обязательства. И как не сразу, а спустя какое-то время я понял и мне подсказали, то контрагент Маши, с кем у неё имелись определённые договорённости, только в части времени прибытия к месту обозначенной встречи была обязательна и точна. А вот во всём остальном, в частности придерживаться на свой счёт пунктуальности, то тут у неё (а это была она, как уже ни раз отмечалось) имелись иные взгляды, явно отличные от Маши. Кто и была вот так обескуражена приходом Русланы, как звали контрагента Маши, не в одном лице, а в сопровождении некоего доверенного ей лица настолько, что он имел честь взятым Русланой за локоть руки.

И видимо Маша настолько была потрясена и выведена из себя этой выходкой Русланы, что она не смогла в себе сдержаться, и как какая-то жительница мегаполиса, кому по большому и по малому тоже счёту на всех вокруг начхать, принялась вот так вслух эмоционально недопонимать и вопрошать, прежде всего, саму себя: куда это катится этот мир?!

На что эта Руслана, с высоты своих высоких каблуков и личного высокомерия, прикрытого чёрными очками, упорствует сквозь Машу, вставшую на её пути, и её несколько больше не волнует то, что она на всё это думает и говорит. Плюс её ничего вообще не смущает, чего бы вы, Мария, не говорили, я для себя всё уже решила. И насчёт этого моего решения вы можете воочию прямо сейчас убедиться. И вообще, мы с Анатолом ничего вокруг не видим и не слышим, погруженные в нашу любознательность и друг в друга.

Впрочем, эта Руслана, девушка в чёрных очках со всполошенными в причёску волосами и несколько сумбурно одетая, всё же бросила взгляд внимания на Машу и кажется на меня. И как может мне показалось, то в ней промелькнуло злорадство. Мол. Получите Маша за всё хорошее без кавычек.

Ну а как только они нас миновали, а мы с Машей с дикостью в её лице и раздражением их начали провожать, то только тогда я посмел спросить Машу. – И кто это?

– А это наша звездочка, Руслана. – Отвечает Маша.

– Руслана? – Переспросил я.

– А что не так? – Не поняла Маша.

– А разве всё так? – Вопросом на вопрос отвечаю я, вслед добавив. – И поподробней, если можно.

И поподробней можно. И вот что это подробней в себя включает:

Как до сего момента думала и жила надеждой Маша, то у пары из их сообщества Руслана и Русланы, на чей обоюдный счёт так в именном качестве и во всём остальном природа подсказала и распорядилась, есть общее будущее. И что некоторые шероховатости и препоны на этом пути, только укрепляют стремление прийти к общему счастливому будущему, нужно только в себе иметь некоторую силу воли, терпение и сдержанность, и главное, принимать чужую точку зрения на это будущее. Но, как оказывается и сейчас демонстративно ею выясняется, то её подопечные (в частности Руслана) в деле отстаивания своей точки зрения и позиции на себя и своё будущее, запредельно упёртые и упрямые люди. Их основания быть и фундамент бытия, на который они опираются в своих жизненных выводах, построенный на природно-составляющих принципах, не позволяют им быть, скажем так, более гибкими в принятии решений. Они держаться за заложенную в них данность и не видят других оснований быть иными.

Так что когда возникла между Русланой и Русланом размолвка, естественно по самому пустяшному поводу, как это всегда видится со стороны, то Маша взялась решить эту между ними проблему, организовав для них встречу на самой нейтральной территории – в одной здешней кафешке. Так она заказала для них там столик, и взялась за дальнейшее содействие этой встречи.

И вот кого, как оказывается, она держала под контролем с помощью своего технически продвинутого устройства. А почему именно Руслану? То она ей показалась более слабым звеном и не настолько надёжным на выполнение своих обещаний. Что так и вышло. Только в совершенно непредвиденной и неожиданной для Маши плоскости.

И вот что теперь спрашивается делать Маше? Прямо обескураженной таким самоволием поведения Русланы, решившей указать ей своё место и показать, что она на всё и на своё счастье имеет свою личную точку зрения (нечего меня опекать уже? Мне давно не семнадцать лет, а уже восемнадцать), и легко справится с любой вставшей перед ней проблемой, в том числе и личного плана. – Да? Анатолий. – С этим злорадством Руслана обратилась к своему спутнику, Анатолию. Чья деловая и личностная конфигурация, скажем так, вызвала у меня много вопросов в плане того, а он сам-то знает, с чем тут связался, и потянет ли тот груз ответственно-

сти, который в себе несёт и представляет Руслана. Или для него всё это большой интерес и любопытство, с возможностью самоутвердиться на фоне Русланы, кому постоянно нужна поддержка в бытийном и физическом плане. А так-то начёт интеллектуальной составляющей, то она любого за пояс заткнёт своей язвительностью и умением переформатировать противоречащую ей структуру своего я какого-то там принципа под иной формат действительности и её реализации (это уже были мои логические выводы и догадки по следам с ней встречи).

Между тем Маша продолжает источать растерянность и упадок сил. – А я ведь сердцем чувствовала, – начала себя корить Маша за вот такую свою непредусмотрительность и самонадеянность, – что здесь не просто ссора из-за несовпадения взглядов, а здесь... – Маша на этом месте сбилась, тяжело вздохнув. Затем она поворачивается ко мне с подавленным видом и просьбой о помощи, и вот что мне говорит. – И как я всё это объясню Руслану? – вопрошает Маша. – А он поди что уже сидит и с нетерпением в кафе ждёт прихода Русланы.

– Но может они не туда идут? – Делаю я невнятную попытку как-то всё смягчить.

– А куда же ещё! – с возмущением ставит меня на место своей железной логикой Маша. – Ты её видел?

И да, я её видел. И то, что я видел, не даёт и шанса Руслану на то, что Руслана пройдёт куда-то мимо. Нет! Она этого Анатоля где-то прихватила только с одной целью – пригвоздить Руслана к одному месту, чтобы знал, как из себя корчить и не пойми что, заявляя, что лучше его она найти не сможет. А вот она взяла, и нашла что-то получше в лице Анатоля. Кто в одном уже гораздо лучше и перспективней Руслана, он видит в ней не только все её нужды, но и красоту во всех её выражениях.

– Тогда идём что ли? – задаюсь вопросом я.

И мы идём, ухватившись крепко за меня рукой Маши, которая сейчас находится в столь сильном нервном раздражении, в эмоциональном шоке и разориентации в пространстве, что она без моей помощи не сможет передвигаться. А куда идти, то это она мне подскажет.

Впрочем, путь до пункта нашего назначения не занимает много времени, и вот мы оказываемся на пороге входа в это кафе. Где я сразу, без подсказки со стороны Маши нахожу интересующих нас людей, и их позиционное в пространстве по отношению друг к другу нахождение вызывает у меня противоречивые чувства, начиная от удивления, заканчивая усмешкой. Где последняя эмоция сразу обнаружилась Машей, передавшись ей через руку.

– И что вас так рассмешило? – с долей раздражения спросила полусшепотом Маша.

А я без всякой задней мысли, да и вообще, что тут скрывать, когда вот она, перед нами очевидность, которая при наличии знания внутренней подоплёки происходящего, получает для себя совершенно иное объяснение, начинаю пояснять Маше, что тут во мне вызвало вопросительное удивление. Ну ладно, в сопровождении лёгкой весёлости. К тому же я не в курсе многих свойственных их сообществу вещей. И мне по крайней мере нужно объяснить, что значит вот такая встречная позиция и нахождение друг к другу спиной к спине Руслана и Русланы, занявших места за соседними столиками так, что их стулья оказались на расстоянии шага друг от друга, спинками стульев друг к другу.

– Они хотят знать, что чувствует и из себя внутренне источает каждый из них. – Даёт всё тем же шепотом мне пояснения Маша. – К тому же это самая удобная позиция, чтобы слышать происходящее за интересующим тебя столиком. – Здесь Маша хотела бы ещё что-то подчеркнуть из происходящего за этими столиками, где Руслан (он отчего-то не выглядел столь удручённым, как того добивалась Руслана, хоть я его и видел только со спины; а этот момент нервировал Руслану, не находящую себе места и всё крутящуюся на стуле, явно что-то насчёт Руслана подозревая) сидел спиной к Руслане и к выходу, а Руслана из выше уже пояснённого, также сидела за столиком с Анатодем, разместившимся напротив, как её в этом месте перебил вначале стук каблучков из-за спины, а уже затем изящный проход мимо нас интересной незнакомки.

И вот когда она проходила мимо нас, Маша вдруг резко сжала мою руку, и как я понял, то не случайно. И это не случайно относилось не только к этой незнакомке, но и к Руслану, к чьему столику шла эта она. И если это так, как решила уже Маша, само собой на основании своей интуиции, то это объясняет всю ту лёгкость Руслана, с которой он встретил появление Русланы в сопровождении Анатоля. Он со своей стороны приготовил ей сюрприз в лице этой незнакомки на шпильках. И эти шпильки были ею специально, по его просьбе надеты (так-то она, как и всякая современница, предпочитает носить кроссовки), чтобы вот так отчётливо подчеркнуть для Русланы, что у него тоже есть тузы в рукаве и на зависть некоторым не ценящих его особам.

А вот у Маши, как также сейчас выясняется, имеется иной взгляд на выбор этой незнакомкой вот такой обуви на своих ногах для предварительного оповещения своего прохождения зазевавшихся на своих проблемах зевак. – Она с помощью этого отстукивания будет контролировать его сердцебиение и вести его по своим следам. – Но сперва она не сдержится от своего недоумения, в сердцах высказавшись. – Да как же он мог?!

А вот у меня на этот счёт есть ехидное в чём-то замечание. – А они друг друга стоят. – Усмехаюсь я.

Что вызывает моё одёргивание со стороны Маши, кому так как мне не смешно, и... – Пожалуй, да. – Вынуждена согласиться со мной Маша.

А вот теперь у меня есть вопросы по делу к Маше. – А кто их сопровождающие? – спрашиваю я. – Они не из вашего сообщества?

– Нет. – Отвечает Маша.

– И Анатолий? – спрашиваю я насчёт спутника Русланы, кто, как и она был в чёрных очках, и кто знает, что это за камуфляж на нём был.

– Слишком он раскованно себя ведёт. Не сконцентрирован на собственном свойстве. – Даёт ответ Маша.

– Как ты? – чёта у меня это замечание не сдержалось и с языка слетело.

Что вгоняет в ступор и какое-то одеревенение Машу, видимо колко относящейся к любого рода даваемым ей характеристиками и замечаниям.

– Я на себе не зацикливаюсь. – Отчего-то разозлилась Маша, отбивая в ответ слова.

– Я это и не говорил. – Начинаю оправдываться я, не сильно понимая, где допустил оплошность.

– Вот и не говорите.

Ну а мне нужно срочно перевести тему разговора, и я её перевожу. – Тогда зачем? – спрашиваю я.

– Что зачем? – теперь уже не понимает меня Маша.

– Они с ними встречаются. – Уточняю свой вопрос я.

– А вот это мы сейчас и узнаем. – Говорит Маша. По сторонам озирается, и наклонившись ко мне, тихо говорит. – Я не должна себя никоим образом себя выдать для моих подопечных, сами знаете, насколько они проницательны насчёт вас услышать, так что берите на себя все организационные вопросы по нашему здесь размещению. И если столик номер восемь не зарезервирован, то он наилучшим образом нам подходит.

И я решаю это дело, в итоге вместе с Машей заняв указанный ею столик под номером восемь, который находился в очень выгодной и удобной для наблюдения за нашими подопечными позиции – на другой стороне зала, но недалеко, а в самый раз, чтобы быть близко и в курсе происходящего за их столиками, где боковое, в перпендикулярной плоскости нахождения нашего столика по отношению к ним, позволяло всё там отчётливо видеть. Но только мне. И всё по странной, но объяснимой Машей причине – она заняла место, сидя к ним спиной, а меня расположив лицом ко всему за теми столами и за её спиной происходящему.

А на немой мой вопрос: «И что это значит?», у неё есть всё объясняющий ответ. – Они меня увидят и в себе замкнутся и не будут естественными.

– Как? – не понял я. Хотя в части быть неестественными, я бы с ней поспорил. Руслану нисколько не остановило и даже того больше, провоцировало на вот такую свою естественность присутствие Маши. Чего она быть может, не хочет замечать, но я-то заметил.

– Может физическая природа им не позволяет всю эту направленную на них прямоту видеть, но в них наличествует некий локатор, который позволяет определить категорию отношения к ним стороннего человека – заинтересован ли он в нём, или мне дел других нет, как на вас пялиться. В общем, резюмирую, Руслана и Руслан в момент вычислят, что находятся на острие моего внимания. А так я хоть выставлю перед ним заслон в виде своей спины, и отсутствие с моей стороны внешнего фактора раздражителя в виде того же дыхания, даст нам некоторое время для наблюдения.

С чем я не собираюсь спорить, но у меня есть и другие вопросы и свои замечания к Маше.

– А ты всё-таки была готова и к такому варианту развития ситуации. – Заметил я.

– Это ты о чём? – не поняла Маша.

– А насчёт этого столика. Как ты узнала его номер и его такое отличное расположение по отношению к объекту нашего наблюдения.

– Что ж, подловил. – С виноватой улыбкой выдыхает Маша. – Приходится всё просчитывать и учитывать. Что в моём деле жизненная необходимость. И когда я подбирала место для этой встречи, то пришлось учитывать все нюансы расположения, как самого кафе, так и его внутреннего интерьера. Но второй столик с Русланой не я подбирала. – Поспешила оправдаться Маша в том, что если она и имела некоторые сомнения в том, что её план по примирению сторон не срастется, то только не при таком сюжетном повороте. И здесь все вопросы к Руслане, проявившей себя такой изобретательной в плане умения принести сердечную боль Руслану.

– Понятно. – Говорю я, вдогонку повторно спрашивая Машу. – А что насчёт вот такого их друг другу усаживания, спиной друг к другу?

– Ну, здесь имеет своё место символизм. Когда словами не всё можно сказать, а визуальная картинка может податься только частично, через иные формы её считывания, как тоже ощущение, то приходится использовать то, что у тебя есть в наличии. А если есть необходимость донести до определённого человека некую мысль и дать ему понять, что всё то, что было с тобой связано, находится с этого момента в прошлом, в частности за моей спиной, где вы сейчас и находитесь, то сесть к этому человеку спиной, как ещё лучше продемонстрировать это. – На одном дыхании довела до меня эту информацию Маша.

И я был откровенно озадачен и поражён таким умением использовать другие инструменты коммуникации для выражения и донесения до контрагента своих мыслей.

И как я вижу, то всего этого символизма для Русланы и Руслана недостаточно и откровенно мало, чтобы в полной мере указать своему когда-то настоящему, а сейчас прошлому, как им зло друг на друга за такое в прошлом настоящее, которое каждому из них обещалось быть вечным, но как прямо сейчас ими выясняется, то это были только слова и не больше. И каждый из них так крепко садится на свой стул, закрепляя для себя отныне не сдвигаемую и непоколебимую позицию, что со стороны спинки их стульев до меня доносится треск стульев, друг в друга спинками столкнувшихся.

А вот теперь, когда каждый из них опёрся всем собой, в частности спиной об спинку стульев, а ногами об пол, на своё фигуральное прошлое, то можно поговорить о настоящем с тем, кто это настоящее представляет. А вы, Руслан, слушайте и мотайте на несуществующий ус новый, прискорбный для вас опыт жизни, и я надеюсь, хотя не сильно в этом уверена, что вы, наконец-то, поймёте, чему вы в себе обязаны, где итогом стало всё это.

– А я, знаете, Руслана, нисколько не удивлён тому, чему сейчас был свидетелем. Ваша ветреность всем была известна и даже мне до поры до времени задувала слух своим недоверием всем ходящим о вас слухам, но сейчас я в этом убедился, и знаете, нисколько не раскаиваюсь в том, что освободил себя от несбыточных надежд связанных с вами. Что мне позволило найти того самого человека, кто меня уважает, понимает меня с полуслова, и принимает меня таким какой я есть. – Аж корёжит сознание Русланы Руслан своей оппозиционностью к ней, и вальяжностью рассадки на стуле. Где с его стороны даже не чувствуется никакого напряжения, как будто так и должно быть.

И хотя Руслану совершенно не волнует и ей начхать, что там делает и какие мысли вырывают в уме Руслана, всё-таки для неё сильно странно и непонятно видеть со стороны Руслана такое же в её сторону равнодушие и бесстрастность. Это как понимать и что значит?! Что он мне всё время наших с ним встреч врал о своих сильных чувствах. А такой обман своих чувств, а не разума, который всегда найдёт для себя оправдание, Руслана терпеть не намерена, принявшись ёрзать на стуле, и краснеть в лице от прилива к нему крови.

И всё это мне и до моего ума довела Маша, находящаяся спиной ко всем этим событиям, а я лишь следовал вслед её комментариям ко всем этим не видимым для глаз движениям души и чувств людей за теми столиками. И такая её проницательность, хоть и имеет логичные объяснения – Маша в курсе того, что между ними происходило – тем не менее это не может не вызвать восхищения у меня, дальше своего носа не видящего, и могущего ориентироваться только на прямые демонстрационные действия.

Так что вполне разумно с моей стороны будет, если я во всём буду полагаться на Машу в объяснении происходящего за этими напротив столиками, а от меня с её стороны требуется только одно – подсказывать ей, что там делается в физическом плане. А во всём остальном, в плане звукового сопровождения своих действий всех заявленных на эту встречу участников, она в курсе и может из всего этого делать промежуточные выводы.

– Как себя ведут Анатолий и подружка Руслана? – так негромко, чтобы дальше нашего стола не распространялась информация, спрашивает меня Маша, держа в позиции неприступности, в некоторой ровности несгибаемости и высокомерия свою голову, таким образом демонстрируя интересантам её здесь нахождения, что она останется при своём и её нисколько не волнует, что вы там себе на придумали, чтобы испортить себе и друг другу жизнь. О чём, как я понимаю, спутники Руслана и Русланы им расскажут после, когда они у них поинтересуются, как всё прошло, и не заметили ли они где-нибудь рядом одну самонадеянную гражданку, в себе демонстрирующую навязчивость и деструктивность в их сторону.

А те ничего из такого не вспомнят, разве что только одну высокомерную особу, всё фыркающую в их сторону, сбивая их с мысли и не давая спокойно кусок в горло просунуть.

– Это она. – Тяжко выдохнут Руслан и Руслана, узнав Машу по этим свойственным ей характеристикам. А вот почему они там, на месте, её сразу не вычислили, ведь они слышали это фыркание, то всему виной этот козёл Руслан или коза Руслана, на кого у них столько недовольства и возмущения накопилось, что это не дало возможности на что-то ещё обратить внимание.

Я же, покосившись в их сторону – а вот здесь мне нужно придерживаться конспирации, если не хочу быть ими замеченными, я в отличие от Маши к ним спиной не нахожусь и они в отличие от своих спутников физически приметливы – начинаю отслеживать, что они сейчас делают.

А они взялись за принесённые меню, и в сотрудничестве со своими спутниками примериваются к выбору блюд. Но не только. А как сумел я заметить, то они оценивающе бросали взгляды в сторону своего визави за соседнем столиком, и как бы приценивались к нему. Что мной объяснялось тем, что спутники Руслана и Русланы были в курсе того, ради чего они были привлечены ими для их прихода сюда, и тогда вполне понятен их интерес друг к другу. А вот

если они были задействованы в тёмную, то это не сильно красит подопечных Маши, хотя объясняет их желание насолить друг другу.

Но как мне с подозрением показалось, то здесь имел место третий, в совокупности с двумя другими вариант. Этот Анатолий, что за имя право и вообще он мне сразу не понравился из-за своего имени и что оно собой именovalo – какой-то этот Анатолий был тщедушный и совсем не пара Руслане, очень интересной, хоть и вот такой самонадеянной и с вызовами к тебе – и спутница Руслана по неизвестному имени, кто производила прямо противоположное впечатление в сравнении с парой Анатолий–Руслана – она была выше на голову Руслана, и не только в ростовом плане, в ней присутствовала наличие знания себе цены – не только оценочно перекидывались взглядами, а как мне, быть может, показалось, то они сверялись друг с другом в своих действиях. А это указывало на то, что они были не так уж и незнакомы друг с другом.

Впрочем, всё это было только мной надуманно и пока что не имело под собой оснований утверждать, что всё это так.

– Копаются в меню. – Комментирую Маше происходящее за этими столиками я.

– И как думаете, что будут заказывать? – с хитрой такой уловкой меня спрашивает Маша.

А откуда мне это знать. Я в отличие от Маши их совершенно не знаю. А делать логические выводы из факта с ними происходящего, – месье – это блюдо, которое нужно подавать холодным, значит, водки закажут – я не собираюсь. Но подколоть Машу я хочу.

– Шампанское. – Делаю я вот такое заявление, которое ожидаемо вызывает изморозь разума Маши.

– Это почему вы решили? – ничего из того, что я сказал и имел в виду не поняла Маша.

– А как ещё кульминировать ситуацию? – удивляюсь я вот такой недалёковидности Маши.

– Вы так думаете? – хоть и сомневается, но верит мне и моему циничному мышлению Маша.

– Всё-таки они не закажут шампанское. – С горечью говорю я, наткнувшись в себе на непредвиденное препятствие.

– Почему? – уже переживает за Руслану больше Маша, кто по её мнению способна на вот такую изобретательность в плане поддёргать нервы Руслану.

– Здесь не подаются спиртосодержащие напитки. А детское шампанское не так сильно бьёт в нос тому, кто это заслуживает. – А теперь я открыто иронизирую, вызывая у Маши то самое, так и незамеченное Русланом и Русланой фырканье в мою сторону.

– Вам всё шуточки шутить, тогда как там развивается настоящая трагедия. – Укорила меня Маша, насупившись и сложив на груди крест-накрест руки. Но при этом ей, настроившейся на то, чтобы быть в курсе происходящего за её спиной, не терпится поделиться хоть с кем-то, даже с таким как я козлом, всем тем, что она не может только в одной себе нести и ей нужно всё это переварить вслух. А именно зафиксированной её слухом информацией из того, что там себе позволяют по отношению друг к другу Руслан и Руслана.

– Тихо. – С шипением меня в свою тишину осадила Маша, принявшись концентрированно внимать происходящему за её спиной. После чего от её последовала, так сказать, озвученная ею стенограмма выездного заседания комиссии по разбору дела: «Руслана против Руслана». И никак иначе, и никто не будет переставлять имена местами только потому, что вам Руслан кажется, что здесь имеет место предвзятость к нему и дискриминация по умственному признаку (раз вы дурак, то держите это при себе и никому не рассказывайте, за умного сойдёте). Мол, вам сильно кажется и даже считается (все мы знаем, как вы считаете, только в свою пользу), что при любом исходе этого дела, в выигрыше будет одно и то же лицо. Что удивительно от вас слышать, в первые сумевшем сделать правильные выводы. Ведь как может быть иначе, когда девушка всегда права, а когда она не права, то только в том случае, когда на ваш счёт ошиблась.

– Вот значит как вы проводите своё свободное время без меня? – сквозь зубы делает такое замечание Руслана, стукнув по спинке своего стула локтём так, что эта её дрожь и нервность передалась по стулу к Руслану.

– Вы сами хотели, чтобы я проводил всё своё время без вас. – Со своей стороны отвечает Руслан. – К тому же вы не остались в накладе. Быстро нашли с кем вам проводить своё время.

– А вы что, ревнуете? – пищит в ответ Руслана.

– Я всего лишь констатирую факт. – Холодно даёт ответ Руслан.

– Констататор нашёлся. – Язвит в ответ Руслана.

– И кто он? – интересуется Руслан.

– А это для вас имеет какое-то значение? – вопросом на вопрос отвечает Руслана.

– Значит, вы ничего о нём не знаете. Подруги порекомендовали, чтобы было что мне предъявить. – Сделал коробящий слух и унижающий сознание Русланы вывод Руслан. И Руслана готова была вспыхнуть в своём нервном расстройстве, терпеть она не может, когда так передёргивают фактами. Но она сдержалась, ведь этого от неё и добивался Руслан, бесчувственная скотина, отлично знающий, как её легко вывести на вот такой провокации.

– Да. Мы только недавно с Анатолем познакомились. И у нас всё ещё впереди. В отличие от вас, с кем у меня всё позади. – Втыкает свою шпильку в зад Руслану Руслана. Но это ещё не всё, она имеет полное право ответного вопроса. – А что вас связывает с этой вашей подружкой, кроме вашего желания казаться выше, чем вы есть? – с ядовитой язвительностью спрашивает Руслана.

– Вы верно заметили, что я всегда стремился вверх. Тогда как вы меня во всём приземляли и тянули вниз. – А Руслан как оказывается, тоже не мальчик для битья, а он умеет бить под дых Руслане. – И Лейда во всём меня поддерживает и принимает эти мои стремления. – Добавляет Руслан. И в качестве демонстрации этой поддержки себя во всём Лейды, как выходит звали его спутницу и возможно, что подружку, этот подлый Руслан до чего же противным и слащавым голоском обращается к Лейде. – Лейдочка (тьфу, слышать невыносимо Руслане, чей слух уже покороблен одним вот таким мило-ласкательным озвучиванием имени Лейды; а вот меня, вы, подлеиший из людей, никогда так близко тембрально к себе не приближали!), как насчёт десерта? Может себя сегодня побалуем мороженым?

И Руслана аж задохнулась от возмущения за всё то, что сейчас себе позволяет Руслан, так открыто и откровенно пускаясь в эти свои сюси-пуси. Где он будет с этой гадиной Лейдой в её присутствии баловаться мороженым, и ещё поди что пломбиром с шоколадной крошкой.

– Да, нам пломбир с шоколадной крошкой. – Как будто прочитал мысли Русланы Руслан, тут же вслух подтвердив, какая он беспощадная скотина.

А вот представлять, как подлеиший из людей Руслан предполагает наслаждаться и баловаться мороженым, а так-то в основном играть в свои пакоснейшие игры с Лейдой, где он под столом будет проводить различные манипуляции с её и своими ногами, в самые неожиданные и затем смешные моменты подталкивая её коленки так звонко волнительно для неё, что она споткнётся на этом моменте и испачкается мороженым в своих томно полных губках, после чего она с укоризной посмотрит на такого шутника Руслана и с хитрым видом поинтересуется у него: «И как вы, Руслан, собираетесь устранять эту возникшую по вашей вине ситуацию с моими губками все в мороженом?», Руслана точно не будет, хоть уже и представила и знает, что этот циничный человек Руслан на это ответит Лейде.

– Можете не беспокоиться на этот счёт прекраснейшая из всех людей Лейдочка, всё будет сделано лучшим образом, так, как вам это нравится. – Оглушит мозг Русланы, выведя её из состояния равновесия этим заявлением Руслан, и падла, мерзопакостно вытянет свои губы вперёд в качестве площадки для пристыковки к ним губищ Лейды.

А Руслана сильно не уверена в том, что она сможет удержать себя в руках, сидя на одном месте. Она обязательно сорвётся со своего места, и как со всего разворота залепит пощёчину тому, кто окажется на пути её хлёсткого удара.

Ну а так как Руслана противник доведения себя до вот такого культурного шока и исступления (нервы вещь штучная и ими не стоит разбрасываться), то она просто обязана предпринять превентивные и очень действенные действия, чтобы себя избавить от вот такого душевного волнения.

– Анатолий, а как вы смотрите на то, чтобы сегодня поинтриговать нашу природу? – вот такой удивительный и полный загадок вопрос задаёт Руслана Анатолию, где его особый акцент делается на форму подачи этого вопроса – уж очень сладостно, до степени неразумного был задан этот вопрос Русланой.

И эта интонация подачи своего голоса и акцентирование на чём-то запретном, уж точно не одного Анатолия зацепила и встревожила до степени развязывания шнурков на туфлях (Анатолию немедленно захотелось залезть или заглянуть под стол, чтобы...нет, не для того, чтобы убедиться в том, что он тут не сбрендил от счастья, а ему нужно голову остудить от всех этих набежавших мыслей; а там, под столом, ни в коем случае нельзя открывать глаза, а то, как говорят, в омут головой), а Руслан, кто был первым адресатом этого послания Русланы, в себе отморозился и вспотел одновременно, потеряв контроль за своим руками, где принялся сжимать и стягивать на себя скатерть. Начав тем самым пугать Лейду этим к себе через скатерть притяжением, демонстрирующим его пылкость и невозможность обождать десерта (мне надобно прямо щас вас умопомрачить своим поцелуем), которое может привести не только к её перетягиванию на другую часть стола, но также и всех столовых приборов. А этого не потерпит местный обслуживающий столик персонал, не сильно любящий, когда бьют их посуду.

И на этом точно не закончилась эта пикировка между Русланой и Русланом, но Маша вдруг в лице меняется в сторону сильной встревоженности и с каким-то испугом, со своим вопросом ко мне всё это оставляет позади своего внимания. – Вы это слышите? – почему-то сдавленным, до самого низкого понижения тембра своего голоса обращается с этим вопросом ко мне она.

А я в первую очередь оторопел от такой её напуганности, не понимая, с чем всё это связано.

– Нет. – Даю ответ я, зачем-то пригнувшись к столу и пододвинувшись к ней.

– Кто-то, как лютый зверь, аж скребёт ногтями по экрану телефона, с трудом сдерживая ярость. – С той же хрипкостью и тяжеловесностью в голосе говорит Маша, зафиксировав себя в одном внимающем положении. Ну а от меня сейчас требуется одно, немедленно начать искать источник этой опасности для Маши. Но не сильно демонстративно, а спокойно начать смотреть по сторонам в поиске того типа, кто подходил под вот такое описание Маши, как лютотого зверя или психически невождержанного человека. В общем, мне нужно искать заросшего волосами, небритого и дёрганного человеческого типажа, близко стоящего к представителям неандертальского сообщества. Хотя, если он пользуется мобильным телефоном, то он сделал качественный эволюционный скачок и может записан в гомо сапиенсы. Вот только не смейте ему в лицо тыкать этим, он не потерпит такие фамильярности и характеристики.

И почему-то ожидаемо мной, я никого и близко похожего на того, на кого мне через вот такое описание указала Маша (а я ничего такого и не слышал), не обнаружил. Но Машу теперь это не совсем волнует, её острый в отличие от моего безалаберного и только себя слышащего слух, уже на другое заострён слышать. И при этом она провела свои ассоциативные параллели между не найденным мной зверем и сидящей где-то за моей спиной парочкой людей (а я вот находясь к ним ближе, ничего из того, что слышит с их стороны Маша и не слышу, как бы не напрягал свой слух; очень даже это странно).

Где, как решилось и думается Машей, тот зверь имеет прямое отношение к подружке своего друга, с кем у неё здесь сейчас происходит встреча и свидание, и это его отношение выразилось в том, что он ей сейчас пишет сообщение таким зверским образом, выцарапывая буквы слов на экране своего телефона. Что указывает на то, что он в курсе вот таких, за его спиной встреч его может и не такой уж и далёкой знакомой (пока ещё трудно идентифицировать степень их отношений), и за ней следит, держась до поры до времени в тени, наблюдая за ней со стороны. Ну и чтобы не только ему сердце кровью обливалось и нервно тикалось при виде всего того, чему он сейчас стал свидетелем, он с помощью отсылки этого сообщения ей, решил её подёргать в нервных конвульсиях.

– Это он? – вопрошает он из этой парочки при виде, как она нервно одёрнулась от своего телефона, лежащего перед ней столе, со стороны которого прозвучал звуковой сигнал оповещения прихода сообщения.

– Да. – Сглотнув набежавшую слюну, проговорила она, не сводя своего взгляда с экрана мобильного телефона, страшась взять его в руки.

– Может быть, хватит себя так мучить? – начинает возмущаться он. – Не пора ли от всего этого избавиться, рассказав ему о нас.

– Ни за что! – дёрнулась в какой-то спешке она, перехватив его руки.

– Но почему? – ни черта не поймёт он.

– Он тебя убьёт. – А вот это был странный аргумент для него, думающего, что они все тут живут в цивилизованном мире и такие пещерные методы разрешения любовных конфликтов не комильфо.

– Так уж и убьёт? – не верит он, хоть в его голосе и имеет место сомнение.

– Если не напрямую, то испортит нам всем жизнь порядочно. – Говорит она.

– Я готов ради тебя на всё. – Делает заявление он.

Ну а отвага и геройство насчёт тебя всегда тебя склоняет к принятию близко к сердцу и к ещё чему-то в себе всего этого проявленного в твою сторону мужества, склонив её голову поближе к источнику озвучивания этих, может и высокопарных слов, но таких желаемых слышать.

И что удивительно, так это то, что Маша опять всё ставит на паузу, вдруг всполошившись и спохватившись на том, что мы, как оказывается, и почему-то по моей вине, кто между, прочим ею же и был отвлечён, всё прошляпили, упустив из виду уход в первую очередь интересующих нас пар – Анатоля с Русланой и Руслана с Лейдой.

– А и в самом деле, как-то они очень быстро собрались и ушли. – Заметил я.

– Вот сейчас не до аналитических замечаний. – Заявляет зло Маша. А вот это покорило мой слух, и можно было полегче высказывать своё недовольство. Но сейчас мне не даётся время для высказывания своих претензий, Маша, будучи вся в спешке и на нервах, дёргает меня торопиться поспешать идти вдогонку.

А вот я веду себя благоразумно в плане того, что меня не захватила спешка и у меня есть возможность здраво посмотреть на всю эту ситуацию с потерей наших парочек.

– Маша, ты же можешь отследить их нахождение. – Делаю резонное замечание я, кивая в сторону её, так и находящегося в ухе наушника.

– И то верно. – Успокаивается Маша, но не полностью, раз ей приходится перехватить свою руку в области запястья, и как я уже знаю, приняться нащупывать свой пульс. И как я теперь ещё понял, то Маша пытается всё в себе держать под контролем, в частности ритм своего сердца, заскоки которого не позволяют ей принимать взвешенные решения. Одним из которых было принятие моего приглашения отобедать вместе. Которое она вот таких интересным для меня способом объяснила.

– Они недалеко ушли. – А вот и первые результаты её рассудительного поведения. – Вот только есть одна проблема. – Добавляет Маша, в чьём лице появилась озабоченность.

– Какая? – спрашиваю я.

– Они разделились.

– Это было ожидаемо. – Не вижу я ничего нового. – Но ты же такой вариант уже про себя рассматривала. – Спрашиваю я.

– Да. – Соглашается она.

– Ну и что ты решила? – интересуюсь я, про себя наслаждаясь этим моментом затруднения Маши, в ком борется рассудительность со своим расчётом с чем-то из области безрассудного, где первое настаивает на том, чтобы меня отправить вслед за Русланой, кому в случае чего понадобится моя мужская поддержка, а во втором случае я буду должен проследить за Русланом, кому не такая уж опасность угрожает со стороны Лейды. А вот почему я так всё это решил за себя и за Машу, то я и сам не знаю. Что, между тем, не отменяет того, что Маша приняла решение точь-в-точь с моими соображениями.

– Ладно. – С тяжким вздохом сказала Маша. – Ты идёшь за Русланой, я же... – здесь Маша делает задумчивую паузу, и со вздохом отдаёт себе странно прозвучавшую команду. – Проследовать за Русланом. – Здесь я ожидал, что мы больше не будем здесь больше задерживаться и выдвинемся догонять наших беглецов, но Маша опять ведёт себя непредсказуемо, она не подсказывает с места, а продолжает сидеть.

– Что-то не так? – спрашиваю я её.

– Всё так. – Улыбчиво отвечает Маша. – Мне просто нужно время собраться. – С чем она поднимается с места, и ...– Давайте догоняйте. А я за вами. – Говорит мне Маша.

– Точно? – переспрашиваю я её, видя в ней какую-то бледность.

– И да. Если возникнут какие-нибудь вопросы, то звоните мне. – Говорит Маша.

– А у меня разве есть ваш телефон? – чёта я вообще всё запомнил.

– Есть. – Говорит Маша, дав мне вспомнить, когда мне давался её номер телефона.

– Ах да! Вспомнил. – Усмехаюсь я, вдруг ещё один момент вспомнив. – А как насчёт моих подопечных. Как далеко они могут зайти... Ну вы сами знаете.

– Вы сами поймёте. – Даётся мне ответ, и я выдвигаюсь в сторону преследования моих подопечных, Русланы и Анатоля. Кто и в самом деле далеко не ушли, и я их сразу обнаружил по выходу из кафе.

– Так, и что будем предпринимать? – почему-то в таком, стороннем качестве обратился я к себе. Хотя ответ очевиден. Для меня вызывает большой интерес нахождение себя в таком чуть ли не шпионском качестве, ведущего наблюдение за скажем так, представляющей угрозу национальной безопасности одним частным лицам резидентам представительства другой стороны правды. Где в их части света, а это может ассоциировано приниматься стороной тьмы, откуда всё видится под другим углом зрения и значит у них правда иная (что не значит, что она не правда), со своим световым смещением в контуры других значений определений действительности, в противоположность нашему обзору принимает для себя физическое и культурное значение.

И эти посланники другой стороны света, со своей стороны занимаются сбором информации о нас, тогда как я буду вести за ними наблюдение. В общем резюмирую, нашёл я для себя мотивацию вести наблюдение за Русланой и за этим Анатодем. Кого мне хочется поймать на чём-то предательски подлом по отношению к Руслане. А как иначе, ведь этот Анатоде представитель тёмных сил, и он только и способен на тёмные мысли.

Так что моя предвзятость к Анатоде и не пойми мной на каких основаниях возникшая (неужели только на его слащавом имени), начала во мне превалировать, заставляя быть к нему более чем внимательным. При этом я не имею права игнорировать и не считаться с Русланой, кто в отличие от Анатоля, сконцентрирована и сфокусирована на окружающем её мире, из которого она выхватывает для себя все его особенности, свои частные свойственности и отдельные характеристики. И мой ход вслед за ними, будет ею захвачен, проанализирован и

записан в свой квалифицирующий реальность реестр. Где я буду ею записан пока что в идущего в одном с ними направлении прохожего (она по моему ходу и наступу на мостовую, меня в отдельные личности идентифицирует, например, в попутчики). Что на данный момент не вызывает у неё особых вопросов.

Но вот если она с Анатолем по какой-нибудь причине останутся на одном месте, ну, например, для того, чтобы насладиться вечерним бризом и своим молчанием, а я, для неё идущий вслед за ними прохожий, поведу себя не как обычно, проследовав дальше, а тоже тут остановлюсь от них неподалёку, то это, по крайней мере, потребует от неё принять меня во внимание и насторожиться. И дальше уже она будет идти, держа меня под своим контролем, с подозрением меня в чём-то провокационном.

Так что мне нужно держаться от них на некотором расстоянии, способствующим тому, чтобы я не был слышим острым слухом Русланы. При этом я должен быть в курсе всего того, что происходит между ними, то есть слышать то, о чём они ведут беседу. А этого не добиться без приближения к ним как раз на то расстояние, где я оказываюсь в поле обнаружения Русланы.

И я решаю занять боковую от них позицию, что набережная, на которой мы сейчас оказались, вполне позволяет. К тому же я могу, не привлекая на себя внимание подозрительности и мнительности Русланы, время от времени останавливаться у парапета, типа повздыхать в сторону свежего воздуха, и несущейся от туда свободы (может туда прыгнуть навсегда), или же у меня возникло желание покормить местную популяцию птиц.

– Ну, всё, давай рассказывай, что ты вокруг видишь. – С долей иронии дёргает за локоть руки Анатоля Руслана, кому скучно идти по жизни в автономии обстоятельств своей жизни и на свой счёт природного выбора, и ей требуется ощущать и знать внешнее присутствие, со своей, пусть какая есть публичностью.

– Солнце светит... – начал было предварять свои познания об окружающем сейчас их мире Анатолий, тут же перебитый Русланой. – Анатолий, быстро собрались и включили свою соображалку. Не нужно меня принимать уж за совсем примитивную субстанцию. Насчёт атмосферных явлений и их сопровождений я вам дам фору, например, по небесному солнцестоянию посчитав, сколько сейчас время. – А вот это, в чём-то самонадеянное утверждение Русланы, вызывает в лице Анатоля сомнения. Что в момент улавливается Русланой, и она, резко остановившись, требовательно так обращается к Анатолю. – Что, не верите?!

Анатолий уже в себе поперхнулся на том, что был ею подловлен на вот такой его критической мысли и сомнении, и он не может и дальше демонстрировать и подтверждать на свой счёт догадки Русланы.

– Есть некоторое сомнение. – Говорит Анатолий.

– Тогда смотрите на свои часы и готовьтесь вставать на колени. – Заявляет Руслана.

– А на колени-то зачем? – чёта мало что понял Анатолий, посмотрев на свои брюки в области коленей и на лежащую перед ним мостовую, не слишком чистую, чтобы на неё приклонять колени.

– А как ещё вы собираетесь вымалывать у меня прощение за вот такое ваше недоверие мне. – А у Русланы есть железный аргумент в свою пользу, но не в пользу чистоты коленей брюк Анатоля. И Анатолий даже понятия никакого не имеет, как ему теперь выпутываться из этой ситуации. Вот он и стоит с поникшим видом.

– Достали часы? – спрашивает Руслана.

– Ага. – Сглотнув слюну, согласно кивает головой Анатолий, вытянув из-под рукава пиджака запястье руки, на котором болтались часы.

Ну а Руслана, явно специально, делает трагическую для Анатоля, кульминационную паузу, вытянув лицо через свой длинный нос в сторону куда дует ветер, и возможно зажмурив глаза (из под очков это не было видно, да и непонятно это её действие, если это не есть про-

явление мышечной памяти), вытянулась в струну через свои руки, протянувшиеся вдоль её тела, и... Слушайте и сравнивайте полученное Русланой время. – Сейчас плюс, минус десять минут третьего. – И после озвучивания полученного результата своего вычисления, Руслана срывается с места, и требовательно в направлении Анатоля смотрит. И не смейте, Анатоль, тянуть время (хотите тем самым внести погрешность в расчёт времени), немедленно подтвержайте верность расчетов Русланы или будьте последней сволочью, заявив, что всё это не так. А как может быть это не так, когда так, или же ваши часы запредельно спешат или же навсегда запоздали. И с таким безответственным человеком, кто не следит за ходом своего времени, Руслане точно не по пути и не по времени.

– Вы меня удивляете. Всё именно так. – И всё-таки Анатоль не такой дурак, как на его счёт предвзято думал я, и он нашёл верные слова для ответа Руслане. Уж очень сильно обрадовавшейся тому, что Анатоль не ослороп, а вот насчёт верности вычисления времени, то разве это важно, когда тот человек, на кого вы возлагали надежды, их оправдал.

А вот мне, стороннему наблюдателю и не находящемуся в поле внимания Русланы человеку, всё-таки интересно знать, правильно ли она вычислила время. И я начинаю оттягивать рукав своей куртки, чтобы сверить время на своих часах. И видимо делаю это как обычно, без учёта нахождения неподалёку Русланы, насчёт которой нужно придерживаться осторожности, раз это с моей стороны движение обнаруживается ею.

– Это мне показалось, или как? – вопросительно и требовательно одновременно заявляет Руслана, перенаправляя свою голову в мою сторону. – Что кто-то ещё решил посомневаться во мне.

А вот сейчас я сообразил быстро отвернуться от них, встав спиной, и типа уткнулся в свои мысли, стоя у парапета. И Анатоль, наткнувшийся на мою спину и моё положение отстранения от всего и от вас, не найдя причин придаться ко мне, как к очень навязчивому своей любознательностью человеку, успокоил Руслану. – Здесь место сильно ветреное, вот и надувает в голову всего подряд. – Говорит Анатоль. – Может, пойдём дальше?

– А что там дальше? – интересуется Руслана.

– Новый путь и новые встречи. – Отвечает Анатоль.

– Звучит заманчиво. – Усмехается Руслана. – И с кем судьба нам предлагается встретиться?

– А вот вы сами мне это скажите. Проявите свою проницательность. – Даёт ответ Анатоль.

– А я подтверждаю или опровергну.

– Второе вряд ли произойдёт. – Имеет вот такое своё мнение Руслана.

– Это почему? – удивляется Анатоль.

– Сами же сказали, что я проницательный человек. Так что я совершенно редко ошибаюсь в людях. Особенно в тех, кого я допускаю быть рядом с собой. – А вот на это Анатоль и не знает как реагировать. Кроме как поплыть и промолчать, сказав: «Тогда идём».

И они идут дальше, а я, выждав немного, выдвигаюсь вслед за ними.

– Ну, рассказывайте. Не молчите. – Начинает одёргивать от себя и от своих мыслей Анатоля Руслана.

А я, как наверное и сам Анатоль, начинаю жалеть самого себя, то есть Анатоля, кому не даёт ни минуты покоя Руслана, вон какая, как выясняется, непоседливая и стремящаяся жить каждое мгновение вертунья.

И само собой Анатоль не успевает и слова вымолвить, как Руслана уже делает свои выводы насчёт молчания Анатоля.

– Или вы от меня что-то скрываете. Так, Анатоль? – уже жёстко спросила Руслана, до боли в руке Анатоля, сжав его руку. И попробуйте только Анатоль пискнуть, как маленькая девочка, Руслана ещё сильнее начнёт давить на эту вашу малохоливость.

– Даже не думал и не представляю, о чём это вы. – С нотками обиды в голосе заявляет Анатолий. И Руслана вроде бы ему верит и принимает его ответ.

– Ладно, Анатолий, чего вы прямо всё серьёзно воспринимаете на свой счёт. – Выдыхает Руслана. – Просто мне, заключённой в четырёх стенах и оковах темноты, хочется выхода из этой автономии своего я. Вот я вас, как лучик света для меня, освещающего внешние пределы, и дёргаю. Давайте, рассказывайте уже. – И Анатолий начинает рассказывать, правда как-то обще, без особого интереса и конкретики.

– Вижу позитив и весну вокруг. – Вот такое говорит Анатолий. Сам своим ответом провоцируя Руслана на недовольство им как рассказчиком.

– Ну, такие знания я могла бы и сама почерпнуть из календаря и книг по психологии. – Надувает щёки от недовольства Руслана. – Вы что, это специально делаете? – а вот этот её вопрос есть преддверие к началу надутости Русланы. Что ни к чему хорошему не ведёт. А кто же может спокойно наблюдать за такой своей трансформацией личности в плане потерять былую стройность не по резонной причине своего хорошего аппетита, а затем через набор килокалорий, а в результате нервного стресса, который всегда избежать можно, если бы вы, Анатолий, вели себя разумно. Но нет, вам желается выпячивать своё эго, и вам только до себя дело есть. Так, Анатолий?!

И хотя может быть всё итак, но Анатолий и под пытками водой (истерики Русланы с потоком слёз) об этом не скажет, понимая, что он тем самым только усугубит ситуацию. А вот что он немедленно ответит Руслане (промедление с ответом дурными последствиями угрожает), то именно то, что она слышать хочет.

– А что я могу поделаться, – пожимает плечами Анатолий, чьё начало своего оправдания пугает и тревожит Руслану (неужели Анатолий нашёл в себе смелости признаться в том, какая он скотина, и что я теперь буду делать, каким образом его мотивировать быть послушным, ведь этот рычаг давления испаряется), – когда мне всё вокруг видится в таком свете, когда вы со мной рядом.

Ну не скотина ли этот Анатолий, умеющий говорить такие сладкие для ушей Русланы слова.

– Умеете вы, Анатолий, приврать. – Усмехается Руслана, и не давая возможности Анатолию возразить, добавляет. – Впрочем, я это принимаю. А теперь, Анатолий, давайте вернёмся к нашему делу. Давайте говорите мне, кто это она такая, и кто она для вас?

– Не понял? – страшно растерялся Анатолий, искренне недоумевая.

– А что непонятно то. – Теперь в ответ искренне недоумевает Руслана. – Я говорю про вот ту, идущую навстречу нам гражданку, с которой вы давно не сводите своего приметливого взгляда. – Здесь Анатолий вновь было дёрнулся в сторону высказать возражение против таких на себя наветов, но у Русланы есть веские доводы остепенить Анатолия и лучше не возражайте.

– И вот только давайте без этих ваших детских оправданий. Неужели хотите сказать, что не заметили в ней то, что даже я наблюдаю? – пресекает все попытки Анатолия оправдаться Руслана.

– Что именно? – ну а Анатолий всё-таки упрямый малый, и он хочет знать конкретику своего обвинения.

– А это вы мне сами скажите. – Говорит упёрто Руслана. – Вы всё-таки ближе к её очевидности. Сами же знаете, что я могу только нащупывать пути к познанию объекта своего наблюдения. И да, – делает важное дополнение Руслана, – придерживайтесь объективности, я знаете ли, принимаю позитивные вещи больше в свою сторону.

В общем, есть Анатолию над чем крепко подумать, и при этом категорически срочно – интересующая Руслану и теперь вслух и его гражданка, уже находится на финишном пути к границе с ними пересечения. И что самое для Анатолия прискорбное что ли в данной ситуации, когда он находится в такой крепкой связке с Русланой, от которой ничего не пройдёт мимо

и не укроется с его стороны, так это то, что эта гражданка ведёт себя прямо некультурно и вызывающе – она не скрывает своего любопытства в их сторону и во все глаза пялится, то на Руслану, то на него дура.

И Анатолий прямо не находит оправдания такой её нескрываемой любознательности. – Чего, спрашивается, она в них ищет?! Что её так удивляет и что ещё непонятного?

А тут ещё и Руслана со своей стороны подталкивает его соображать поскорее, или вы там решили что-то от меня для себя придержать и припрятать в этой не такой и не незнакомки для вас. А почему у меня возникли такие мысли, то вы сами меня к этой мысли подтолкнули своим долгим наблюдением с наслаждением за ней.

Так что Руслана уже ждать не может, когда там Анатолий разродится быть с ней откровенно честным, и она наводящими на сложные мысли вопросами и замечками за этой идущей навстречу им «принцессе», откроет правду о ней Анатолию, и заодно раскроет о вас правду Анатолий, ветреный и чуткий только к своим проблемам человек.

– Она симпатична? – задаёт вопрос Руслана, принявшись прислушиваться к дыханию Анатолия и его шагу.

Ну а Анатолий, не первый день знает Руслану (возможно второй), и он уже спотыкался на её вот такие провокационные и каверзные вопросы. Так что опыт и навык не даёт ему на сей раз споткнуться на этом вопросе, и он сразу отвечает. – На любителя.

И само собой его ответ был не до конца им обдуман и дан впопыхах. На чём он и ловится Русланой. – А вы любитель? – интригуя спрашивает Руслана.

И вот что теперь отвечать на это этому остолопу Анатолию? Уж точно не записывать себя в профессионалы. А других категорий знатоков женской красоты и личности он не знает. И тогда ему приходится признаваться в том, что эта встречающая девушка, ему, как только любителю, приглянулась (а в профаны себя записывать не посмел).

– В какой-то степени да. – Отвечает почему-то стыдливо Анатолий (это потому, что он не профессионал).

– Понятно. – Многозначительно сказала Руслана. Немного подумала и вот что спросила. – Что ещё о ней можете сказать?

– Сказать-то могу многое, но это разве имеет какое-то значение. – Начинает увиливать от ответа Анатолий.

– Тогда скажите, вы бы её пригласили куда-нибудь, если бы меня рядом не было? Но только честно. – Делает знаковое уточнение Руслана.

И Анатолий готов быть с нею честным. – А зачем, если она всё равно не пошла бы со мной. – С долей горечи смеет говорить Анатолий.

– Почему вы так решили? – спрашивает заинтригованная Руслана.

– А она бы по мне прочитала, что все мои мысли заняты другой. – Робко покосившись в сторону Русланы, вот что он тут умудряется выкинуть. И Руслана сама чуть было не запнулась об эту его провокацию. За которую вы, Анатолий, прямо сейчас ответите по всей строгости закона, утверждающего, что сильно подсудно делать на прямом пути подножки девушкам, затмевая их разум и зрение несбыточными мечтами и фантазиями фантастического толка. Как только я и могу понять эти ваши заявления.

И неотвратимость мщения Анатолия настигает немедленно, как только встречающая девушка оказалась в пределах пересечения с ними, и при этом с ожидаемой Русланой стороны – со стороны Анатолия. – И вот объясните мне, Анатолий, как так получилось, что вы оказались настолько к ней ближе, чем вы себя по отношению к ней позиционировали – всего лишь к встречающей прохожей. Что полностью нивелируется этим вашим нахождением по одну сторону от меня. – С вот таким посылом Руслан нахмурилась, и раз вы, Анатолий, так и хотите испортить мне на весь день настроение, с перспективой расстроить моё будущее, то я дам вам шанс от меня избавиться с этой стервой.

– Прошу прощения. – В самый неожиданный для Анатоля точно момент, как и для проходящей было мимо незнакомки, к ней делает вот такое обращение Руслана, мило так улыбаясь (а так-то с каким-то коварством).

И незнакомка, явно ничего такого не ожидая, как будто пойманная на чём-то предосудительном (на своём глазеении в сторону не положенного) на месте тормозится, и хлопая глазами, как и Анатоля, далеко от неё не ушедший (он тоже растерян), с натянутой улыбкой обращается в ответ к Руслане. – Да, я слушаю.

– Значит, вы принимаете мою просьбу о прощении? – вопрошает Руслана.

– Да. – Теперь уже в растерянности и в непонимании чего от неё хотят, неровно отвечает незнакомка.

– И в чём, теперь хотела бы я знать, я перед вами виновата? – с напором надвигается с этим вопросом на незнакомку Руслана, заставляя ту начать пятиться назад.

– Я не понимаю. – Начала сбиваться и отбиваться от напора Русланы незнакомка. – Это ведь такой оборот речи. Так ведь?

– Значит, любите всё оборачивать вокруг себя. – Делает удивительные выводы Руслана. – Ну а простить меня вы от меня требуете за то, что это я иду с ним, – Руслана кивает на Анатоля, – а не вы.

– Что?! – вообще ничего не поняла незнакомка, как и Анатоля, застывший в онемении и оторопи, но эту вопросительную эмоцию в себе сдержавший. У него во рту из-за сухости возникла непроходимость голосовых путей.

– Забирайте его, если вам так его надо. – Заявляет Руслана, отталкивая от себя Анатоля в сторону незнакомки. А сама с высоко поднятой головой и я отныне свободный человек, твёрдым шагом выдвинулась дальше, прочь от этих приземлённых вещей и людей их образующих.

А Анатоля, охреневший от всего этого, как и стоящая напротив него незнакомка, почему-то счёл за необходимое начать оправдываться перед ней и притом очень странно. – Как-то всё неловко вышло. – Вот такое говорит Анатоля, бросая умоляющие взгляды в спину удаляющейся Русланы.

И Руслана сжалилась над Анатодем, вдруг остановившись и поманив его пальцами руки.

И Анатоля без здрасти и до свидания бросил на произвол своего недоумения свою новую знакомую, направившись к Руслане. Кто его не сразу принимает под своё крыло, а сперва спрашивая. – Ну как, почувствовали облегчение, когда избавились от моей опеки? – И не смейте отворачивать от меня в сторону назад или даже в бок лицо, я по вашему дыханию соображу это.

– Нет. – Даёт много трактуемый ответ Анатоля.

– Что нет? – не поняла Руслана.

– Не почувствовал. – Даёт расширенный ответ Анатоля, даже не пытаясь оспорить утверждение Русланы о том, что это она его опекает, а никак не он.

– Тогда я вас принимаю. – Говорит Руслана, взяв Анатоля под руку, чтобы выдвинуться дальше.

– Да кто они такие?! – возмущённо вопрошает себя и меня в том числе та остановленная ими незнакомка, оказавшаяся рядом со мной.

– А мне почём знать?! – удивляюсь я такой любознательной настырности людей, и заодно тому, что, как оказывается, Руслана и этот Анатоля, судя по характеру их отношений, не в первый раз встречаются. А это наводит на некоторые мысли. А вот на какие, то это тоже под вопросом моей тревожности.

Но сейчас не время для ответов на эти вопросы, и я продолжаю своё их преследование, приведшее меня на одну из скамеек, находящихся рядом с той скамейкой, на которой решили Анатоля с Русланой расположиться и отдохнуть за счёт вот такой деревянной конструкции и заодно за счёт праздно и по делам идущих и прогуливающих людей, в чью сторону у Русланы имеется неистощимый интерес.

Ну а Руслана, из какой-то там особенной вредности своего характера, а может из-за его неуживчивости, вот не может принять обыденное вещи такими как они есть, а в ней так и порывается охарактеризовать по своему всё с вами, а затем и с нею по вашей вине происходящее, которое и произошло лишь по той причине, что она сильно покладистая и послушная девушка. Что не отменяет наличие в ней свободолобивой природы, о чём она и собирается вам, Анатолю, указать. Что б, значит, в следующий раз при принятии какого-нибудь волевого решения, вы принимали в сильный расчёт и её мнение. Которое пренебреженно в ней присутствует, даже в случае её прилежного и вас только слушающего молчания.

– Что, Анатолю, утомились? – Однозначно не просто так интересуется у Анатолия Руслана, спрашивая его таким вкрадчивым голосом, что у Анатолия прямо мурахи побежали по спине. На которую он было собрался всем собой облокотиться через спинку скамейки, да куда теперь там на неё навалишься, когда тебя так интригуют и сбивают с толка.

– Почему бы не передохнуть и не перевести дух. – Вздыхает Анатолю, хитро так с общих позиций отнесясь к своему, бл..ь, решению зачем-то посидеть на скамейке, когда можно было не давать таким образом повод Руслане к себе прицепиться. Хотя Анатолю догадывается, почему он предложил Руслане, – а она согласилась, между прочим, – посидеть на скамейке, он хотел избежать новой встречи с какой-нибудь встречной провокаторшей, обязательно и при любом виде и раскладе вызвавшей бы в его сторону новые вопросы у Русланы. А так он собирался пересидеть этот напор внимания Русланы к рассмотрению прохожих, и уж затем идти дальше.

– И так легче дышится. – А вот это было лишне, как буквально сейчас же убедился Анатолю.

– Интересно. – Многозначительно заметила Руслана, в момент заставив Анатолия напрячься в ожидании какой-нибудь новой каверзы с её стороны. И в этом плане Анатолю никогда не ошибается. – А что, на ногах не так легко дышится? – Интересуется у Анатолия Руслана.

– Наверное. – Почесал точно репу, раз такой остопоп Анатолю, уже догадываюсь, что сейчас его начнут тут склонять.

– И почему же? – А вот спрашивает Анатолю Руслана не с той целью, чтобы узнать ответ, а у неё уже ответ есть, а чтобы Анатолю по третировать на чём-то своём, только что придуманном.

– Я как-то не задумывался. – Дурак. – Можно было бы добавить к этой фразе этого недоумка Анатолю, раз он не задумывается над последствиями своих ответов.

– А может потому, что находясь на ногах, то есть на одном уровне с другими людьми и прохожими, дышащими одновременно с вами в этой сфере общего взаимодействия, в чём то в разряженной атмосфере вашими выхлопа и не только углекислоты, но и разными второсортными мыслями и продуктами их переработки, и всё прямо друг другу в лицо, вам становится непроходимо трудно дышать от такого совместного бытия и хочется от всего этого отклониться, с кем-нибудь, кто с вами дышит в одну сторону, и в одном дыхании на другом уровне отношений и взаимопонимания уединиться? – И это звучит из уст Русланы не как вопрос, а приглашение к чему-то неразумному и само собой, необдуманному действию, на которые только и способен Анатолю с его, между прочим, слов. Где Руслана в его сторону повернулась, перестала дышать и что же вы, Анатолю, так сильно в себя ушли и присмирели?

А что Анатолю? Когда он себя потерявшегося и растекшегося в мокроте озноба своего сознания найти не может. Только не дышать, замереть и рассчитывать на чудо. Может Руслана потеряет его окончательно из виду, в том числе из сознательного? А?!

И Анатолю был вдруг спасён. И спасла его его сердечная близорукость, упершаяся было на скамейку его руками. Ну а когда Руслана к нему так поступилась, то Анатолю, потеряв все основания быть самостоятельной личностью, соскользнул с этого упора и прямо... Хорошо, что

только в колени Русланы головой. Охренеть! И слов сразу не нашедшей, как отреагировать на вот такое до себя падение Анатоля, в себе так же как и он сильно потерявшейся.

Ну а что мне делать при виде так опасно и стремительно в сторону близости развивающейся ситуации, в которой и не разберёшь, кто жертва своей доверчивости, а кто, всё это время демонстрируя в себе нерасторопность мысли и чуть ли не пришибленность, всё это использовал для того, чтобы нанести сейчас вот такой удар под дых и ниже пояса зависимому от себя и от своей доброты и веры в люди человеку!?

И я, склонный теряться в сложных ситуациях, решаю рассчитывать на ещё кого-то. Да на туже Машу. Для чего я достаю впопыхах телефон из кармана, что не так просто сделать, когда твои руки дёргаются, хватаются и цепляются за всё на своём пути к телефону, взяв который по итогу всей пятернёй, уже не получается его вытащить из кармана, а всё потому, что слишком узкое горлышко для выхода из кармана этого моего ручного кулака. И нужно как-то ослабить хватку, чтобы не порвав брюки, вытащить телефон и руку.

С чем я кое-как справляюсь и начинаю с помощью отрывистых мыслей писать Маше сообщение. Которое при первом моём прочтении, прежде чем, быть отправленным, выглядит как крик о моей помощи. – Что делать?! Ситуация на грани! Срочно ...

– Так не пойдёт. – Прочитав это своё сообщение в виде истерики, я его удаляю. После чего как можно взвешенно описываю ситуацию. – Они сели на скамейку и стали её использовать, как инструмент для своего сближения. – Прочитав своё сообщение перед отправкой, я решил, что как-то вычурно и по книжному получилось. Что мной посчиталось, как пойдёт, и сообщение было отправлено. И мне теперь оставалось ждать ответа от Маши, и наблюдать за тем, что там ещё выкинет эта странная и удивительная парочка.

А там Руслана между тем в себе собралась и нашлась, и она, положив свои руки на спину Анатолю, удержавшись от его поглаживания, вот что его спрашивает:

– Что с вами, Анатоль?

А что может ответить Анатоль, когда он и сам не в курсе с ним случившегося.

– Голова закружилась. – Всё-таки находит подходящий ответ Анатоль, приподымаясь с такого удобного и мягкого места своего возлежания.

И его ответ в принципе принимается, раз он отвечает высказанным Русланой предположениям насчёт желания Анатоля подышать с ней на одном уровне понимания друг друга кислорода. Где его внутренняя конституция оказалась не столь подготовленной и крепкой при встрече с её, вот и не выдержала этого лицом к лицу столкновения.

– Понятно. – Даёт ответ Руслана, и опять Анатоля какой-то тревогой нагнетает. А вот спрашивать Руслану, что ей так понятно, то этого от Анатоля ни за что не дождёшься. Он знает, предпосылкой к чему может служить этот её ответ – хоть к чему.

– Ну что, перевели дух? – спрашивает Руслана.

– Да. – Опасливо отвечает Анатоль.

– А ноги отдохнули? – следует новый вопрос от Русланы.

На что Анатоль отвечает после того, как посмотрел на свои ноги рефлекторно. – Вроде бы тоже да. – Не сильно уверенно говорит Анатоль.

– А то говорят, что в ногах правды нет. – А вот к чему это сказала Руслана, то это только мне хочется знать, а вот Анатолю точно нет, и ему последнему, кому хочется знать ответ на эту её загадку. Но тут дело такое, что как раз ему первому и нужно высказать заинтересованность в желании знать, к чему это сказала Руслана. А иначе она сочтёт, что Анатоль в курсе всего того, что она только гипотетически на его счёт рассудила, и это оказалось правдой. И притом самой неприятной и отвратительной.

А так Анатоль у неё поинтересуется: «О чём это вы, Руслана?», и может быть у него получится избежать обвинения в предумышленности такого своего поведения – вы, Анатоль, стали жертвой обстоятельств.

И Анатолий вынуждено спрашивает Руслану. – Вы это о чём?

И ожидаемо и в тоже время не так ожидаемо Руслана начинает усугублять ситуацию. – А вы точно хотите это знать? – задаётся вопросом Руслана, замерев в одном положении ожидания ответа Анатолия.

А Анатолий само собой хочет ответить отрицательно на этот её вопрос, разве это ещё не ясно Руслане. Но он так ей не ответит, потому что ему ясно другое. Такой его ей ответ вызовет у неё как минимум истерику. И он отвечает ей так, как она хочет слышать. – Так расскажите, раз так хотите.

И хотя это прозвучало грубо, всё-таки лучше, чем просто нет. Ну а то, что Руслана за такую грубость рассердилась, то сами виноваты в том, что не умеете вести светские беседы, и тогда получайте за свою без культуристость.

– Вы от чего-то, а скорей от кого-то бежите. – Делает вот такой удивительный вывод Руслана, стопорящий в Анатоле все умственные процессы. – Раз вот так ногами голосуете в сторону уйти от прямых ответов. – А вот это вообще непонятно, что значило, сбивая Анатолия и меня в том числе со всякой разумной составляющей объяснения заявленного Русланой. Чей сумбур мыслей имеет разумное объяснение только в одном случае, в... Но меня здесь перебивает пришедшее сообщение от Маши, и я только услышал от Анатолия вопрос: «И от кого же, скажите на милость?», после чего отвлёкся на сообщение от Маши.

Кто со своей стороны выдаёт для меня свои сюрпризы, отправляя мне голосовое сообщение, что в моей ситуации, когда я придерживаюсь скрытного положения, совсем не к месту. А выслушать её сообщение в другой раз я почему-то не могу, и мне приходится приложить к уху телефон, чтобы на самой низкой громкости прослушать её сообщение.

«Придерживайтесь тишины в эфире», – вот что я услышал, выведенный из себя этим её сообщением. От которого я ожидал чего-то большего, и уж точно не этого моего попрекания. И я даже разозлился на эту рассудительную Машу, до чьего бы замечания я не додумался бы.

– А если ты такая умная, то какого(!) шлешь мне голосовое сообщение, когда можно было написать?! – вот так нервно рассердился я, и хорошо, что только про себя.

А между тем за всем этим я много пропустил из происходящего за скамейкой интересующей меня пары, где Руслана и Анатолий только в одном сговорились и нашли точки соприкосновения, покинуть это место и направиться в сторону своего пункта назначения, куда вслед за ними выдвинулся и я.

И на этот раз они шли всё больше молча, видимо про себя переживая за то, о чём они, сидя на скамейке, не договорились или же договорились до того, что каждому из них теперь нужно как следует подумать над своими, сгоряча высказанными словами.

И мне, как мною же выяснилось, отводилась самая сложная роль – роль детектива, кто, исходя больше из своих предположений и домыслов, а фактов раз и обчёлся, должен выяснить, что их так друг в друге сейчас расстроило.

– Последнее, что я услышал, это были слова Анатолия, спросившего Руслану о том, кто мог быть тем человеком, от кого он бежит как от огня? – слегка утрируя и сгущая краски, воспроизвёл я разговор между ними.

И ответ Русланы на этот запрос Анатолия может быть только один. – Вы сами знаете это отлично. – Так утверждающе это заявляет Руслана, что Анатолий от такой самонадеянности Русланы аж поперхнулся. И очень зря. Это первый признак её правоты, а его нет. А вот имена озвучивать Руслана не будет, она не настолько кровожадна и мстительна. И пусть вам, Анатолий, будет стыдно за вашу подлость и обман Лейды.

– Не знаю я никого! – было сорвался Анатолий и тут же осёкся на воспоминании причины их сегодняшней встречи. На упоминание которой так и провоцирует его Руслана. Она так и хочет, чтобы он указал ей на её не такую уж большую верность одному идеалу, и вы, Руслана, не такой уж и ангел. Вы, как и мы грешные люди, ошибаемся в людях.

И только посмей он, Анатоль, повести себя так подло и скверно, Руслана только этого от него и добивается, чтобы доставить через него себе боль страданий, и если даже подтвердятся её сердечные надежды на него – Анатоль так же как и я страдает и его подлость имеет оправдание тем, что он ревнует меня к Руслану, – всё равно этого будет мало, чтобы заглушить боль одиночества.

– Ну ты и загнул. – Осадил и остепенил я себя, так далеко зашедшего в своих фантазиях, и очень вовремя. Руслана и Анатоль пришли до места своего назначения – подъезда одного из домов, – и...как-то быстро расстались. Видимо потому, что между ними возникла размолвка и каждому из них нужно было время переварить свою обиду.

Ну а на этом как бы всё, и мне можно было закругляться, отправившись домой. И я бы так и поступил, не имея на мой счёт другие планы этот Анатоль. Кто очень резко и для меня вдруг оборачивается в мою сторону, быстро окидывает взглядом лежащее вокруг него пространство, и выделив из него меня, как приоритетную для него цель, начинает наскоро сокращать расстояние между мной и собой. Не давая мне никакой возможности сообразить над тем, что всё это может значить, или же мне надо просто уйти. Так что мне только одно и остаётся делать – приготовиться к отражению атаки Анатоля. Кто видимо меня давно за ними следящим заметил, и только ждал удобного момента со мной разобраться.

И вот он сокращает между нами расстояние до предела, и... с благообразным выражением лица делает ко мне обращение. – Друг, не будет сигаретки?

– Чего? – не сразу я понял, о чём меня спрашивают, будучи готовым к другому к себе подходу.

– Сигаретки. – Повторяет свою просьбу Анатоль. – Курить, страсть как хочу. Боюсь, что до магазина не дотерплю. – Усмехается Анатоль, сумев меня удивить тем, что вызвал во мне симпатию. И какой он Анатоль?! Да только со слов Маши и Русланы, где первая с неприязненной предвзятостью к нему относится (и мне в эту сторону смотреть подбила), а Руслана из чисто внутреннего противоречия и желания всё подвергать одёргиванию и осмеянию так по нему именно прошлись. А так-то Анатоль не Анатоль, а всего лишь Толик.

– Есть вроде. – Отвечаю я, постучав по карманам. После чего я достаю пачку сигарет и зажигалку, и с вопросом: «Что, подружка не разрешает?», передаю всё это ему.

– И не говори. – Поморщившись, отвечает Анатоль, зажигая сигарету и выпуская с наслаждением дым. – На километр запах табака не переносит. – Добавляет Анатоль, на этом моменте задумывается и из глубины этой своей осмыслённости вот какую вещь выдаёт. – И вообще с ней очень сложно.

Я, понимая, что тут им затрагивается очень деликатная тема, не лезу с расспросами, а лишь демонстрирую в себе желание слушать. И Анатоль принимает мою тактичность.

– Она пережила сильную аварию, и сейчас восстанавливается, проходя курс реабилитации. – Озвучил эту большую новость для меня. И у меня немедленно возникли вопросы претенциозного характера к Маше. – И когда же интересно вы, Маша, собирались мне об этом сообщить?! – Хотя это я поспешно вскипел, у Маши не было времени мне рассказать обо всём касающемся Русланы, а может и Руслана (а он тоже был участником этой аварии, или же здесь имеет место что-то другое?!).

– И что с ней случилось? – участливо спрашиваю я.

– Она не может видеть. – С тяжким вздохом сказал Анатоль.

На что я, участливо покачав головой, благоразумно молчу, и жду, когда Анатоль успокоит свой разум дымовой завесой и если посчитает нужным со мной поделиться информацией насчёт Русланы, то я буду очень внимательным к нему слушателем.

И Анатоль, увидев во мне благодарного слушателя, кто не пожалел для него не только своего времени, но и сигарет, раз уж самого подбивает высказаться и выплеснуть из себя накопившееся, то первый встречный лучший для этого вариант.

– И это не физическая дисфункция вследствие аварии и перенесённой травмы головы, – Анатолий пустился в пояснение случившегося с Русланой, – а здесь имеет место психологический фактор. У неё, из-за какого-то предшествующего аварии события с кем-то для неё знакомым лицом, произошёл разрыв нейронных связей, приведших к потере зрения и вычёркиванию памяти прошлого. – Проговорив это, Анатолий смотрит на меня с пониманием того, что он не большой специалист во всём этом, а как может и знает поясняет произошедшее с Русланой. И может по этой в том числе причине, всё им рассказанное выглядит так фантастично и не реально.

Но я, как уже мной говорилось, в себе демонстрирую благодарного слушателя. А это подразумевает мою полную веру всему сказанному Анатолию. Кому я не буду высказывать сомнений в этой его версии объяснения произошедшего с Русланой, а вот к Маше у меня есть немало вопросов, в первую очередь связанных с её утаиванием настоящей действительности связанной с Русланой и Русланом. Кто... Но не будем делать поспешные выводы. Сперва послушаем, что ещё скажет Анатолий.

А у Анатолия, как сейчас же выясняется, есть свои догадки насчёт с ней случившегося, что привело её к такой зрительной дисфункции. О чём он вот так говорит. – Хотя, как мне кажется, она один момент из того события, предшествующего аварии, которая есть по своей фигуральной сути посттравматический шок от пережитого, прекрасно помнит. – Как будто проговорился, вот так сказал Анатолий, и чтобы дальше полностью не проболтаться, он заткнул свой болтливый рот сигаретой.

– Сложно с ней? – чтобы как-то занять возникшую неловкость, спросил, не спросил я Анатолия. Хотя всё же спросил, раз он в форме ответа на вопрос ответил.

– Есть такое. – Тяжко вздохнул Анатолий. – Но тут дело такое, – а вот такая сбивчивость Анатолия на повторение говорит о его сильном волнении, – она находится под постоянным давлением и стрессом бессилия и невозможности изменить ход истории с собой, или по другому, складывающуюся с ней ситуацию, наверняка, забываясь в истерике от всего этого накатившегося на неё бессилия, когда она находится наедине с собой и с этим новым для себя состоянием обречённости на разобщённость с внешним миром, безлюдье и на одиночество, как итоговый приговор. И когда она вырывается из этого круга – что не так часто, как бы ей хотелось получается – например, с помощью меня (здесь я хотел было его перебить, спросив: «А вы какую роль играете в её жизни?», но сдержался, решив обождать), то она уже не может ни в чём остановиться. Она хочет всё вокруг пространство занять собой, себя во всё, что можно и не можно вовлекая. Что и приводит к такому её безудержному, иногда невыносимому для её спутников поведению. Где она за всё собой и своим мнением цепляется, не давая никому прохода, и всё на предельном и на грани фолла уровне.

При этом она отлично понимает, какой она несёт своим спутникам вред, беспокойство и неудобство, но ничего с собой поделать не может. Она до смерти боится что-то упустить, – кто знает, может она в последний раз соприкасается с этим открытым для всех, кроме неё миром, – и остаться в своём замкнутом только на себе одиночестве, вот и хватается за всё, что идёт ей в руки. – С таким запредельно мрачным прискорбием подвёл итог Анатолий, что мне даже сглотнулось и всё внутри похолодело от такой жуткой правды. И теперь мне всё в другом ракурсе видится из происходящего между Анатолием и Русланой, чья взбалмошность и сумасбродство поведения теперь получает для себя разумное объяснение.

– И есть какое-то решение? – пониженной тональностью голоса спрашиваю я.

Анатолий не сразу отвлекается от своих дум в сторону меня и моего вопроса, смотря куда-то вглубь себя. И видимо прокрутив про себя все возможные и доступные варианты, и не найдя ничего обнадеживающего, даёт мрачный ответ. – Уже и не знаю.

И тут мне в голову приходит прямо-таки кошунственная и вообще ни к месту фантастическая вещь. И её бы сразу забыть, или по крайней мере придержать за зубами, но я, как утопающий, хватаюсь за соломинку.

– Может поцелуй принца поможет? – вот такую дурость и удивительную, со сказочным ответвлением нелепицы заявляю я (видимо дело совсем плохо). За которую Анатолий вправе врезать мне за такое кошунство и над такими вещами не смеются.

Но к моему удивлению, Анатолий не видит в моём вопросе хоть какую-то степень насмешки и ехидничания, а он с долей отрешённости (может по этому он философски к моему предложению отнёсся), с серьёзным видом и подтекстом в себе даёт поразивший меня ответ. – Я, к сожалению, не принц.

– А может, будет достаточно её веры в это? – а вот куда меня начинает заносить, то я и сам не знаю, задаваясь такими странными вопросами.

– Я слишком малодушен и эгоистичен, чтобы взваливать на себя такую для себя неподъёмную ношу. – Прямо-таки моими словами, сказанными Маше, отвечает Анатолий.

– Тогда остаётся одно, найти того человека, кто привёл к этой ситуации с ней. У меня такое чувство, что его нахождение и приведение к Руслане, может сделать прорыв в её состоянии. – Было хотел я такое предложить Анатолию, кто по всей моей видимости, к чему-то такому уже сам склонялся, но пока об этом не распространялся, разумно посчитав, что этот вариант нужно хорошенько обдумать и рассмотреть со всех сторон. К тому же всё это предполагает большую затрату времени, ресурсов и работы. Чего у него нет. И если он обо всём этом предпочитает помалкивать, то куда мне, постороннему человеку лезть во всё это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.